

**Научная лаборатория
современной политэкономии**

**Деглобализация: кризис
неолиберализма и движение
к новому миропорядку**

**ДЕГЛОБАЛИЗАЦИЯ: КРИЗИС НЕОЛИБЕРАЛИЗМА И
ДВИЖЕНИЕ К НОВОМУ МИРОПОРЯДКУ**

Научный доклад

Р. А. Абдулов, Д. Б. Джабборов, О. О. Комолов,
Г. А. Маслов, Т. Д. Степанова

Москва

2021

Оглавление

Введение	4
Глава 1. Глобализация в истории экономической мысли	9
1.1. «Мейнстрим» экономической мысли: от меркантилистов до неолибералов	12
1.2. Марксизм: политэкономическое переосмысление международной торговли	45
1.3. Противоречия глобализации в мир-системном анализе	68
Глава 2. Волны глобализации как отражение цикличности капиталистического развития	90
2.1. Техничко-экономические факторы глобализации	90
2.2. Основания технико-экономической цикличности	117
Глава 3. Деглобализация и упадок американского системного цикла накопления	141
3.1. Деглобализация: новые вызовы мировой экономике	141
3.2. Противоречия неолиберальной глобализации 1980–2010-х	164
3.3. Навстречу новому экономическому миропорядку: Китай — новый лидер?	191
Заключение	231
Список использованной литературы	244

Введение

Глобализация «обогатила мир в научном и культурном отношении, а также принесла пользу многим людям в экономическом плане» — эти слова принадлежат лауреату премии по экономике памяти Нобеля Амартию Сену¹. Он высказал эту мысль в статье 2001 г., написанной в ответ на протесты антиглобалистов, которые пытались сорвать встречу лидеров «Большой восьмерки». Этот международный клуб стал символом и одним из проводников идеологии глобализации современного мира. Ее экономическая сторона восходила к идее «четырех свобод» (для движения товаров, услуг, капиталов и рабочей силы), а также принципам открытого доступа к сырьевым ресурсам, мирового патентного права, использования доллара и евро в качестве «мировых денег», вмешательства международных организаций во внутреннюю политику государств и т. д.

В условиях ускорения глобализации 1980–2000-х, происходившей на фоне поражения СССР в холодной войне и распада социалистического лагеря, мейнстримом западной идеологии стал тезис, теоретически выведенный и оформленный в известной статье Ф. Фукуямы «Конец истории?». В ней автор приходит к выводу о том, что исчезновение мировой системы социализма является свидетельством торжества принципов либеральной демократии западного образца, которые не имеют альтернатив. Это означает достижение обществом конечной точки социокультурного развития, где нет места войнам и революциям, которые проводились во имя идеологий, бросавших вызов западноцентричной модели мирового развития². Данная парадигма стройно укладывалась в принципы неоконсерватизма (особенно в США в период президентства Р. Рейгана и Дж. Буша-младшего) и играла роль идеологического оправдания экспансионистской внешней политики по отношению к режимам, которые продолжали сопротивляться

---

¹ Sen A. Ten Theses on Globalization // *New Perspectives Quarterly*, 2001. 18 (4). P.11.

² Fukuyama F. The End of History? // *The National Interest*, 1989 (16). P. 15.

насильственному насаждению «либеральной демократии» и «свободного рынка»¹. Вопрос о том, что период открытости и либерализма в политике и внешней торговле гипотетически может смениться протекционизмом и торговыми войнами, противоречил господствующим нарративам и практически не обсуждался даже в научной сфере.

Однако период иллюзорного мирового добрососедства закончился вместе с развитием мирового финансового кризиса 2007–2009 гг. В истории мировой экономики наступил этап деглобализации. Высокие темпы экономического роста, казавшиеся когда-то пришедшими навсегда, сменились менее благоприятной конъюнктурой, заставляя государства концентрировать усилия и ресурсы на восстановлении национальных экономик и поддержке местного бизнеса. В ход шли разные приемы протекционистской политики: от повышения отдельных таможенных пошлин до осуществления целых государственных программ. Они были и остаются направлены как на ослабление зарубежных конкурентов (введение санкционных режимов), так и на создание тепличных условий собственным производителям (например, программы импортозамещения в России и «покупай американское» в США). Это усилило стагнацию мировой торговли и глобальных потоков капитала.

На таком фоне естественным образом все большую популярность набирают политические силы, стоящие на национально-патриотических позициях и исповедующие изоляционистскую идеологию. Многие из них добиваются успеха, наиболее очевидным примером которого является Брекзит. При этом повсеместная радикализация политического дискурса создает угрозы вооруженного противостояния за передел рынков. Все это противоречит традиционному пониманию гармонии свободной торговли.

Нередко примеры изоляционистской политики государств преподносятся лишь как политическая воля отдельных пришедших к власти групп или личностей. На более «продвинутом» уровне исследования

---

¹ Anderson K. American University International Law Review // Foreign Affairs, 2007. Vol. 22. No 2. P. 284.

предпринимаются попытки обнаружить экономические интересы, стоящие за теми или иными влиятельными фигурами. Однако и такой уровень анализа не доходит до глубинных оснований вопроса.

В рамках настоящего исследования будет предпринята попытка широкого взгляда на проблему глобализации с обращением к предыдущему историческому развитию индустриального капитализма. Все это позволит подвергнуть пристальному изучению проблему деглобализации современной мировой экономики, дать ей теоретическое объяснение, отыскать причинно-следственные связи, приведшие к дезинтеграции мировой экономики, углубить понимание особенностей устройства современного капитализма, а также определить в нем роль и место отдельных стран и регионов. В частности, будет проведено исследование цикличности глобализации и ее объективных предпосылок. Объектом выступит как специфика конкурентных отношений ведущих стран между собой, так и взаимодействие центра и периферии современного мирового капитализма. В завершение будут выделены «магистральные» направления развития глобализации в будущем. Такое объяснение лежало бы в области устойчивых закономерностей рыночного развития, мало зависящих от случайных, субъективных составляющих. На последних часто делают акцент представители теоретического «мейнстрима», оставляя широкое исследовательское пространство для альтернативных подходов.

В связи с поставленными задачами и средствами их решения необходимо отдельно сказать об авторской интерпретации понятия глобализации (и, соответственно, деглобализации как ее противоположности). Как показано в работе А. М. Ждановой¹, к настоящему моменту сложилось множество версий смыслового наполнения этого термина. Причем со временем оно становилось более многогранным, включая в себя интернационализацию различных сторон общественной жизни (экономика,

---

¹ Жданова А. М. Подходы к определению понятия «глобализация» // Проблемы современной экономики. 2012. № 3. С. 106–109.

образование, культура, урбанистика и т. д.). Наиболее концентрированное внимание экономическим аспектам уделялось в конце XX в.

Некоторые исследователи рассматривают экономическую глобализацию лишь как современный этап развития мировой экономики — апогей интернационализации хозяйственных связей¹. Глобализации приписывают уникальные свойства унификации потребительских вкусов, усиления мощи и власти корпораций, резкого роста богатства и нищеты, «макдоналдизации» питания и культуры, господства неолиберализма в политике государств². МВФ описывает глобализацию как рост взаимной интеграции экономик, развитие культурного и научного сотрудничества³. Безусловно, эти и многие другие черты отличают современный этап развития капиталистического способа производства от предыдущих. Однако, несмотря на это, глобализация в том виде, в котором она предстает перед нами сегодня, является закономерным результатом эволюции мировой экономики на протяжении предыдущих столетий, когда был заложен фундамент тех противоречий, которые становятся сегодня вызовами для всего человечества.

В данном исследовании под термином «глобализация» будет рассматриваться процесс углубления международного разделения труда, выражающийся в интенсификации торговых и финансовых потоков между национальными экономиками на этапе индустриального капитализма. Причем такое углубление ведет к формированию мировой экономики как новой целостной системы. С точки зрения авторов, это отделяет глобализацию от интернационализации хозяйственных связей. При последней усиление международных экономических отношений еще не означает появления нового качества мировой экономики как отдельной системы, а касается внешнеторговых аспектов отдельных стран как самостоятельных единиц.

---

¹ *Некинелов А. Д.* Глобализация и стратегия развития экономики России [Электронный ресурс] // ИМП РАН. URL: <https://ecfor.ru/wp-content/uploads/2001/fp/4/01.pdf> с. 1 (дата обращения: 10.03.2018).

² *Shalmali G.* Globalization // *Development in Practice*, 2007. Vol. 17. No. 4/5. P. 523–531.

³ Globalization: A Brief Overview [Электронный ресурс] // IMF. URL: <https://www.imf.org/external/np/exr/ib/2008/053008.htm> (дата обращения: 10.03.2018).

Такое определение восходит к традиции марксизма и мир-системного анализа, что будет отражено в главе 1.

Авторы придерживаются политэкономического подхода при исследовании проблем глобализации. Его основным преимуществом видится системность и внимание к динамике развития социально-экономических явлений. Он позволяет вскрыть и объяснить объективный характер тенденций развития современной капиталистической экономики. Более подробно преимущества такого подхода, как и ограничения методологии «мейнстрима» экономической теории, будут обоснованы в основном тексте работы.

Полученные в ходе исследования результаты предлагают новый взгляд на развитие процессов глобализации в эпоху индустриального капитализма, поведение ведущих стран на мировом рынке в разные периоды времени. Это внесет вклад в понимание сегодняшних трансформаций международной торговли и экономической взаимозависимости стран мира. Теоретическая новизна, в свою очередь, может служить обоснованием выбора линии поведения различных экономических агентов в зависимости от текущей ситуации в мировой экономике и, в частности, различных мер экономической политики государства. Последнее будет актуально в том числе и для России.

Авторский коллектив выражает благодарность проф. А. В. Бузгалину, проф. А. О. Вереникину, проф. М. И. Воейкову, проф. Р. С. Дзарасову, проф. А. И. Колганову, проф. С. А. Толкачеву, выступившим в роли рецензентов данной работы. Их благожелательная критика и советы позволили четче определиться с ориентирами исследования, углубить его теоретическую базу, а также усилить обоснование научной новизны.

Настоящее издание вышло в свет благодаря поддержке аудитории Youtube-канала «Простые числа»¹, оказавшей материальную помощь проекту и вдохновившей авторский коллектив на исследование противоречий современного капитализма.

---

¹ Видео-канал «Простые числа» // URL: <https://www.youtube.com/c/Простыечисла2019>

Глава 1. Глобализация в истории экономической мысли

Развитие капитализма неразрывно связано с расширением торговых границ, основанием географически новых рынков, углублением международного разделения труда.

Экономическая мысль тем самым не могла оставить проблему глобализации на периферии своего внимания. Это особенно касается начальной стадии развития экономической науки, которая совпадает с периодом становления капитализма в западных странах. В то время первоначального накопления капитала торговцами осуществлялась широкая географическая экспансия. Наглядно высвечивались преимущества разделения труда (не стоит, однако, забывать, что обмен далеко не всегда осуществлялся на равноправных началах без элементов насилия). Это дало основание современникам выделять именно сферу обращения как источник богатства.

Впоследствии, когда был завершен процесс первоначального накопления капитала, капитализм закрепился как новая господствующая система, теоретики сконцентрировались на раскрытии сущности новых экономических отношений. Описывались базовые категории, выводились общие «естественные» законы. Хотя в центре внимания уже была сфера производства, а не обращения, преимущества разделения труда, расширения торговых связей выделялись как ключевые факторы повышения благосостояния населения. Подчеркивалась продуктивность механизма свободного рынка, в котором торговля развивалась спонтанным порядком. В ответ на противоречия капитализма появлялась разнообразная критика, дополнения к данным положениям.

В рамках ведущих школ экономической теории по мере «освоения» базовых причинно-следственных связей, изучения сущностных характеристик различных явлений произошло переключение на описательные и

практические аспекты. Уточнялись отдельные положения, формировалась эмпирическая описательная база. Принципиально новых, «революционных» теоретических идей, в том числе и касательно тем, относящихся к глобализации, стало меньше. В то же время расширение и углубление капиталистических отношений, формирование мировой хозяйственной системы со всеми ее противоречиями родили новый предмет исследований, затрагивающий непосредственно международные торговые отношения. Однако этот предмет закрепился в основном в гетеродоксальных направлениях.

Эволюция экономической теории во многом отражает эволюцию экономической реальности. Поэтому путь развития науки — это не просто перечень различных подходов и мнений экономистов разного времени, но и отражение вызовов практики, на которые было необходимо отвечать. Меняющаяся реальность заставляет исследователей модифицировать свои воззрения, а порой и вовсе ведет к научным революциям, появлению новых направлений. Кроме того, ни одна экономическая теория не может объяснить все. Это требует ее полноценного дополнения другими концепциями.

Таким образом, каждую теорию можно назвать ограниченной во времени и пространстве. Ее положения вынуждены корректироваться по отношению к новым условиям реальности (а иногда справедливые выводы в одно время становятся абсолютно устаревшими в другое), а также рассматривают лишь одни стороны объекта ввиду ограничений предмета и метода. Обращение к истории мысли выступает поиском оптимального соотношения составляющих экономической науки с теми задачами, которые стоят на данный момент.

Рассмотрение основных теоретических подходов в историческом срезе задает контекст настоящего исследования. Это послужит выявлению тех аспектов проблемы глобализации, которые еще не получили достаточного объяснения. Кроме того, освещение предшествующих достижений экономической науки послужит обоснованию выбора теоретических

инструментов для решения вопросов данной работы в связи с современными условиями экономической реальности. В частности, это касается конкурентных отношений между ведущими странами, центром и периферией мировой экономики на этапе стремительных технико-экономических трансформаций.

Структура первой главы отражает взаимосвязь исторического и логического в развитии теории касательно проблем глобализации. Основой формирования разделов выступают фундаментальные различия в предметах, методах, исследовательских предпосылках и выводах нормативного анализа рассматриваемых направлений.

Сначала представлены концепции «мейнстрима»¹ со времен меркантилистов до наших дней. Затем рассматривается марксизм как направление, предложившее системную критику «буржуазной политической экономии». Хотя хронологически марксизм возник раньше, например, неоклассики, методологический инструментарий и система аргументации родоначальников марксизма используется и сейчас в полемике с неоклассикой. Тем самым неоклассика, заимствовавшая ряд ключевых положений английской классической политической экономии, может быть рассмотрена и как объект заочной критики со стороны классиков марксизма.

В завершение освещается мир-системный анализ как одно из направлений развития марксизма в XX в. Его формирование стало логичным следствием развития глобального капитализма. Появился достаточный исторический материал, на основе которого стало возможным выявлять закономерности в развитии международных экономических отношениях, действующие в долгосрочном периоде. Кроме того, расширение рынков капитала и рабочей силы, углубление разделения труда сделало страны экономически сильно зависимыми друг от друга, что ставит вопросы

---

¹ Нужно оговориться, что «мейнстрим» экономической науки, являясь сравнительно новым понятием, может применяться и к концепциям прошлого. Под ним подразумеваются теории, составляющие преобладающее направление экономической теории

характера этих зависимостей и воспроизводства мировой капиталистической системы как единого целого.

С точки зрения критики либеральных концепций мир-системный анализ продолжает марксистскую традицию, перенося методы трудовой теории на анализ отношений глобальной эксплуатации. В дальнейших частях данной работы выведение исследовательской новизны фактически базируется на интеграции этих направлений.

1.1. «Мейнстрим» экономической мысли: от меркантилистов до неолибералов

На заре экономической науки

Вопросы международной торговли получили широкое распространение в умах мыслителей уже в позднефеодальный период. На этом этапе в наиболее развитых странах стали складываться предпосылки становления более прогрессивного способа производства, связанные с накоплением денежных ресурсов в руках купцов — будущих капиталистов. Как отмечает К. Маркс, «Его [купеческого капитала. — Прим. авт.] существование и развитие до известной степени само является историческим условием для развития капиталистического способа производства 1) как предварительное условие концентрации денежного имущества и 2) потому что капиталистический способ производства предполагает производство для торговли, сбыт в крупных размерах и не отдельным покупателям, а следовательно уже предполагает купца, который покупает не для удовлетворения своих личных потребностей, но в своем акте купли концентрирует акты купли многих лиц. С другой стороны, все развитие купеческого капитала влияет на производство таким образом, что все более придает ему характер производства ради меновой стоимости, все более превращает продукты в товары»¹.

---

¹ Маркс К. Капитал. Т. III // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. М.: Политиздат, 1961. С. 359.

Господствующим направлением экономической мысли эпохи первоначального накопления капитала стал меркантилизм. Необходимо выделить исторические предпосылки развития данного направления, так как они указывают на последующую логику генезиса идей ведущих школ экономической мысли, широко признанных и поныне. Для завоевания новых рынков, обеспечения положительного торгового баланса происходило объединение интересов купцов и властей наиболее передовых стран (прежде всего имевших выход к морю). Представители «ранних» меркантилистов, выражавшие эти интересы, естественным образом выступали за активную протекционистскую политику со стороны государства, подразумевая под ростом богатства страны увеличение внешней торговли и приток драгоценных металлов. Основным предметом изучения, таким образом, становилась сфера обращения, а сфера производства, можно сказать, играла подчиненную роль. По мере освоения ведущими странами ранее неизведанных торговых пространств более актуальными становились вопросы источников богатства, лежащих уже в сфере производства, а не обращения. Все шире признавалось пагубное воздействие чрезмерного объема денег в стране (говоря современным языком, происходила гиперинфляция, искажение ценовых сигналов со стороны рынка). При этом, как считали исследователи того времени, оно может быть ликвидировано рыночными силами автоматически без участия государства.

В работах «поздних» меркантилистов разрабатывались новые подходы к пониманию благосостояния страны, ее конкурентоспособности на международном рынке. В частности, А. Серра выделял два вида богатства: естественное (то, чем обладает страна в силу своего географического положения) и искусственное (продукты промышленности). Английский экономист Дадли Норт отмечал способствующие экономическому развитию национальные особенности, которые сейчас можно назвать неформальными институтами: «Деятельная благоразумная нация богатеет, а медлительные лентяи беднеют... люди думают силою законов удержать в своей стране все

золото и серебро, которые приносит торговля, и таким путем надеются разбогатеть немедленно. Все это глубоко ошибочно и является лишь препятствием росту богатства во многих странах»¹.

Происходил отход от признания необходимости политики протекционизма к концепции фритредерства. Торговля, будучи взаимовыгодным процессом, не нуждается в участии третьей стороны (государства). Как писал Д. Норт, «Не может быть торговли невыгодной для общества, так как если какая-либо область торговли оказывается невыгодной, люди ее прекращают. Когда же купцы процветают, то общество, часть которого они составляют, процветает также»². Просматривается наглядная тенденция в сторону отстаивания экономическими мыслителями принципов свободы торговли по мере возвышения их стран в торговой иерархии. При достижении страной превосходства на международном рынке все меньше востребованы идеи, поддерживающие протекционизм. Безусловно, делать чрезмерное упрощение не следует: на эволюцию взглядов оказывало влияние немалое число факторов. В частности, во Франции нарастало разочарование в политике протекционизма вследствие неудачных практик кольтеризма. Однако впоследствии история дала немало исторических примеров, когда поддержка идей либерализма была тесно связана с положением страны на мировой арене.

Большинство исследователей не относит направление меркантилизма к числу состоявшихся научных школ во многом потому, что работы его представителей были ориентированы на обоснование отдельных рекомендаций экономической политики. Предметом рассмотрения выступал рост богатства нации, во многом непосредственно связанный с деятельностью государства (термин «политическая экономия» введен меркантилистом А. де Монкретьеном). Ключевой же источник роста богатства виделся

---

¹ Цит. по: Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков. В 5 т. / Сопред. редкол. Г. Г. Фетисов, А. Г. Худоков. Т. 1. От зари цивилизации до капитализма / Отв. ред. Г. Г. Фетисов. М.: Мысль, 2004. С. 202.

² Там же. С. 198.

меркантилистами во внешней торговле, что акцентировало исследовательское внимание на построении системы рекомендаций для экономической политики. Однако целостная теоретическая система в современном понимании выстроена не была, что обусловило уход данного направления с авансцены экономической мысли. В то же время родоначальники новых исследовательских подходов продолжительное время вели полемику с идеями меркантилистов.

Зарождение классической политэкономии характеризовалось сдвигом в сторону позитивного анализа, рассмотрения экономики как системы, в которой действуют объективные законы. Произошел отход от нормативного анализа меркантилистов (как должно действовать государство) в сторону позитивного анализа (как вообще работает экономика сама по себе, по каким законам). Следовательно, возможно создать целостную теорию функционирования экономики, соблюдая критерии научности, свойственные точным наукам. Поведение экономических агентов обосновывалось действием «естественного порядка», подразумевавшим наличие механизма, способного автоматически предупреждать и сглаживать диспропорции на рынке. Если У. Петти еще явным образом выражал сочувствие взглядам меркантилистов, то впоследствии «естественный порядок» воспринимался политэкономами как основа отрицания необходимости систематического государственного вмешательства в торговлю. В то же время признавалось наличие противоречивости интересов социальных групп, которое все же требовало сглаживания со стороны государства. Так, Д. Юм отмечал: «Если богатства находятся в немногих руках, то собственники присваивают себе всю власть в стране и без труда могут сговориться возложить все бремя на бедных, а это новое притеснение окончательно отнимет у последних всякую охоту к труду»¹.

---

¹ Там же. С. 210.

Освоение внешних рынков вкупе с накоплением капитала сдвинули предмет исследований в сторону сферы производства. Наиболее красноречиво это выразилось в работах физиократов. В частности, вошла в историю «Экономическая таблица» Ф. Кенэ, представившая схему воспроизводства национального продукта. При всех своих ограничениях, вызванных тогдашней экономической реальностью (в частности, только сельское хозяйство воспринималось как источник богатства), в данной работе во многом отражались интересы нарождавшейся французской буржуазии.

Вопросы международной торговли уже не находились в центре внимания, однако и в эту сферу переносился принцип *laissez-faire*. Хотя вопреки распространенному подходу меркантилистский подход еще пользовался популярностью (так, «бестселлером» того времени была книга оппонента Ф. Кенэ Ж. Неккера под названием «О законодательстве и торговле зерном»¹), вектор экономической науки и по предмету, и по методу, и по основным исследовательским установкам (а значит, и по выводам) оказался направлен уже в противоположную сторону.

Классическая политическая экономия, неоклассика, неолиберализм

Во второй половине XVIII в. Англия достигла высокой степени развития мануфактур. Система производства на своем технологическом уровне вошла в определенную зрелость, что для теории означает возможность своего рода подведения итогов развития, систематизации подходов к описанию функционирования экономической модели.

А. Смит во многом подытожил предыдущие, начальные достижения политической экономии, довел до завершения ряд не до конца структурированных подходов, безусловно, предложив и свои оригинальные

---

¹ Reinert E. S. et al. 80 economic bestsellers before 1850: a fresh look at the history of economic thought // The Other Canon Foundation and Tallinn University of Technology Working Papers in Technology Governance and Economic Dynamics. 2017. № 74. 105 p. К «бестселлерам» авторы причисляли книги, имевшие 10 и более изданий до 1850 г. Оправданно задаться вопросом о тенденциозности современной западной историографии в сторону большего внимания физиократам как направлению, выступавшему за поддержку свободного рынка.

идеи. Неслучайно, что Смиту как классику политической экономии приписывают ряд положений, автором которых на самом деле был не он¹. Одной из «завершенных» концепций стало обоснование преимуществ свободной конкуренции. Хотя Смит признавал противоречивость интересов классов и необходимость регулировать перекосы рыночного развития (например, такие как бесконтрольная власть монополий), государству отводилась роль «ночного сторожа», который не должен вмешиваться в перераспределение ресурсов.

Образ «невидимой руки» рынка базировался на частном интересе отдельных производителей и разделении труда, специализации, сокращавших совокупные издержки. На уровне международной торговли это выразилось в теории абсолютных преимуществ: каждая страна, имея свои более развитые факторы производства, естественным образом займет свою нишу в международном разделении труда. Уровень издержек производства будет при этом наименьшим. Вмешательство же государства скорее окажется вредным, «никакое регулирование торговли не в состоянии вызвать увеличение промышленности какого-либо общества сверх того, что соответствует его капиталу. Оно может лишь дать некоторой части промышленности такое направление, в каком она без этого не могла бы развиваться, и отнюдь не представляется несомненным, что это искусственное направление более выгодно для общества, чем то, по какому она развивалась бы, если бы была предоставлена самой себе»². Теория Смита дала мощнейший импульс развитию политической экономии как окончательно сформировавшейся науки. Одним из центральных вопросов последующих дискуссий стала та

---

¹ Например, в ненаучной, а скорее научно-популярной книге «Экономический образ мышления», которая издается большими тиражами и широко используется в образовательном процессе, говорится, что «Он [А. Смит] жил в эпоху, когда даже самые высокообразованные люди верили, что только благодаря неустанному вниманию государственных мужей общество удерживается от неизбежного возврата в состояние беспорядка и бедности. А. Смит не согласился с этим» (Хейне П., Боутке П., Причитко Д. Экономический образ мышления, 10-е издание / пер. с англ. М.: Издательский дом «Вильямс», 2007. С. 27). Видимо, выражение *laissez-faire* авторами книги не упоминается, чтобы не вызывать у читателя подозрений, зачем А. Смит использует французские слова.

² Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов // пер. с англ. М.: АСТ, 2019. С. 493.

самая «невидимая рука», ее возможности оптимальным образом распределять ресурсы и обеспечивать экономическое развитие.

Д. Рикардо еще больше продвинулся в использовании абстрактно-аналитического метода в исследованиях. Политическая экономия и ранее тяготела к данному подходу в ущерб историзму, однако в трудах Рикардо уровень абстракции максимально приблизился к абсолюту. С помощью более полного использования инструментов дедукции продолжалось обоснование преимуществ свободного от государственного вмешательства рынка. При этом более глубоко рассматривался вопрос распределения источников доходов между разными классами. В основу либеральных взглядов в вопросах международной торговли легла сформулированная Рикардо теория сравнительных преимуществ¹. Она стала следующим шагом после теории абсолютных преимуществ А. Смита в объяснении взаимной выгоды стран от свободного рыночного обмена товарами. В модели показывалось, что, даже если система производства первой страны во всех отраслях эффективнее, чем второй, первой стране все равно выгоднее вступать в торговые отношения со второй, сосредоточившись на своих наиболее сильных сторонах.

Предпосылкой более глубокого изложения преимуществ свободной международной торговли, вероятно, можно назвать ее расширение — выгоды от разделения труда стали более наглядными. Нужно отметить, что А. К. Шторх, как представляется, недооцененный российский ученый, фактически раньше Рикардо изложил концепцию сравнительных преимуществ. Также он развил подход Смита, указав, что превосходство передовых стран определяется в тех сферах, где имеется более глубокое разделение труда. При этом Шторх отметил ограниченность универалистского подхода, упускающего из виду национальные особенности различных стран, неравномерность их «исходных позиций»².

---

¹ Рикардо Д. Начала политической экономии и налогообложения. Избранное. М.: Эксмо, 2016.

² См. Шторх А. К. Курс политической экономии. М.: Экономическая газета, 2008; Кришталь В. В. Андрей Карлович Шторх — первый всемирно известный русский экономист // Экономическое возрождение России. 2010. № 1. С. 131–135.

Промышленная революция помимо скачка в производительности производства привела к острым противоречиям капитализма. Экономическая наука условно разделилась на сторонников свободного рынка (Ж.-Б. Сэй, Ф. Бастиа, манчестерская школа) и его критиков (первые социалистические теории, немецкая историческая школа). В контексте вопросов международной торговли отдельно стоит сказать о немецкой исторической школе. Ее ведущий представитель Ф. Лист выступил с острой критикой смитианского подхода, названного «космополитической экономией»¹. Подчеркивалось игнорирование национальных особенностей отдельных стран, их уникального экономического потенциала («производительные силы нации»), межнациональных торговых конфликтов, деления международного рынка на сферы влияния. Подход Смита критиковался и за индивидуализм, чрезмерную теоретизацию в ущерб рассмотрению реальных экономических явлений. Солидаризируясь с меркантилистами, Лист отмечал продуктивность протекционистских мер. Экономическая изоляция дает шанс отстающим странам взрастить конкурентоспособное производство. В лице Листа немецкая историческая школа представила первую комплексную критику исследовательского подхода классической политической экономии. Она особенно актуальна в контексте проблем внешней торговли, экономической политики государства. В то же время следует покритиковать и подход немецкой исторической школы за недостаточную генерализацию отдельных положений. Другими словами, использование исторического метода не было полноценно сопряжено с методом абстракции и теоретическими умозаключениями. Это не позволило закрепиться немецкой исторической школе как целостному теоретическому направлению на десятилетия вперед.

Классическая политическая экономия осветила основные вопросы функционирования экономики, используя каузальный подход. Вводились в оборот и раскрывались ключевые категории, показывались связи между ними.

---

¹ Лист Ф. Национальная система политической экономии. М.: Социум, 2017.

В то же время сложились предпосылки (их формирование является отдельным вопросом, не входящим в предмет настоящей работы) для перехода на более конкретный и функциональный уровень исследования¹. Результатом такого негласного запроса стала маржиналистская революция, включавшая в себя несколько направлений. Одно из них встало у истоков развития современной неоавстрийской школы, последовательно отстаивающей принципы максимальной свободы рынка и минимизации роли государства. Остальные направления явным образом содержали в себе корни современных микро- и макроэкономики. Последние также совершили революцию в методе экономической науки, внедрив в исследования математический аппарат.

По мере распространения маржинализма классическая политическая экономия все чаще оказывалась в учебниках истории экономической мысли, чем в новых работах на актуальные темы. Тем не менее это вовсе не означало отрицания основных идей ее «классиков». Как известно, А. Маршалл связывал свои привычные сегодня, но принципиально новые на тот момент разработки с наследием Смита, Рикардо, Милля и других². Можно сказать, это наследие обрело новую жизнь в других формах. Помимо новой формы изложения (в частности, в виде кривых спроса и предложения) разрабатывались и принципиально новые концепции, закреплялись в научном обороте новые категории.

С точки зрения анализа международной торговли стоит обратить внимание на маршаллианские положения о локализации производств и эффекте отдачи от масштаба, что уточняет принципы размещения производственных мощностей на новом технологическом уровне. Тем самым теоретически частично объяснялось фактическое различие между странами в структуре экспорта, импорта и интенсивности ведения внешней торговли. Также важным стало допущение фискального регулирования отраслей (в

---

¹ У. Барбер выделяет движение теории к более детальному рассмотрению «локальных» вопросов как одну из основных тенденций развития экономической мысли. См. *Barber W. J. A history of economic thought*. Middletown, Connecticut: Wesleyan University Press, 2009.

² *Маршалл А. Принципы политической экономии*. Т. III // пер. с англ. М.: Прогресс, 1984.

зависимости от характера функций спроса и предложения, субсидии одной отрасли могут принести больше, чем потеряет другая отрасль вследствие дополнительного налогообложения), хотя ориентация на поддержку свободного рынка по-прежнему сохранялась. Новая категория товаров-субститутов помимо последующего анализа спроса дала основу множеству моделей выбора производственных ресурсов.

Международной торговле Маршалл также посвятил отдельную работу «Промышленность и торговля»¹. Стоит выделить положения о том, что малые страны изначально ориентированы на активную внешнюю торговлю, неравномерное развитие отраслей внутри страны дает дополнительные преимущества внешней торговле. Отойдя от индивидуалистического подхода, А. Маршалл отмечает важность консолидации национальных ресурсов для обеспечения конкурентоспособности в международной торговле. Отмечается, что страны зачастую готовы отложить сиюминутные задачи для достижения лучшего места на мировом рынке в долгосрочном периоде, что реже встречается на уровне отдельных фирм. К примеру, отдельный производитель с меньшей вероятностью рискнет вести демпинговую политику, так как может, неся потери в краткосрочном периоде, так и не добиться привилегированного положения на рынке в будущем. Страны имеют бóльший запас прочности и уверенности в своих возможностях, поэтому чаще готовы втягиваться в торговые войны. В наше время крупные корпорации обладают огромной мощностью, что делает данное положение А. Маршалла отчасти устаревшим. Однако только отчасти, так как государство по-прежнему часто вынуждено брать на себя риски и убытки ради потенциальной возможности продвижения национального капитала в мировой экономической иерархии в будущем.

Маршалл во многом заложил основы дальнейшего становления неоклассического направления. После Второй мировой войны кейнсианско-

---

¹ Marshall A. Industry and Trade. Cosimo, Inc., 2006.

неоклассический синтез вошел в мейнстрим экономической науки. На фоне бурного роста мировой торговли росло и внимание теории к данной проблеме, что актуализировало разработки, которые были сделаны и до войны. Известная модель Хекшера — Олина — Самуэльсона очень близка к рикардианской концепции сравнительных преимуществ: страны экспортируют товары, в производстве которых национальная обеспеченность трудом и капиталом ведет к наименьшим издержкам. Специализация страны при этом все больше углубляется в сторону ведущих факторов производства. Однако практика дала немало поводов для критики реалистичности модели. Это, вероятно, во многом связано со слишком грубыми упрощениями. Например, в модели уровень развития технологий в разных странах принимался одинаковым, транзакционные издержки приравнялись к нулю и т. д.

На рубеже 1970–1980-х годов школы, представлявшие либеральное направление (монетаризм, экономика предложения, «новые классики»), закрепились на Олимпе «мейнстрима» после упадка кейнсианства. В эпоху ускорения глобализации в завершающей части XX в. логичным образом стали господствовать идеи свободы международной торговли. В частности, М. Фридман однозначно выступал за отмену всевозможных тарифов и свободное колебание валютного курса: «Лучше производить товары, при изготовлении которых он [гипотетический работник одной страны. — *Прим. авт.*] работает продуктивнее, и обменивать их на товары, при изготовлении которых он работает менее продуктивно. Таможенные пошлины не способствуют подъему уровня жизни японского рабочего и не защищают высокого уровня жизни рабочего американского. Они, напротив, понижают уровень жизни в Японии и мешают расти уровню жизни в США»¹. С точки зрения теоретического вклада именно в этом вопросе принципиально новых идей не прозвучало, хотя они могли показаться новыми на фоне императивов

---

¹ Фридман М. Капитализм и свобода // пер. с англ. М.: Новое издательство, 2006. С. 98.

экономической политики стран эпохи «Славного тридцатилетия»¹. При продвижении к большим свободам рынка более развитые страны оказывались в выигрышном положении сравнительно с менее развитыми, однако это никак не корректировало теоретические рекомендации для последних. Им активно предлагался, если не сказать навязывался, полный пакет неолиберальных рецептов. Одним из проводников данных идей стал Д. Сакс, занимавший в числе прочих должность руководителя группы экономических советников Б. Н. Ельцина и продвигавший идеи «шоковой терапии». Однако после провала реформ 1990-х в России и экономического кризиса 2007–2009 гг. взгляды Сакса резко повернулись в кейнсианскую сторону². Нужно отметить, что он был далеко не единственным видным экономистом, скорректировавшим свои идеи (или, как минимум, риторику) после кризиса, отойдя от безусловной приверженности неолиберализму³.

В последние годы растет доля эмпирических работ, посвященных глобализации, в сравнении с теоретическими⁴. Выделяются положительные аспекты глобализации, отражающиеся в росте национального дохода стран, активно вовлеченных во внешнюю торговлю. При этом отмечается, что наибольший эффект возникает на начальном этапе торговой интеграции, затем эффект начинает значительно снижаться. Кроме того, признается, что вследствие глобализации растет внутристрановое неравенство, так как основным бенефициаром становится наиболее богатая часть населения. Говоря в целом о развитии неоклассического направления (как и теорий монетаризма, экономики предложения, «новых классиков»), следует отметить

---

¹ Славное тридцатилетие — термин, введенный Ж. Фурастье в 1979 г. для обозначения периода с 1946 по 1975 г., когда в развитых капиталистических странах (главным образом членах Организации экономического сотрудничества и развития) произошли значительные экономические и социальные изменения, выраженные в росте доходов населения, снижении неравенства, развитии социальной политики государства. Часто используется как синоним термина «золотой век капитализма».

² Сакс Д. Цена цивилизации / пер. с англ. А. Калинина; под ред. В. Ю. Григорьевой. М.: Издательство Института Гайдара, 2012.

³ См. подробнее в *Ольсевич Ю. Я.* Современный кризис «мэйнстрима» в оценках его представителей (предварительный анализ) // Российский экономический журнал. 2013. № 5. С. 53–76.

⁴ См., например, *Lang V., Mendes Tavares M.* The distribution of gains from globalization. IMF Working Paper WP/18/54. Washington, DC: International Monetary Fund, 2018.

наличие преемственности с классиками политической экономии. Главное отличие состоит в методе, во введении функционального анализа на основе математических моделей. Как отмечают Д. Милонакис и Б. Файн, это существенно оторвало теорию от реальной социально-экономической жизни, превратив предмет науки в слишком абстрактный набор аналитических инструментов, допускающих много упрощений¹. Выводы (в частности, о поддержке свободы торговли) строятся во многом на невнимании к ряду принципиально важных элементов любой экономической системы.

С этими положениями стоит согласиться. Так, слабо учитывается национальная специфика стран (размер, степень развитости технологий, текущее место в мировом разделении труда и т. д.). Мало обращается внимания на страновые различия и в историческом срезе. К примеру, Смит и Рикардо в своих концепциях часто обращались к практическим иллюстрациям, характерным именно для их времени, для технико-экономических реалий прошлого. Однако последователи этих авторов обычно не учитывают, что с тех пор кардинально развились технологии, намного уменьшающие зависимость общества от сил природы. Это потенциально существенно снижает необходимость ориентации на внешний рынок. Тем самым во взглядах последователей данных классиков политэкономии явным образом проявляется антиисторизм. Хотя наполнение и распространение их концепций значительно связаны с историческими условиями соответствующих периодов. Следствием антиисторизма становится невнимание к закономерностям, циклам, проявляющимся в динамике экономического развития.

Со времен Смита и Рикардо мировая экономика стала несопоставимо более монополизированной, что еще больше отдаляет реальность от явно или неявно заложенных ими теоретических предпосылок. Экономические агенты обладают совершенно различной рыночной властью. Модели экономикса,

---

¹ *Fine B., Milonakis D. From political economy to economics: Method, the social and the historical in the evolution of economic theory. Routledge, 2009.*

безусловно, не могли это не учесть: разработаны концепции, включающие в себя категории монополии, монополистической конкуренции. Однако, как ни странно (хотя при этом предсказуемо), они не приводят к принципиально иным выводам касательно основных законов функционирования экономической системы, рекомендаций для правительств. Дается лишь обоснование антимонопольной политике, производству государством общественных благ или же просто говорится, что общественные издержки («мертвый груз» в моделях) являются необходимой платой за разнообразие продуктов, эффектов от масштаба для естественных монополий и т. д.

Такие исследовательские установки переносятся и на проблемы международных торговых отношений, фактически предлагая весьма ограниченную картину. При этом она ограничена именно таким образом, что без учета многих других составных частей картины подводит к апологии принципа *laissez-faire*. Ф. Энгельс, анализируя подход Смита, увидел в этом лицемерие со стороны теории, не соотносящейся с практикой: «На смену католической прямоте пришло протестантское лицемерие. Смит доказывал, что и гуманность имеет-де свою основу в сущности торговли, что торговля, вместо того чтобы „быть самым обильным источником раздоров и вражды“, должна служить „узами единения и дружбы как между народами, так и между индивидами“ (ср. „Богатство народов“, книга IV, глава 3, § 2); ведь в самой природе вещей заложено, дескать, что торговля в общем и целом выгодна для всех, участвующих в ней»¹.

Хотя к настоящему моменту в рамках неоклассики и других неолиберальных теорий разработано немало динамических моделей, они в основном отражают дискретные состояния равновесия. Явления же в своем развитии практически не рассматриваются. В частности, модели показывают, что заведомо не нужно поддерживать определенную отрасль, если есть возможность более выгодно *в данный момент* импортировать товары.

---

¹ Энгельс Ф. Наброски к критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. М.: Политиздат, 1955. С. 549.

Альтернатива, в которой спустя некоторое время страна сможет сама производить продукцию с более высокой добавленной стоимостью и, соответственно, обрести большой экономический потенциал, несмотря на некоторые потери в первое время, попросту не рассматривается. Несмотря на внимание к проблеме специализации, упускается из виду, что сама система мирового разделения труда (а не только национальные особенности) приводит к большому межстрановому неравенству и низкой «вертикальной мобильности» стран в мировой иерархии.

Подобный список теоретических «замечаний» можно продолжать. При этом практика показывает явную недосказанность теории. Правительства, в том числе ведущих стран, часто ведут политику, противоречащую принципам *laissez-faire*. В частности, дух протекционизма если и уходит, то ненадолго. В качестве примера можно назвать знаменитый Навигационный акт Кромвеля, действовавший в Англии все время, пока теоретиками-политэкономами выражалась приверженность свободной торговле. Сегодняшняя действительность также самым наглядным образом показывает, что теоретические предписания экономикса в пользу свободного рынка — это одно, а реальная хозяйственная жизнь с протекционистскими мерами — это другое. При этом следует оговориться, что сама по себе критика, основанная на том, чего в теории нет, не совсем корректна — объять все теория не может, и ее следует критиковать за то, что в ней есть. Проблема, таким образом, не в самой теории, а в том, какие далеко идущие выводы из нее делаются.

В рамках данной работы важно показать как раз предметные и методологические ограничения теорий, чтобы в качестве собственного исследовательского аппарата опереться на то направление, которое затрагивает отдельные необходимые аспекты экономической жизни. В этой связи нужно сказать, что неоклассика, которая на своем уровне действительно обосновывает и описывает ряд важных аспектов мировой торговли, все же имеет слишком много ограничений для того, чтобы претендовать на роль ее теоретического базиса.

Глобализация в кейнсианской парадигме

В середине XX в. зародилось направление, высвечивающее системные ограничения капитализма, требовавшие государственного вмешательства, — кейнсианство. Разразившаяся Великая депрессия и неспособность классической экономической школы найти из нее выход инициировали выход в свет книги Дж. М. Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег»¹ и положили начало данной экономической школе. Одним из основных вкладов Кейнса в экономическую теорию считается изменение роли государства в регулировании экономики. Он предложил теорию, основанную на двух постулатах, до сих пор актуальных среди современных последователей кейнсианства: доминирование стороны совокупного спроса в определении объема выпуска и наличие отклонений от конкурентного равновесия (медленная подстройка цен и зарплат, а также неполнота информации), что обуславливает провалы рынка и повышает значимость государственного регулирования.

Позиция некейнсианцев и ряда представителей кейнсианско-неоклассического синтеза берет свое начало в базовых идеях Кейнса относительно мировой экономики, одной из которых, в частности, является несовершенство рынка и необходимость государственного вмешательства. Отношение Кейнса к процессу глобализации раскрывается при анализе так называемого Плана Кейнса («Предложения по созданию международного компенсационного союза»), который был представлен вместе с планом Уайта в 1941 году как один из вариантов регулирования международных отношений через создание наднационального органа контроля. Основная идея заключалась в обеспечении стабильности внутреннего экономического развития стран: для этого предполагалось создание некоего международного союза или банка, который бы аккумулировал средства стран с профицитом

---

¹ Keynes J. M. The General Theory of Employment, Interest and Money. London: Macmillan, 1936.

(соответствующим определенной мере¹) и выдавал кредиты нуждающимся странам, чтобы последним не приходилось использовать для стабилизации экономики средства, предназначенные для внутренней социально-экономической политики. Таким образом, по мнению Кейнса, страны с дефицитом платежного баланса могли бы поддерживать экспансионистскую политику, а обладатели активного платежного баланса — к примеру, либерализацию импорта². Разработанная стратегия должна была сглаживать порождаемую рынками безработицу и вспышки нестабильности отдельных национальных экономик, которые в условиях тесных взаимосвязей грозили распространиться и на другие страны.

Во многом соглашается с позициями Кейнса Дж. Стиглиц. В одном из своих самых известных трудов — «Глобализация: тревожные тенденции» — автор проводит подробный анализ процесса международной торговли, ее последствий для различных стран и тех сил, которые ею управляют. Долгое время тема глобализации была очень популярна как в научных работах, так и в новостной среде: буквально на каждом шагу попадались статьи и газетные заголовки, аргументирующие преимущества усиления интеграции стран. И в начале работы Стиглица ставится закономерный вопрос: почему при столь очевидных плюсах глобализации данная предметная область стала плодотворным полем для полемики?³

Анализируя ситуацию, автор выделяет следующие преимущества глобализации. Во-первых, она действительно ускорила экономический рост многих стран. Речь идет о тех государствах, промышленная политика которых сфокусирована на значительном положительном влиянии экспорта на экономический рост (например, многие страны Азии в свое время обрели

---

¹ Подробнее см. *Keynes J. M. Activities 1940–1944: shaping the post-war world, the Clearing Union*. Edited by D. Moggridge. 1980.

² *Ван дер Вег*. История мировой экономики. 1945–1990 / пер. с фр. М.: Наука, 1994. С. 279–281; *Keynes, J. M. Proposals for an International Currency (or Clearing) Union: Fourth Draft of the “Keynes Plan”* // Horsefield, J.K. (ed.). In Moggridge, D. (ed.) *The Collected Writings of John Maynard Keynes* (London: Macmillan).

³ *Стиглиц Дж. Ю.* Глобализация: тревожные тенденции / пер. с англ. Г.Г.Пирогова. М.: Национальный общественно-научный фонд, 2003. С. 9.

стимулы экономического развития, следуя данной стратегии). Во-вторых, усиление интеграции привело к росту продолжительности жизни и уровню жизни населения в целом. Данный тезис справедлив для тех стран, граждане которых смогли воспользоваться благами (хотя этот термин в данном контексте спорный) трудовой миграции: в работе приводится в пример крупная корпорация с низкооплачиваемой работой, которая для местных жителей приравнивается к эксплуатации, а для многих иммигрантов из развивающихся стран это альтернатива еще худшим перспективам. В-третьих, глобализация уменьшила чувство изоляции в собственной стране и отрешенности от мира и подарила доступ к огромному количеству знаний. В-четвертых, благодаря надгосударственным организациям были списаны долги многих стран. В то же время автор указывает на неоднозначный процесс замещения некоторых отечественных продуктов импортными: с одной стороны, многие фермерские хозяйства обанкротились в ходе глобализации, с другой, пришедший в страны дешевый импорт обеспечил бедным слоям населения доступ к продуктам первой необходимости. И, наконец, в глобализованном мире нуждающимся в том странам не раз оказывалась помощь, которая поддерживала их на плаву¹.

Однако, пишет Стиглиц, преимущества глобализации часто оказывались в меньшинстве по сравнению с теми трудностями и даже разрушениями, которые она приносила в развивающиеся страны. Автор в первую очередь обращает внимание на разнородность последствий международной торговли: «Растущий разрыв между имущими и неимущими оставляет все больше людей „третьего мира“ в жестокой бедности, живущими менее чем на один доллар в день, <...> число людей, живущих в бедности, возросло почти на 100 млн. И это произошло в то время, когда общемировой доход возрастал в среднем на 2,5 процента в год». Несмотря на первоначальные прогнозы, развитие глобализации стимулирует рост неравенства, причем как на уровне отдельных

---

¹ Там же. С. 9–11.

государств, так и в мировом масштабе — между странами. Но это не единственная проблема. Произошедшее «сращение» стран привело к тому, что дестабилизация одного государства стала чревата общемировым финансовым коллапсом (что периодически доказывается на практике)¹. Стиглиц не оставляет в стороне и «эффективную» помощь в экономической политике, которая была оказана ряду государств для перехода к рыночной системе. Особенно остро это заметно на примере контраста между Россией и Китаем: в первом случае было оказано международное содействие в проведении реформ, а в Китае справились собственными силами, и «если в 1990 г. внутренний валовой продукт Китая (ВВП) составлял 60 % от российского, то к концу XX в. соотношение стало обратным. В то время как в России произошел беспрецедентный рост бедности, Китай пережил ее беспрецедентное сокращение»².

Кроме того, мировым сообществом периодически выдавались кредиты странам под определенную экономическую политику (принятие рекомендованной МВФ политики было необходимым условием выдачи кредита), и, если МВФ могло показаться, что средства распределены неэффективно, помощь тут же прекращали. Примечательно, что рекомендуемая политика далеко не всегда оказывалась успешной, и страны-заемщики оказывались в сложной ситуации: они не могли отказаться от предлагаемых мер, поскольку остро нуждались в иностранной помощи, но в то же время соблюдение условий могло привести их экономику к худшему состоянию по сравнению с сохранением статус-кво. Стиглиц приводит в пример многие страны, где он был как раз во время Восточноазиатского кризиса и пытался узнать у правительства, зачем они согласились на заведомо провальные, ведущие к катастрофе меры МВФ. Ему объяснили, что несогласие с МВФ означало бы не только отказ в их кредите, но и настраивание частных инвесторов к отказу. Вдобавок решения МВФ по таким

---

¹ Там же. С. 10.

² Там же.

вопросам влияют на торговые отношения между странами, что привело бы к неблагоприятным переменам на международном рынке.

Асимметрия в ходе глобализации проявлялась также и непосредственно в торговых отношениях: развивающиеся страны были вынуждены ликвидировать торговые барьеры, в то время как побудившие их на это развитые государства сохранили в этом отношении статус-кво. И данная политика оказалась пагубной сразу в двух направлениях: во-первых, развивающиеся страны, чей доход зависел от экспорта, оказались в уязвимом положении, не имея возможности сбывать продукцию при сокращенных барьерах импорта, а во-вторых, развитые страны, сохраняя квоты отечественных производителей и не давая возможности импортным товарам из развивающихся стран, обрекли тем самым собственных граждан на потребление товаров по завышенным относительно возможных ценам¹. При этом из-за открывшихся рынков встал вопрос о защите интеллектуальной собственности, в результате чего разработки развитых государств действительно были защищены, а многие товары развивающихся стран попали под запрет — это стало критичным в ряде случаев (приводится пример фармацевтической отрасли: западные компании, в первую очередь США, после Уругвайского раунда переговоров ГАТТ 1986 г. защитили права интеллектуальной собственности своих фармацевтических компаний от копированиями индийскими и бразильскими компаниями, однако последние производили жизненно необходимые медикаменты по ценам, доступным для коренного населения, значительно более низким, чем цены западных производителей)².

Ввиду того, что, по мнению Стиглица, процесс глобализации контролируется рядом надгосударственных организаций, таких как МВФ, ВТО, Всемирный банк и др., ключ к дисбалансам и кризисам он также

---

¹ *Stiglitz J. E.* The overselling of globalization // *Business Economics*. 2017. Vol. 52. No. 3. P. 132.

² *Стиглиц Дж. Ю.* Глобализация: тревожные тенденции / пер. с англ. Г.Г.Пирогова. М.: Национальный общественно-научный фонд, 2003. С. 10.

предлагает искать в их действиях. МВФ, изначально созданный в соответствии с рекомендациями Кейнса (необходимость государственного контроля глобализации ввиду несовершенства рынка, государственная поддержка рынка труда и др., о чем более подробно было написано выше), сменил в 1980-е годы свои предпочтения в сторону свободного рынка, что в корне меняло основную политику: если изначально Фонд побуждал страны к экспансионистской экономической политике, то с этого момента, как пишет Стиглиц, «...МВФ, как правило, предоставляет фонды только тогда, когда страны соглашаются проводить политику сокращения бюджетных дефицитов, повышения налогов или процентных ставок, что ведет к сжатию экономики»¹. Эти перемены способствовали не улучшению благосостояния в развивающихся странах, а росту нищеты и общего социального неблагополучия. Развитые страны некогда придерживались политики ограниченного протекционизма в отношении тех отраслей промышленности, которые были недостаточно развиты для выхода на свободный рынок. В то же время развивающиеся страны были принуждены к либерализации, заставив их неокрепшие отрасли национального хозяйства конкурировать с уже сильными к тому моменту отраслями развитых стран. Это привело к массовой потере рабочих мест, падению доходов, обеднению населения, причем без поддержки какими-либо социальными программами, поскольку правительства развивающихся государств ожидали лишь обещанного им экономического роста². В связи с этим Стиглиц подчеркивает ошибочность мнения о том, что в ходе глобализации безработица будет расти в отраслях, конкурирующих с импортными товарами, но будут создаваться новые рабочие места в отраслях, ориентированных на экспорт. Автор утверждает, что создание рабочих мест не свойственно глобализации, за этим вопросом должно следить национальное правительство с помощью денежно-кредитной и фискальной политики³.

---

¹ Там же. С. 13.

² *Stiglitz J. E. Making globalization work. WW Norton & Company, 2007. P. 9*

³ *Stiglitz J. E. The overselling of globalization // Business Economics. 2017. Vol. 52. No. 3. P. 129–137.*

М. Спенс, получивший премию памяти Нобеля вместе со Стиглицем, также изучает влияние глобализации на занятость и другие процессы рынка труда. Прежде всего он отмечает, что глобализация позволила достичь огромного сокращения издержек, преодоления барьеров для торговли и, постоянно ускоряясь, привела многие развивающиеся страны к устойчивым темпам экономического роста в 7–10 %. С середины XX в. долгое время присутствовало убеждение, что экономический рост и занятость высоко коррелированы, однако в начале нового столетия тенденции переменялись: статистика показала, что в отраслях с низкими темпами роста занятость растет, с высокими — наоборот, падает. Спенс пишет, что, безусловно, автоматизация труда в большой степени повлияла на сокращение рабочих мест, однако, по его мнению, более значимой причиной выросшей в США безработицы является глобализация. Развитые страны перевели производство отраслей с низкой добавленной стоимостью в развивающиеся страны, в результате чего вырос уровень безработицы, причем небольшой рост занятости в экспортоориентированных отраслях не смог компенсировать эту тенденцию. Помимо этого, возросло неравенство и, по мнению Спенса, будет продолжать расти, поскольку доходы работников положительно коррелируют с добавленной стоимостью. При этом в ходе глобализации вышло так, что добавленная стоимость росла в основном в секторах, ориентированных на экспорт, в которых заняты преимущественно высоко квалифицированные сотрудники. В то же время в нижних сегментах доходы практически не менялись ввиду низких темпов роста добавленной стоимости в отраслях, ориентированных на внутренний спрос, а у низко квалифицированных работников и вовсе ситуация трудоустройства сильно осложнилась¹. Главной движущей силой глобализации Спенс считает транснациональные корпорации. Их интересы (часто совместно с интересами отдельных стран) управляют процессом мировой торговли в большей степени. В связи с этим,

---

¹ *Spence M. Globalization and unemployment // N.Y.: Foreign affairs, 2011. Vol. 90. No. 4.*

вливаясь в мир глобальной экономики, государство должно делать выбор между повышением национального дохода и ростом занятости.

Если Стиглиц и Спенс в основном пишут о совершенствовании институтов, управляющих глобализацией, о проведении рациональной внутренней политики по поддержке национальных рынков труда, то П. Кругман показывает в своих исследованиях скорее сценарий самостоятельного хода глобализации. Прежде всего стоит отметить, что он во многом опровергает теорию сравнительных преимуществ, доказывая, что сделки на мировом рынке в основном заключаются экономическими агентами из развитых стран, близких по уровню развития экономики (по крайней мере, это касается наиболее динамичных торговых потоков). Развитие международной торговли инициируется не вследствие различий в ресурсах и технологиях, а благодаря использованию эффекта от масштаба. Глобализация, в свою очередь, способствует расширению рынков (если на них доминирует монополистическая конкуренция и присутствует положительная экономия от масштаба), что ведет к увеличению разнообразия товаров, повышает конкуренцию, и тогда издержки производства снижаются, а в конечном итоге и цены для потребителей¹.

Однако глобализация не ведет к мировой однородности, скорее наоборот — способствует экономическому росту и без того развитых и сильных экономических городов-центров. А вынесенные в другие государства точки производства постепенно распределяются таким образом, что сложившаяся географическая концентрация со временем поддерживает и развивает сама себя². Что же касается дифференциации стран, то глобализация характеризуется как процесс, в ходе которого идет разделение стран на ядро и периферию, и центр действительно в какой-то мере эксплуатирует ресурсы развивающихся стран, «однако по мере продолжения интеграции

---

¹ *Krugman P. Increasing returns, monopolistic competition, and international trade. 1979. Vol. 9 (4). P. 469–479. P. 6–11.*

² *Krugman P. The 'new' economic geography: Where are we? // Regional Integration in East Asia. London: Palgrave Macmillan, 2007. P. 23–34.*

преимущества ядра ослабляются...», и, как пишет Кругман, международная экономика достигнет такого критического момента, когда дальнейшая дифференциация приостановится, а «...результатирующий рост периферийного дохода будет идти частично за счет ядра»¹.

Говоря в целом о методологии продолжающих кейнсианскую традицию экономистов, стоит отметить ее разнообразие. В частности, применяется как математическое моделирование, так и рассмотрение причинно-следственных связей без его использования. Последнее больше используется при исследовании международных экономических отношений, чем вопросов национальных экономик. Это придает бóльшую гибкость при изучении качественно различных по своей сути явлений, но в то же время выступает препятствием формированию целостной теории. При всем внимании сторонников кейнсианской традиции к современным проблемам глобальной экономики их анализ и предлагаемые меры в большинстве случаев направлены на решение отдельных негативных последствий международной торговли. Сам процесс глобализации рассматривается преимущественно ситуативно с привязкой к конкретным примерам без теоретического анализа генезиса, концептуальной сути происходящих процессов. Между тем проблемы, инициированные глобализацией, на сегодняшний день обострены до такой степени, что лечение симптомов, а не самого заболевания, может лишь отложить их, но не решить полностью.

Знаменитый инвестор Дж. Сорос, который известен также созданием Института нового экономического мышления², выражает критическое отношение к глобальному экономическому миропорядку³, хотя его затруднительно отнести к какой-то определенной теоретической школе. Вера в свободный рынок, по Соросу, приобретает уже религиозную форму, что

---

¹ *Krugman P., Venables A.J.* Globalization and the Inequality of Nations // *The quarterly journal of economics*. 1995. Vol. 110. No. 4. P. 25–27.

² Сайт Института нового экономического мышления [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ineteconomics.org/>

³ *Сорос Дж.* Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности / пер. с англ. М.: ИНФРА-М, 1999. XXVI.

мешает критически отнестись к его противоречиям. Так, господствующая система слишком благоприятна к финансовому капиталу и экономическому центру. Идеология рыночного фундаментализма порождает дезорганизацию экономических связей, ведущую к нестабильности и рискам кризисов. Ведущие страны получают большое подспорье за счет неравноправных договоров со странами периферии и широкого хождения в мире собственных валют. При этом в случае кризисных явлений, возникающих в центре, страдает от них в большей степени периферия: «Неурядицы в мировой капиталистической системе имеют непропорционально серьезные последствия для периферии в сравнении с центром. Как гласит поговорка, когда Уолл-стрит заболевает простудой, остальной мир страдает пневмонией»¹.

Сорос считает, что рынок вопреки либеральным взглядам не сочетается автоматически с политической демократией, а в менее развитых странах это практически слова-антонимы. Для приближения же к настоящей демократии и разрешению глобальных противоречий был бы востребован прототип некоего глобального правительства — современные международные организации зачастую не справляются со сдерживанием дисбалансов. Однако пока его образования не предвидится.

Институциональные направления: новый взгляд на мировую экономику

Качественно иной взгляд на вопросы глобализации представляет неoinституциональная школа экономической мысли. Их методологический аппарат строится вокруг нескольких базовых понятий — транзакционные издержки, спецификация прав собственности и контракты — и направлен на изучение институциональной структуры производства. Суждения представителей данной школы в отношении растущего неравенства и

---

¹ Там же. С. 80.

регулирования процессов глобализации в некоторой степени отличаются от взглядов неокейнсианцев.

Дуглас Норт, известный по исследованиям в области новой институциональной экономики и экономической истории, является одним из основоположников клиометрики — использования математических методов анализа при исследовании в области экономической истории¹. В вопросе регулирования внешней торговли Норт сходится во взглядах с представителями кейнсианской школы и ее последователями: он полагает, что необходим контроль третьей стороной в этой среде сложных контрактных отношений². Однако анализ положения стран на мировой арене и влияния глобализации разительно отличается. Если, к примеру, Стиглиц отмечает неэквивалентность обмена между развитыми и развивающимися странами, делая акцент на «нечестном» поведении первых, то Норт исследует вопрос сквозь призму уровня институционального развития: «...неспособность обществ к развитию эффективного, осуществляемого с низкими издержками контроля за соблюдением контрактов являлось самым важным фактором стагнации в прошлом и является причиной низкого уровня развития в современных государствах „третьего мира“³; бедность в странах „третьего мира“ царит потому, что институциональные ограничения в этих странах вознаграждают такие политические/экономические решения, которые не благоприятствуют продуктивной деятельности»⁴. Примечательно, что автор обходит стороной факт навязывания развитыми государствами своим партнерам условий обмена. Через его исследования красной нитью проходит мысль о том, что развивающиеся страны имеют несовершенную, далекую от идеала институциональную систему, поэтому они и вынуждены соглашаться на те торговые отношения, которые имеют.

---

¹ North D. C. The economic growth of the United States 1790–1860. W. W. Norton & Company, 1966. P. 10.

² Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. А. Н. Нестеренко. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.

³ Там же. С. 77.

⁴ Там же. С. 142.

Говоря о современном этапе глобализации, Д. Аджемоглу, один из ведущих неоинституционалистов, изучающих проблемы международной торговли, выделяет следующие отличительные черты: (1) усиление интеграции торговли между странами, а также всестороннее увеличение объема мировой торговли за последние двадцать лет; (2) увеличение финансовой интеграции; (3) широкомасштабная интеграция знаний в мире; (4) усиление политической интеграции (для предыдущего этапа глобализации характерны только первые две черты). Причем последнее воспринимается институционалистами неоднозначно: можно уверенно сказать, что характер международных отношений изменился после снятия торговых барьеров, однако помимо положительных последствий мы также сталкиваемся с новыми международными конфликтами и распадом наций, и какое влияние на это оказала глобализация, — как пишет Аджемоглу, — сложно оценить однозначно¹.

Аджемоглу склоняется к мнению, что политические решения на уровне отдельных государств имеют огромное влияние на процесс международной торговли². Несмотря на современный уровень развития технологий и снятие торговых барьеров, открытость рынков все еще остается в большой зависимости именно от политических отношений. Автор доказывает данную гипотезу на примере увеличения военного сектора и последующей реакции со стороны торговых партнеров: между странами с растущей милитаризацией наблюдается медленное сокращение двусторонней торговли, а также общее сужение торговых отношений с остальными странами³. Аджемоглу также затрагивает в своих работах и тему неравенства. Причем если Стиглиц пишет о неэквивалентной торговле между развитыми и развивающимися государствами, об ошибочной политике, навязанной наднациональными

---

¹ *Acemoglu D., Gleason T., Tsuda K. Economic Inequality and Globalization // The Brown Journal of World Affairs. 2006. Vol. 13. No. 1. P. 19–20.*

² *Acemoglu D., Robinson J. Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity and Poverty (1st). 1st ed. New York: Crown, 2012. 529 p.*

³ *Acemoglu D., Yared P. Political limits to globalization // American Economic Review. 2010. Vol. 100. No. 2. P. 83–88.*

институтами развивающимся странам, то Аджемоглу замечает, что при существующем постепенном увеличении разрыва между пятью самыми бедными и пятью самыми богатыми странами мира все дело в специфике отдельных регионов: «...большая часть этой стратификации заключается в том, что Африка к югу от Сахары не растет такими же темпами, как другие регионы мира», и если исключить их из статистического учета, то неравенство получится не столь существенным¹.

Данное замечание статистически поверхностно, т. к. в действительности разрыв в развитии растет не только между самыми развитыми и самыми бедными странами, но также в целом между развитыми и развивающимися. Стремление «вычистить» из анализа «неудачные» примеры позволяет избежать ряда неудобных вопросов, но едва ли может считаться корректным, хотя и довольно часто встречается в рамках всей институциональной школы, включая все ее ответвления. Например, в 2009 году Д. Норт, Д. Уоллис и Б. Вайнгаст² публикуют весьма интересную книгу, в которой проведен социально-экономический анализ стран на протяжении нескольких веков, что позволяет заметить интересный факт: все страны делятся на две группы — 25 из них на протяжении всего анализируемого периода находятся в группе развитых, остальные 175 — в отстающих, и только несколько государств за все это время смогли перескочить из второй группы в первую. Авторы делают вывод, что при таком развитии событий отсталость следует считать нормой, а развитость — исключением из правил. А главные факторы выявленной принадлежности стран к двум группам — это институты и культурные особенности, которые стоит изучать преимущественно у развитых стран, чтобы понять, как они достигли своего уровня и удержались на нем. При этом факторы взаимодействия государств, в том числе зачастую несправедливые, опускаются.

---

¹ *Acemoglu, Gleason, Tsuda. Op. cit. P. 20.*

² *North D. C. et al. Violence and social orders: A conceptual framework for interpreting recorded human history. Cambridge University Press, 2009.*

В противовес идеям Стиглица и Спенса Аджемоглу пишет, что проблема неравенства возникает скорее вследствие внутренних экономических процессов и политических решений, нежели вследствие имманентных законов международной торговли или мер наднациональных институтов¹. Данная позиция во многом схожа с взглядами Э. де Сото. Он критикует расхожее мнение о том, что процесс глобализации идет вразрез с интересами развивающихся стран. В его работах не отрицается факт эксплуатации ресурсов развивающихся стран развитыми и рост мирового неравенства, однако де Сото утверждает, что вина за это лежит отнюдь не на государствах-лидерах. По его мнению, развивающиеся страны сами неэффективно распоряжаются своими ресурсами. Более того, их отставание — результат множества упущенных возможностей, касающихся не только траты ресурсов, но и поведения на мировой арене, что восходит к проблеме глубокой неразвитости институтов². Внутристрановое неравенство также приписывается неразвитости институциональной системы. Более того, автор пытается интерпретировать негативное отношение населения стран третьего мира к глобализации. Он пишет, что жители бедных государств сравнивают себя (с полным отсутствием защиты каких-либо прав) с приезжающими жителями развитых стран, у которых права четко специфицированы и находятся под надежной защитой, и итоги такого сравнения не в их пользу, ввиду чего глобализация воспринимается ими как нечто несправедливое³.

Современный взгляд на усиление ограничивающих свободную торговлю мер нередко связывается с пробуждением политического популизма. Как отмечает Д. Родрик, экономическая глобализация несет в себе потенциал подрыва политической устойчивости. В результате образуется как «левый» (Латинская Америка), так и «правый» (политика Д. Трампа, движение

---

¹ *Acemoglu, Gleason, Tsuda. Op. cit. P. 21–23.*

² *Coto Э. де. Иной путь. Невидимая революция в третьем мире // пер. с англ. Б. Пинскера. М.: Catallaxy, 1995. С. 7.*

³ *Coto Э. де. Иной путь. Экономический ответ терроризму. М.: Социум, 2008. С. 22*

«Брекзит») популизм¹. Это становится реакцией на «гиперглобализацию», и государства хотят вернуть себе чувство контроля над национальной экономикой в глазах общества.

Неоинституционализм включает в себя значительное число различных направлений, однако можно выделить общую основу: признание ограниченной рациональности индивидов, что противоречит модельным предпосылкам неоклассики. Это обуславливает предметное обращение к институтам как средствам снижения издержек вследствие данной ограниченности. Такое обращение с точки зрения общей логики развития экономической науки было неизбежным ввиду того, что сама жизнь все больше демонстрировала наличие «сил трения» в работе экономических механизмов. Однако методологические установки неоинституционализма оказались не столь отличны от неоклассических. Сохраняются во многом те же исследовательские ограничения, отмеченные по отношению к неоклассике: антиисторизм (даже при изучении исторических процессов), внимание к анализу функциональных связей в ущерб раскрытию сущности явлений. Неоинституционализм признает различия институциональных сред разных систем, что отрицает универсализм принципов работы экономических систем. В то же время это парадоксальным образом не ведет к разнообразию практических рекомендаций в вопросах экономической политики, в частности, касательно принципов международной торговли. Выводы сводятся, как правило, к обоснованию интеграции в мир свободного рынка.

Кроме того, стоит отметить отсутствие единого понимания термина «институт», что делает разрозненными, слабо сочетаемыми друг с другом отдельные концепции. Это затрудняет формирование системного взгляда на масштабные по предмету проблемы и может способствовать теоретическим спекуляциям, когда отдельные локально действующие закономерности неоправданно переносятся в сферу функционирования крупных

---

¹ Rodrik D. Populism and the economics of globalization // Journal of international business policy, 2018. Vol. 1. No. 1. P. 12–33.

экономических объектов. Традиционная институциональная школа, возникшая в свое время в ходе критики ортодоксальных предпосылок неоклассики, имеет ряд методологических отличий от неоинституционализма. В частности, его представители не являются приверженцами методологического индивидуализма. Методология традиционного институционализма выстроена по образцу связанных с предметом анализа гуманитарных наук (социологии, политологии, права и др.), в то время как неоинституционализм использует в основном инструментарий микроэкономики и теории игр. При этом институты в большей степени понимаются как конкретные организации с различными группами внутри них, но не как правила игры (последнее больше присуще неоинституционализму).

Дж. К. Гэлбрейт, выдающийся представитель традиционного институционализма XX в., указывал на значительные сходства между капиталистическими и социалистическими системами своего времени. Они заключались в индустриальной базе производства и повышением роли планирования (и государственного, и корпоративного) в противовес прежней стихии рынка¹. Это дало основание его теории конвергенции — возможности сближения капитализма и социализма путем заимствования лучших составляющих двух систем друг у друга. Такой подход, а также в целом негативное отношение к агрессивной внешней политике ведущих стран подводили Гэлбрейта к критическим оценкам методов холодной войны и продолжающей существовать модели глобализации. В качестве альтернативной повестки продвигалось объединение усилий мирового сообщества для решения глобальных проблем, в частности, устойчивого развития на основе широкого круга критериев качества жизни.

К концу XX в. на волне стремительных технологических трансформаций стали распространяться теории постиндустриального общества. Э. Тоффлер, социолог и футуролог, сделавший немалый вклад в данном направлении,

---

¹ Гэлбрейт Дж. К. Новое индустриальное общество. М.: Прогресс, 1969.

рассматривает глобализацию в явном виде как одну из характеристик третьей волны развития общества (она характеризуется становлением экономики услуг, информационной революцией, формированием научного знания как самостоятельного элемента производительных сил, в отличие от второй волны — индустриального общества, основанного на механизированном товарном производстве). Основные «силы», управляющие данным процессом, — наднациональные образования, вроде транс- и мультинациональных корпораций, неполитических организаций, религиозных организаций. Наиболее сильное воздействие оказывают ТНК, которые Тоффлер называет одними из главных сил, «угрожающих могуществу наций»¹. Однако нельзя однозначно определить линию интересов ТНК. Автор приводит в пример мнение марксистов, которые говорят о подчинении национальных правительств международным корпорациям и схожести их целей, что, по его мнению, не является корректным, так как исторически можно наблюдать самые разные варианты их сосуществования: внутренняя политика часто направлена на решение национальных проблем, что идет вразрез с интересами международной торговли, также и ТНК нередко предпринимают шаги, выходящие за пределы экономической политики отдельных государств и даже противоречащие ей. Бывают примеры кооперации, вражды или эксплуатации между отдельными странами и транснациональными корпорациями, однако чаще всего ввиду лучшей технологической развитости ТНК «обгоняют» государства, более того, рост корпораций скорее ослабляет государства-нации, нежели способствует экономическому развитию².

Нельзя не обратить внимание на то, как по-разному сфокусированы центры внимания кейнсианской и институциональной (старой и новой) школ на решение проблем, вызванных глобализацией: если первые предлагают меры по разрешению острых вопросов, по реорганизации наднациональных институтов для повышения эффективности их решений, то последние

---

¹ Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 1999. С. 221.

² Там же. С. 222–223.

зачастую приписывают существующие проблемы отнюдь не недостаткам организации международной торговли, а внутренней институциональной неразвитости и неверным решениям самих «проблемных» государств. Последнее практически отрицает наличие фундаментальных рыночных факторов развития международной торговли, что крайне ограничивает изучение современных вызовов (де)глобализации.

Отдельно отметим более прикладные подходы к анализу глобальных цепочек стоимости, которые трудно отнести к отдельным теоретическим направлениям¹. М. Портер, который ввел в оборот понятие «цепочка добавленной стоимости», разделил на уровне отдельной фирмы производственный процесс на ряд этапов, позволяющий примерно оценить вклад каждого из них в создание готового продукта². Позже Г. Джереффи более акцентированно перенес предмет исследований на глобальный уровень³, что стало естественным ответом на ускорившееся преодоление национальных границ транснациональными компаниями.

Следует также выделить кластерную теорию экономического развития Портера⁴. Согласно этой теории, предпосылкой конкурентоспособности страны на внешних рынках является создание кластерной инфраструктуры для отечественных компаний. Следовательно, те транснациональные корпорации, которые смогут в других странах вписаться в кластерную систему или образовать ее, обеспечивают себе долгосрочное преимущество перед конкурентами. Государству при этом важно поддерживать конкурентную среду на внутреннем рынке в качестве движущей силы формирования мощных компаний.

---

¹ Обзор работ по этой теме см. в Лубская Е. В. Глобальные цепочки добавленной стоимости как новый элемент международной торговли // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2017. № 2. С. 138–142.

² Портер М. Конкурентное преимущество: Как достичь высокого результата и обеспечить его устойчивость. М.: Альпина Паблишер, 2016.

³ Gereffi G. The Organization of Buyer-Driven Global Commodity Chains and Global Capitalism. L.: Praeger, 1994.

⁴ Портер М. Международная конкуренция. Конкурентные преимущества стран. М.: Альпина Паблишер, 2016.

Рассмотренные выше направления с разных точек зрения и в разной степени освещают проблему международных экономических отношений. Как и любые подходы, они заведомо не могли быть всеобъемлющими — многие аспекты упускаются из виду. В данном случае рассмотренные концепции объединяет недостаточное внимание к эволюции рассматриваемых явлений, внутренним системным противоречиям. Это обуславливает важность дополнительного обращения к марксизму для продвижения в исследовании закономерностей глобализационных процессов.

1.2. Марксизм: политэкономическое переосмысление международной торговли

Глобализация как проводник развития капиталистических отношений

С началом индустриализации противоречия капиталистического развития стали проявлять себя более явным образом. Главным направлением, критиковавшим прежние концепции и раскрывавшим данные противоречия, стал марксизм. В основу исследований были положены исторический и диалектический методы, которые позволяли более полно выявлять причинно-следственные связи в устройстве рыночной системы. Явления показывались в их развитии, описываемые законы не провозглашались вечными и естественными, а рассматривались как части динамичного исторического движения.

Такой подход предопределил изучение развития капитализма безотрывно от процессов интернационализации экономических связей. Источником развития капиталистического способа производства на первой фазе — первоначальном накоплении капитала конца XV — начала XVIII в. — стали, в частности, захват и эксплуатация колоний, работоторговля и активная протекционистская политика государств. «Колониальная система способствовала форсированному росту торговли и судоходства. „Общества-монополии“ (Лютер) были мощными рычагами концентрации капитала.

Колонии обеспечивали рынок сбыта для быстро возникающих мануфактур, а монопольное обладание этим рынком обеспечивало усиленное накопление. Сокровища, добытые за пределами Европы посредством прямого грабежа, порабощения туземцев, убийств, притекали в метрополию и тут превращались в капитал», — писал К. Маркс в I томе «Капитала»¹.

Предметом исследований К. Маркса и Ф. Энгельса был домонополистический капитализм, или «капитализм свободной конкуренции». Данное понятие необходимо брать в кавычки. Если внутренний рынок Англии оставался немонополизированным в конце XVIII — начале XIX в., то в мировой промышленности эта страна, будучи единственной подлинно индустриальной экономикой, обладала монопольным положением. Это обстоятельство сделало английский капитал главным проводником политики фритредерства: в 1860-х Великобритания подписала ряд двусторонних соглашений о свободной торговле с европейскими странами. Они отменяли взаимные ограничения на импорт и таможенные пошлины. Экономикам Латинской Америки и Азии под угрозой применения военной силы были навязаны договоры, лишавшие их свободы тарифной политики и открывавшие их рынки для британских производителей. Примером таких отношений может служить Нанкинский договор, навязанный Китаю после его поражения в войне 1840–1842 гг. Договор устанавливал Китаю выгодные для Британии внешнеторговые пошлины, английский капитал получал право на концессии и режим наибольшего благоприятствования. Кроме Китая жертвами неравноправных договоров стали Османская империя, Персия, Сиам, Япония.

Особенность таких экономических отношений заключается не только в обретении лидерами мировой экономики новых источников накопления капитала. «Свободная торговля» стала каналом международного распространения капиталистических отношений и, как следствие, кризисов. В 1849 г. Маркс и Энгельс писали: «Из всей экономической истории немцы

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Критика политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М.: Госполитиздат, 1960. Т. 23. С. 763.

могли бы знать, что у них нет собственной экономической истории, что им приходится расплачиваться за английские кризисы, тогда как в периоды перепроизводства в Англии им перепадают лишь грошовые выгоды»¹. Это утверждение объясняет природу капиталистических кризисов в странах, находящихся на ранних стадиях индустриального развития. Их производство еще не доросло до уровня крупного машинного, а значит, не созрели условия для возникновения собственных кризисов перепроизводства. Таким образом, глобализация капитализма на ранних этапах его развития играет роль проводника экономических кризисов, превращая их из локальных в региональные, а затем в мировые.

По Марксу, кризисные явления в системе международного разделения труда имеют схожие причины, что и кризисы перепроизводства внутри национальных экономик. Источником кризисов является ключевое противоречие капитализма между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения его результатов. Общественный характер производства выражается в растущем разделении труда, специализации производства и кооперации в промышленности. В полной мере эти тенденции проявляют себя лишь на стадии машинного производства. Значит, и кризисы перепроизводства возникают и развиваются преимущественно в секторе крупной машинной индустрии и затем распространяются на мелкое производство. Оно выступает в роли придатка фабричной индустрии, поставляя ему сырье и предметы потребления, выполняя отдельные вспомогательные производственные функции. Кризис, вызванный перепроизводством в крупной промышленности, распространяется на мелкотоварный сектор, где возникает уже свое перепроизводство, вызванное трудностями сбыта и падением цен.

Развитие капитализма в XIX в. показало, что интернационализация хозяйственных связей переносит описанные Марксом закономерности на

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Критика политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М.: Госполитиздат, 1960. Т. 6. С. 350.

международный уровень, ставя на место крупных и мелких производителей страны соответственно с более и менее развитым капиталистическим производством. Первым кризис возникает в стране, где обостряются противоречия капиталистического накопления в крупной машинной индустрии. Затем он распространяется на страны, находящиеся на стадии мелкотоварного и мануфактурного производства. Таким образом, выход страны на мировой рынок создает в ней риск импорта кризиса перепроизводства из более развитой экономики. Так, кризис перепроизводства в Англии 1825 г. спустя некоторое время нанес удар по экономике Российской Империи. Сжатие внутренней торговли в России произошло из-за падения экспортных доходов на 22 % в 1825–1826 гг. Наибольшие потери понесли экспортоориентированные мануфактуры: доходы от продажи шерсти упали на 70 %, лесоматериалов — на 33 %, льна и пеньки — на 20 %¹.

Англия в первой половине XIX в. выступала главным международным проводником капиталистических кризисов, провоцируя их даже в тех странах, где собственных кризисов перепроизводства быть еще не могло. Монопольное положение британской промышленности, ее историческое развитие с ориентацией на внешние рынки, а также роль крупнейшего импортера усиливались еще одним обстоятельством. Техническое превосходство позволяло Англии в условиях кризисов снижать цены сильнее, чем в других странах, разоряя тем самым местных производителей и перенося часть бремени кризиса на их плечи. Кроме того, британский капитал участвовал в циклических подъемах экономик менее развитых стран. Например, масштабные инвестиции в экономику США 1847–1863 гг. позволяли не только найти приложение перенакопленному капиталу, но и способствовали скорейшему наступлению кризисов перенакопления уже в самой Америке.

По мере промышленного развития стран Европы и США, расширения международных экономических связей и становления единого мирового

---

¹ Мендельсон Л. А. Теория и история экономических кризисов и циклов. М.: Издательство Социально-экономической литературы, 1959. Т. 1 С. 350.

капиталистического пространства возникают предпосылки глобального экономического цикла. Если до конца первой четверти XIX в. кризисы имеют английское происхождение, а затем развитие крупной промышленности в США, Германии и Франции формирует предпосылки капиталистических кризисов за пределами британской экономики, то кризис 1857 г. представлял собой уже полноценный кризис мирового масштаба. Чтобы он стал возможным, необходимо было наличие крепких экономических связей: торговых и кредитных, а также борьба за рынки между развитыми капиталистическими странами и формирование на ее основе единых мировых цен. Это, в свою очередь, не может возникнуть без выхода мировой торговли, средств коммуникации (телеграф), транспорта (сеть железных дорог, паровой флот) на новый качественный уровень, который начал происходить в 1850-х.

Мировые промышленные циклы становятся не просто следствием совпадения периодов роста и спада в национальных экономиках, а отражают начало нового этапа в развитии капитализма в единой, глобализированной системе, основанной на международном разделении труда, международном кредите и товарообороте, глобальной конкуренции. В этих процессах Маркс видел каналы, по которым противоречия капиталистического способа производства будут распространяться на весь мир, тем самым ускоряя его развитие и углубляя внутренние противоречия. По его утверждению, «все законы, изложенные в классических трудах по политической экономии, строго непогрешимы только при предположении, что с торговли сняты всякие оковы, что конкуренция абсолютно свободна не только внутри какой-нибудь одной страны, но и во всем мире»¹. Маркс ссылается на Рикардо и утверждает, что труд как товар в этих условиях будет также снижаться в цене до такой степени, «что вы сможете купить его чрезвычайно дешево, точно так же, как перец или соль»². В результате «все остальные законы политической экономии будут

---

¹ Маркс К. Речь д-ра Маркса о протекционизме, свободе торговли и рабочем классе // К. Маркс, Ф. Энгельс, Сочинения. М.: Госполитиздат, 1960. Т. 4. С. 265.

² Там же.

действовать с возросшей силой, с большей точностью, так и закон народонаселения, о котором говорит Мальтус, при господстве свободы торговли получит такое широкое развитие, какое только можно вообразить»¹. Реалии конца XX — начала XXI в. доказывают правоту Маркса. Новый виток глобализации, двигателем которой стала либерализация экономики и внешнеэкономических связей, позволил перенести производственные мощности в регионы с низкой оплатой труда. Возникшая конкуренция между продавцами рабочей силы — наемными работниками — в центре и на периферии мировой экономики вызвали резкое замедление роста зарплат в развитых странах, а в некоторых случаях и вовсе привели к ее снижению, что будет показано в следующих главах.

Признавая угрозы, которые несет свободная торговля общественным интересам, Маркс подчеркивает, что свободный рынок быстро спотыкается о собственные противоречия как на национальном, так и на международном уровне. Их углубление порождает обострение классовой борьбы: «Значит ли это, что мы против свободы торговли? Нет, мы стоим за свободу торговли, потому что с введением ее все экономические законы с их самыми поразительными противоречиями будут действовать в более широкой сфере, на более обширной территории, на территории всего мира; и потому, что сплетение всех этих противоречий в единый клубок, где они столкнутся, породит борьбу, которая в свою очередь завершится освобождением пролетариата»².

Капитализм в стадии империализма

В предисловии к первому изданию «Капитала» Маркс писал, что «страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего»³. Однако это высказывание не

---

¹ Там же.

² Там же.

³ Маркс К. Критика политической экономии: I т. «Капитала» // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1960. Т. 23. С. 9.

свидетельствует о том, его автор стоял на позициях экономического детерминизма и видел развитие экономики линейным процессом. В данном случае Маркс сравнивает лишь экономики Англии и Германии, находящиеся на разных ступенях развития капиталистического производства: «Там, где у нас вполне установилось капиталистическое производство, например на фабриках в собственном смысле, наши условия гораздо хуже английских, так как мы не имеем противовеса в виде фабричных законов»¹. В частности, Маркс отмечает, что лежащее в основе капиталистической системы отделение производителя от средств производства через экспроприацию землевладельцев впервые произошло в Англии и будет распространяться на страны Западной Европы: «Таким образом, „историческая неизбежность“ этого пути точно ограничена странами Западной Европы»². Страны Западной Европы и Америка действительно прошли схожий с Англией путь, однако в других частях света возможности такого развития были ограничены. Система колониального подчинения сформировала глубокий дисбаланс в перераспределении стоимости в мировой экономике, лишив другие страны шансов на построение идентичной модели капитализма.

Об отсутствии неизбежно единого пути социально-экономического развития всех народов Маркс говорит на примере России. В письме к В. Засулич он отмечает, что страна «имеет тенденцию стать капиталистической нацией по образцу наций Западной Европы»³ через превращение крестьянской массы в пролетариев. Однако Россия может избежать движения по европейскому пути. Кооперативное хозяйство, основанное на общинном землевладении, могло бы эффективно интегрироваться в мировой рынок без превращения крестьян в мелких собственников, а затем и в безземельный пролетариат. Надо лишь «устранить

---

¹ Там же.

² *Маркс К.* Наброски ответа на письмо В. И. Засулич. Третий набросок // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1960. Т. 19. С. 416.

³ *Маркс К.* Письмо в редакцию «Отечественных записок» // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1960. Т. 19. С. 120.

тлетворные влияния, которым она [община] подвергается со всех сторон, а затем обеспечить ей нормальные условия свободного развития»¹. Эта мысль Маркса обрела особую значимость в полемике между социал-демократами в Российской Империи в начале XX в. Вопрос о возможности построения социализма на базе экономики, не прошедшей всех стадий развития капиталистического способа производства по образцу Западной Европы, сохраняет актуальность и сегодня. Опыт Советского Союза показал, что плановое хозяйство, основанное на общественной собственности, способно сконцентрировать ресурсы на развитии приоритетных отраслей экономики и за короткий период времени пройти путь, на который ушли бы многие десятилетия естественного хода капиталистического развития. Одновременно нельзя не признать, что неразвитость российского капитализма и, как следствие, незрелость институтов буржуазной демократии не позволили в полной мере реализовать принципы социалистического общества в СССР, что стало одной из причин его уничтожения.

Вопросам неравномерного развития большое внимание было уделено в работах В. И. Ленина, объектом исследования которого стал капитализм, вступивший на качественно новую ступень своего развития — империализм. Закономерное следствие рыночной конкуренции и закона накопления капитала — монополизация экономики — значительно видоизменило международные экономические отношения. «Конкуренция превращается в монополию. Получается гигантский прогресс обобществления производства. В частности, обобществляется и процесс технических изобретений и усовершенствований... Общественные средства производства остаются частной собственностью небольшого числа лиц», — писал В. И. Ленин в работе «Империализм как высшая стадия капитализма»². В условиях империализма происходит слияние банковского и промышленного

---

¹ Маркс. Указ. соч. С. 251.

² Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма // В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, издание пятое. М.: Издательство политической литературы, 1969. Т. 27. С. 320.

капитала, образование на основе их симбиоза монопольного финансового капитала, концентрация под его контролем собственности на природные ресурсы, правовой монополии на патенты и средства транспорта. Завершение территориального раздела мира крупнейшими капиталистическими державами обеспечивает условия для эксплуатации колоний метрополиями, которые начинают использовать их в большей степени как место приложения капитала, чем рынок сбыта.

Переход целого ряда стран Европы и Америки к фабричному производству обостряет борьбу национальных капиталов на международном уровне. Это обстоятельство меняет отношения между классом капиталистов и государством, которое выражается в растущем вмешательстве государства в экономику. Вызревание капиталистических отношений на новых территориях принесло с собой новый протекционизм с применением покровительственных пошлин, защищавших экспортоориентированные отрасли от внешней конкуренции. Такие меры ускоряли процессы монополизации, поскольку становились эффективным инструментом повышения рентабельности: на внутреннем рынке за счет установления монопольных цен, на внешнем — посредством зачистки рынка от конкурентов политикой демпинга. Рост нормы прибыли ускорял наступление кризисов перепроизводства и проблемы перенакопления капитала. Как отмечает Ленин, «пока капитализм остается капитализмом, избыток капитала обращается не на повышение уровня жизни масс в данной стране, ибо это было бы понижением прибыли капиталистов, а на повышение прибыли путем вывоза капитала за границу, в остальные страны»¹.

Попыткой решить проблему перенакопления становится экспорт капитала — вывоз стоимости, предназначенной для производства прибавочной стоимости за границей. Она принимает форму ссудного капитала в виде займов для менее развитых стран, которые заручаются поддержкой

---

¹ Там же. С. 360.

банков-кредиторов, гарантирующих сбыт заемщикам. Так, борьба за рынки сбыта обретает форму конкуренции за места приложения ссудного капитала. Одновременно нарастает экспорт капитала в производительной форме. Локализация производства в отсталой стране повышает спрос со стороны местного населения. Страны-лидеры капиталистического мира — Германия и США, где монополистические процессы продвинулись дальше, — выступают в роли экспортеров производительного капитала. Англия и Франция, в которых промышленное развитие замедлилось в конце XIX — начале XX в., благодаря накопленным ранее богатствам осуществляли экспорт преимущественно ссудного капитала.

Большую роль в развитии ленинской теории империализма играет его полемика с другим марксистским теоретиком Р. Гильфердингом. В трактовке понятия финансового капитала для Гильфердинга главным был вопрос о характере взаимодействия крупного капитала в промышленности и банковском секторе. Роль последнего он видел в установлении контроля над материальным производством ради устранения в нем конкуренции, что обеспечивало бы условия для стабильного прибыльного приложения ссудного капитала¹. Для Ленина главным вопросом был сам факт сращивания банковского и промышленного капитала в форме монополий, а также обретения финансовой олигархией власти над рынком: «Финансовый капитал, концентрированный в немногих руках и пользующийся фактической монополией, берет громадную и все возрастающую прибыль от учредительства, от выпуска фондовых бумаг, от государственных займов и т. п., закрепляя господство финансовой олигархии, облагая все общество данью монополистам»². Господство финансового капитала делает возможным контроль над финансовым рынком и использование финансовых инструментов для дальнейшей экспансии.

---

¹ Гильфердинг Р. Финансовый капитал. Новейшая фаза в развитии капитализма. М.: ГИЗ, 1922. С. 217.

² Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма // В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, издание пятое. М.: Издательство политической литературы, 1969. Т. 27. С. 350.

В начале XX в. позиция Гильфердинга не была лишена эмпирических оснований, поскольку основным источником банковской прибыли выступал процент, взимаемый с прибавочной стоимости, созданной в промышленности. Однако вместе с развитием глобальных финансовых рынков и эволюцией фиктивного капитала все большая доля прибыли финансового капитала приходится на финансовые спекуляции, роль банковского кредита как формы движения ссудного капитала становится второстепенной, а основным местом его концентрации является рынок ценных бумаг. Способность крупнейших финансовых групп через инструменты финансового рынка занять господствующее положение в любой отрасли современной экономики почти любой страны мира является наиболее ярко иллюстрацией того, как финансовая олигархия, по Ленину, закрепляет свое господство и облагает все общество данью монополистам.

Итак, империализм стал новой ступенью в истории глобализации. Отказ от идей фритредерства не только не сократил, а всемерно расширил рыночные связи между разными частями света. Экономическая реальность XIX–XX вв. задала актуальность обращения к вопросу дальнейшего развертывания империалистических тенденций. Свой подход к проблеме предложил К. Каутский в концепции ультраимпериализма. Каутский полагал, что он придет на смену империализму в форме «перехода картелизации во внешнюю политику»¹: монополизм достигает своего максимума, ускоряются процессы концентрации и централизации финансового капитала, что создает условия для образования межгосударственных политических картелей, осуществляющих совместную экономическую эксплуатацию человечества. В этом случае противоречия между империалистическими державами будут устранены, сделав невозможными новые войны, а ультраимпериализм, таким образом, представляется как система политик, противостоящих «возврату» капитализма к его к мирному домонополистическому состоянию.

---

¹ *Kautsky K. Ultra-imperialism* [Электронный ресурс]. Adam Matthew Digital, 1970. URL: <https://www.marxists.org/archive/kautsky/1914/09/ultra-imp.htm>

Ленин также не отрицал чисто теоретической возможности перехода монополистических тенденций на глобальный уровень и образования в конечном итоге всемирного треста, который станет материальной базой социализма, т. е. «государственно-капиталистической монополии, обращенной на пользу всего народа»¹. Однако трест, как и другие формы олигополистического сговора, является неустойчивой экономической конструкцией. Каждый участник объединения сохраняет заинтересованность тайно нарушить условия соглашения, максимизируя прибыль благодаря «добровольному» ограничению интересов других участников сделки. «Не подлежит сомнению, что развитие идет в направлении к одному-единственному тресту всемирному, поглощающему все без исключения предприятия и все без исключения государства. Но развитие идет к этому при таких обстоятельствах, такими темпами, при таких противоречиях, конфликтах и потрясениях — отнюдь не только экономических, но и политических, национальных и пр. и пр., — что непременно раньше, чем дело дойдет до одного всемирного треста, до „ультраимпериалистического“ всемирного объединения национальных финансовых капиталов, империализм неизбежно должен будет лопнуть, капитализм превратится в свою противоположность», — писал Ленин². Таким образом, он полагал, что капитализм не успеет «дожить» до ультраимпериалистической стадии развития, поскольку раньше того похоронит себя под грузом собственных противоречий: кризисов, мировых войн и революций, которые изменят баланс сил и приблизят становление социализма. Ход истории показал, что в XX в. империализм провел человечество через две мировые войны, Великую депрессию 1929–1933 гг. и Великую рецессию 2007–2009 гг., русскую, китайскую и другие революции. Несмотря на то, что современный капитализм характеризуется усилением монополистических тенденций как в политике, так

---

¹ Ленин В. И. Грозная катастрофа и как с ней бороться // В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, издание пятое. М.: Издательство политической литературы, 1969. Т. 34. С. 192.

² Там же. С. 98.

и в экономике, что выражается в появлении объединений G7, ОЭСР, а также полутайных картелей, их устойчивость оказывается под вопросом с каждым новым витком экономического кризиса. При этом сама проблема деглобализации ясно свидетельствует о том, что противоречия между национальными капиталами развитых стран, а также борьба капитала центра с окрепшим капиталом периферии делают такие союзы лишь временным, преходящим явлением.

Впрочем, Ленин не мог предугадать, как империализм будет развиваться в соседстве и соперничестве с социалистическим миром. В этой борьбе империализм прошел внутреннее преобразование, сначала внедряя элементы социализма в капиталистическую систему, а затем отбросив их и перенеся груз кризиса 1970-х на плечи азиатского мира, часть которого по крайней мере формально принадлежала к социалистическому блоку. Все это не могло не повлиять на развитие капитализма и сегодня ставит перед исследователями вопрос о том, стал ли империализм действительно высшей, то есть конечной стадией развития капитализма. 26 апреля 1917 г. ленинская работа об империализме была опубликована в издательстве «Парус». Редакция, в руководстве которой были члены меньшевистского крыла РСДРП, внесла правки в текст, удалив из него резкую критику Каутского и Мартова, заменила слово «перерастание» (капитализма в империализм) на «превращение»; «реакционный характер» (теории «ультраимпериализма») заменила словами «отсталый характер» и т. д. Наконец, сама книга вышла в свет под названием «Империализм, как *новейший* этап капитализма (Популярный очерк)»¹. В поздних изданиях искажения были исправлены, однако идея того, что империализм является *самостоятельной* ступенью в развитии капитализма, не сводится лишь к политике экспансии и не является последней ступенью эволюции капиталистического способа производства, требует сегодня переосмысления.

---

¹ Ленин В. И. Грозная катастрофа и как с ней бороться // В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, издание пятое. М.: Издательство политической литературы, 1969. Т. 27. С. 521.

Последней точки зрения придерживался Дж. А. Гобсон, не увязывавший империализм с эпохой монополистического капитализма. Гобсон замечает, что источником такой политики являются интересы капитала, ищущего зарубежного приложения: «Не будет преувеличением, если я скажу, что современная иностранная политика Великобритании заключается главным образом в борьбе за выгодные рынки для вкладчиков капитала. С каждым годом Великобритания все больше превращается в страну, живущую с заграничной дани, и те классы, которые пользуются этой данью, стремятся использовать общественные средства, общественные кошельки, общественные силы для расширения сферы приложения своих частных капиталов и для охраны тех из них, которые уже были вложены прежде, а также для улучшения условий их помещения»¹. Однако он не объясняет объективной природы образования «лишнего» капитала, которому необходимо применение на внешних рынках. Источником такого капитала Гобсон называет «сверхсбережения», ставшие результатом социального расслоения и неравенства: «Избыточные сбережения, являющиеся экономическим корнем империализма, оказываются, при более близком рассмотрении, рентой, монопольной прибылью и вообще нетрудовым и исключительным доходом, который, не являясь продуктом ручного или умственного труда, не имеет законного *raison d'être*»². А значит, проблему империализма можно решить, наладив систему распределения сверхнакоплений от правящего класса в пользу всего народа. Такой подход может быть подвергнут критике, так как источником свободного капитала является его перенакопление в развитых капиталистических странах, вызванное проблемой перепроизводства. Экспорт капитала и внешняя экспансия являются для такой системы условием выживания, а значит, политику империализма нельзя проводить в одном случае и отбрасывать в

---

¹ Гобсон Дж. Империализм. Ленинград: Рабочее Издательство «Прибой», 1927. С. 83.

² Ленин В. И. Грозная катастрофа и как с ней бороться // В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, издание пятое. М.: Издательство политической литературы, 1969. Т. 27. С. 521.

другом. Она становится неотъемлемым свойством капиталистической системы.

Большой вклад в развитие теории империализма внесла видный теоретик марксизма Р. Люксембург. В своем труде «Накопление капитала» она сделала акцент на вопросе реализации прибавочной стоимости в условиях капитализма, преодолевшего границы национальных государств. Ее теория, исходя из марксистских представлений о природе капитализма, опирается на тезис Смита о естественных границах развития разделения труда и теории «третьих лиц» Т. Мальтуса. Суть концепции заключается в следующем. С одной стороны, источником развития капиталистической экономики является постоянное углубление разделения труда. При этом, что отмечали еще классики, одновременно с ростом производительности разделение труда повышает риски устойчивости экономической системы в целом, поскольку заставляет производителя встраиваться во всё более сложные производственные цепочки, где успех реализации его продукции связан уже не столько с его мастерством и навыками управления, сколько с положением других ее участников. Как следствие, когда степень риска станет настолько большой, что дальнейшее движение по пути разделения труда окажется невозможным, капиталистическая система попадет в тупик. Выход из этого тупика существует лишь для национальной системы, поскольку она имеет возможность к расширению на региональном, а затем на международном уровне. Однако такое расширение непременно достигнет пределов и остановится. С другой стороны, рыночной экономике для самовоспроизводства необходимо сбывать часть стоимости товара, которая превышает издержки производства и является источником прибыли. По мнению Мальтуса¹, она не может быть приобретена ни работниками, которые способны купить только часть стоимости, произведенную их трудом, ни капиталистами, поскольку они стремятся к минимизации личного

---

¹ *Malthus T. Principles of Political Economy: Considered with a View to Their Practical Applications. New York: Reprints of Economic Classics, Augustus M. Kelley, 1964.*

потребления ради накопления капитала. Таким образом, чтобы весь произведенный продукт был реализован, в экономической системе должны присутствовать «третьи лица» — землевладельцы, бюрократия, генералитет. Их непроизводительное потребление позволяет рыночной экономике сохранять состояние равновесия.

Интегрируя эти положения в марксистскую модель расширенного воспроизводства, Люксембург пыталась усовершенствовать теорию накопления капитала Маркса, который абстрагировался от анализа внешнеэкономических факторов. Главный удар критики принимала на себя идея Маркса о том, что роль внешней торговли заключается лишь в замещении товаров местного производства предметами иной потребительной или натуральной формы. Она не оказывает влияния на отношения стоимости, в том числе выражаемые через обмен средств производства на предметы потребления; отношения постоянного, переменного капитала и прибавочной стоимости. «Введение внешней торговли в анализ ежегодно воспроизводимой стоимости продукта может, следовательно, только запутать дело, не доставляя нового момента ни для самой задачи, ни для решения ее. Следовательно, ее совсем не надо принимать во внимание»¹, — пишет Маркс. Люксембург утверждала, что именно международная торговля становится каналом сбыта прибавочной стоимости, которая, по ее мнению, не может быть реализована в рамках национальной экономики.

«Кто же является покупателем, потребителем той части всех общественных товаров, продажа которой только и делает возможным накопление?» — задается вопросом Люксембург². И отвечает на него: «Ясно одно: этими покупателями не могут быть ни рабочие, ни капиталисты»³, т. е. это представители «некапитализированной» части экономики, страны,

---

¹ Маркс К. Критика политической экономии: II т. «Капитала» // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1960. Т. 24. С. 534.

² Люксембург Р. Накопление капитала: т. 1, издание пятое. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1934. С. 84.

³ Там же.

стоящие на докапиталистических ступенях развития. Отсюда империализм она определяет «политическим выражением процесса накопления капитала в его конкурентной борьбе за остатки некапиталистической мировой среды»¹. В конечном счете распространение капиталистических отношений на территорию всей планеты сделает невозможным их дальнейшее воспроизводство, что приведет к автоматическому краху капитализма.

Идеи Люксембург подвергались значительной критике со стороны представителей марксизма. Так, Ленин фактически раскритиковал их еще до того, как ее работа вышла в свет, поскольку схожие идеи в России продвигали сторонники народничества. Он утверждал, что проблема перенакопления, выражающаяся в кризисах перепроизводства, вызвана не нехваткой рынков сбыта, а анархией капиталистического производства и периодическим отклонением цены от стоимости. В долгосрочной же перспективе капитализм способен сам безгранично расширять спрос: его главным источником являются капиталисты, приобретающие все больше средств производства в процессе накопления капитала. Таким образом в капитализме возникает «производство ради производства» — противоречие, так и не понятое Люксембург. «Но это — противоречие не доктрины, а действительной жизни; это — именно такое противоречие, которое соответствует самой природе капитализма и остальным противоречиям этой системы общественного хозяйства, — утверждал Ленин. — Именно это расширение производства без соответствующего расширения потребления и соответствует исторической миссии капитализма и его специфической общественной структуре: первая состоит в развитии производительных сил общества; вторая исключает утилизацию этих технических завоеваний массой населения»².

Стоит отметить, что идея о необходимости постоянного расширения капитализма ради самовоспроизводства высказывалась еще Энгельсом:

---

¹ Там же. С. 320.

² Ленин В. И. Развитие капитализма в России // В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, издание пятое. М.: Издательство политической литературы, 1969. Т. 3. С. 46.

«Капиталистическое производство не может стоять на месте: оно должно расти и расширяться или же умереть. Уже теперь одно лишь ограничение львиной доли Англии в снабжении товарами мирового рынка означает застой и нищету, избыток капитала, с одной стороны, избыток незанятых рабочих рук — с другой. Что же будет тогда, когда ежегодного прироста производства совсем не будет? Вот где уязвимое место, ахиллесова пята капиталистического производства. Постоянное расширение является необходимым условием его существования, а это постоянное расширение становится теперь невозможным. Капиталистическое производство зашло в тупик. С каждым годом перед Англией все более настойчиво встает вопрос: либо должна погибнуть страна, либо капиталистическое производство; кто из них обречен?»¹ Однако здесь Энгельс говорит не о росте сбыта вообще, а проблемах реализации товара на внешних рынках в условиях Долгой депрессии 1873–1896 гг. — кризиса перепроизводства, принявшего международный масштаб. В условиях империализма внешний сектор начинает играть в первую очередь роль места приложения инвестиций, а вывоз товаров вытесняется вывозом капитала. Таким образом, аграрная периферия здесь выполняет функцию источника прибавочной стоимости в условиях падения средней нормы прибыли, когда рост капиталовооруженности труда в странах центра снижает отдачу от авансированного капитала и требует более прибыльного его приложения благодаря использованию массовой и дешевой рабочей силы.

Проблема функционирования капитализма как глобальной системы, находящейся на монополистической стадии развития, была раскрыта в трудах американских марксистов П. Барана и П. Суизи. В мировой политико-экономической иерархии они выделяют страны-«метрополии» и «колонии». Отношениями эксплуатации связаны все страны капиталистического мира, а большинство из них являются одновременно и эксплуатируемыми. Значит,

---

¹ Энгельс Ф. Англия в 1845 и 1885 годах // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1960. Т. 21. С. 204.

особую роль начинают играть вооруженные силы, развитие которых позволяет стране подняться на более высокую ступень этой иерархии. Баран и Суизи исследовали капиталистическую экономику, перешедшую от конкурентного к монополистическому этапу развития. В таких условиях крупные компании обретают способность извлечения на постоянной основе т. н. экономического излишка — т. е. разницы между «результатом общественного производства и затратами на него»¹.

Размер излишка — это показатель производительности и богатства; «того, насколько общество свободно в достижении целей, которые оно может перед собой поставить. Структура излишка показывает, как общество использует эту свободу: сколько оно инвестирует в расширение производственных мощностей, сколько оно потребляет в различных формах, сколько оно расходует впустую и в каком виде»². Источником излишка становится снижение заработной платы, изъятие ресурсов у колоний и монополистическая наценка. Растущее господство крупного капитала приводит к постоянному перенакоплению излишка, т. е. «превышению возможностей накопления над возможностями инвестирования»³, что становится причиной экономических кризисов. Системе необходимо обеспечивать постоянную абсорбцию излишков. Это происходит через каналы иностранных инвестиций (здесь Баран и Суизи развивают тезис Ленина о вывозе капитала как одном из свойств империализма), растущих рекламных расходов компаний, финансирования бюрократического аппарата и пенитенциарной системы. Одним из ключевых каналов абсорбции излишка авторы называют военные расходы⁴. Одновременно милитаризация соответствует интересам крупных компаний, которые используют военную мощь государств в конкурентной борьбе на мировой арене.

---

¹ Baran P., Sweezy P. Monopoly Capital. New York: Monthly Review Press, 1966. P. 9–10.

² Ibid.

³ Op. cit. P. 109.

⁴ Op. cit. P. 179.

Вопрос интернационализации капитализма с точки зрения международной торговли развивает Д. Харви. С позиций экономической географии он критически относится к определению глобализации как специфической черты современного этапа развития капитализма, доказывая, что за этим термином на самом деле скрывается исторически свойственная системе тяга к географической экспансии¹. Она выражается в экспансии бесконечного накопления капитала ввиду постоянного поиска капиталом пространственного решения своих многочисленных проблем. Эта институциональная система поддерживается надгосударственными организациями, такими как МВФ и ВТО, и, по мнению Харви, имеет черты империализма². Анализировать глобальные экономические процессы автор предлагает преимущественно с позиции марксистской экономической школы (смотреть на глобализацию сквозь призму классовой борьбы), поскольку «она наиболее компетентна в выборе инструментов и средств, с помощью которых можно найти общее в множественности и различиях и определить первичные/вторичные/третичные условия угнетения и эксплуатации»³.

Харви предлагает рассматривать явление глобализации через призму неравномерности пространственно-временного развития капитализма. Международная экспансия капитала основана на принципе «накопления путем изъятия»⁴, которую автор рассматривает как продолжение теории Маркса о первоначальном накоплении: «Сюда входят превращение в товар и приватизация земли с насильственным изгнанием крестьян, превращение разных форм собственности (общинной, коллективной, государственной и т. д.) в частную. Подавление прав общин, превращение в товар рабочей силы и подавление альтернативных (свойственных коренным жителям) способов производства и потребления. Колониальное, неоколониальное и

---

¹ *Harvey D. Globalization in question // Rethinking marxism. 1995. Vol. 8. No. 4. P. 1–17. 7–16 pp.*

² *Harvey D. The Right to the City // Richard Scholar (ed.). Divided Cities: The Oxford Amnesty Lectures 2003. Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 83–103. 89–95 pp.*

³ *Harvey D. Globalization in question // Rethinking marxism. 1995. Vol. 8. No. 4. P. 1–17. 7–16 pp.*

⁴ *Harvey D. The New Imperialism. Oxford: Oxford University Press, 2003. P. 145.*

империалистическое присвоение ценностей (включая природные ресурсы). Переход к денежной форме обмена и налогообложения, особенно земли, работоторговля, ростовщичество, национальный долг и кредитная система как форма первоначального накопления»¹. Таким образом, Харви развивает проблематику глобальной эксплуатации, а пространственный аспект политэкономического анализа становится одним из связующих звеньев марксизма и представителей мир-системной теории, для которых глобализация является одним из ключевых предметов исследования. Более подробно эти подходы будут описаны в следующем параграфе настоящей работы.

Современные исследователи А. В. Бузгалин и А. И. Колганов акцентировали внимание на противоречиях глобальной капиталистической системы во второй половине XX в.² Согласно их подходу, противоречия монополизированного, но слабо регулируемого капитализма привели к мировым войнам и Великой депрессии. Необходимость выхода из тупика старой модели вкупе с распространением мировой социалистической системы вынудили капитал пойти по дороге социализации, формирования государств всеобщего благосостояния, широкого внедрения достижений научно-технического прогресса в материальное производство с участием государств. В 1970-е годы значимость прежних факторов развития стала снижаться. Ответом капитала, пошедшего ранее на большие для себя уступки, стала безудержная экспансия по всему миру и большее перераспределение доходов в свою пользу. Нужно при этом подчеркнуть, что такой переход стал возможен за счет большого продвижения по пути научно-технического прогресса, осуществленного в послевоенное десятилетие. Общество приблизилось к информационной революции, которая в свою очередь обусловила материальные возможности формирования новой модели. Ускоренные темпы

---

¹ Ibid.

² Бузгалин А. В., Колганов А. И. Глобальный капитал. Т. 2. Теория: Глобальная гегемония капитала и ее пределы («Капитал» re-loaded). Изд. 3-е, испр. и сущ. доп. М.: Ленанд, 2018.

финансиализации и мировая экспансия капитала ознаменовали переход к неолиберализму, результатом господства которого стал кризис 2007–2009 гг. Ослабление, а затем и гибель мировой системы социализма вместо возможного противодействия данным процессам только способствовали им, так как, во-первых, для западных корпораций открывались новые рынки и, во-вторых, давалась идеологическая подпитка сторонникам либерализации экономики, ссылавшимся на нежизнеспособность альтернативных моделей.

А. В. Бузгалин и А. И. Колганов в качестве ключевого содержания глобализации выделяют новую роль устойчиво укрупнявшихся ТНК. Они стали не только центром мировой системы производства, но и источником формирования выгодных для себя моделей образа жизни населения, культурных, образовательных парадигм и т. д. Кризис 2007–2009 гг. пошатнул доверие к глобальной экономической системе, создал новые точки напряженности и обострения конкурентной борьбы, но принципиальным образом ее не изменил. Интерпретация глобализации как особого феномена, связанного с могуществом и расширением ТНК, внесла существенную новизну в марксистский взгляд при изучении данной проблемы. При этом такой подход не противоречит, а дополняет «традиционную» исследовательскую ориентацию на взаимодействие национальных экономик при рассмотрении проблем мировой торговли. Надо подчеркнуть, что его появление во многом было предопределено общей логикой развития капитализма.

Монополизация ключевых секторов экономики, где требуются большие ресурсы для развития, стремление компаний к расширению рынков являются имманентными чертами капитализма. Формирование нынешних ТНК, таким образом, является закономерным. Глобализация, хотя и приобрела новые формы, не стала противоречить прежней логике капитала, ориентированного на максимальное расширение, в том числе сквозь национальные границы. При этом, несмотря на могущество и географическую экспансию, ТНК не оторваны от своих национальных корней. Как правило, производство

координируется из «дома», наиболее высококвалифицированные кадры, обеспечивающие высокую добавленную стоимость, работают также на «родине». Связь крупнейших компаний со странами своего зарождения сохраняется, как и заинтересованность государств в развитии отечественных корпораций. Таким образом, межстрановые потоки товаров и услуг по-прежнему отражают тактические предпочтения участников внешней торговли, векторы развития глобализации.

Кроме того, А. В. Бузгалин и А. И. Колганов предлагают иную модель интернационализации хозяйственных связей: альтерглобализм. Она противопоставляется и современному типу глобализации, и изоляционизму. В основе альтерглобализма лежит принцип свободы доступа к общественным благам: природным ресурсам, инфраструктуре, знаниям и технологиям. Ориентиром мирового развития должна стать не максимизация материального потребления, а эко, социо, гуманитарное развитие на основе демократизации политического процесса и социализации экономики. За счет перераспределения «паразитических» доходов на международном уровне станет возможна ликвидация абсолютной бедности и сглаживание межстранового неравенства.

Марксизм стал ответом на многие положения «буржуазной политической экономии». С позиций историко-материалистического подхода были освещены многие фундаментальные противоречия капиталистического развития, недостаточно проработанные (а порой и игнорируемые) в рамках прежних направлений. На рубеже XIX–XX вв. именно последователи Маркса и Энгельса обратили наибольшее внимание на обострение геоэкономического противостояния ведущих стран. Впоследствии другие экономические феномены, рождавшиеся в процессе эволюции капитализма, впервые и наиболее полно были осмыслены марксистами. Это касается и ряда проблем международной торговли.

Однако нарастающая сложность внутренних отношений внутри мировой экономической системы стала заслуживать отдельного исследовательского направления. Им стал мир-системный анализ, которому посвящен следующий подраздел.

1.3. Противоречия глобализации в мир-системном анализе

В условиях трансформации мировой экономики в XX в. под влиянием итогов Второй мировой войны, формирования двух противоборствующих политико-экономических систем, а также процессов деколонизации возникла потребность в теориях, способных описать отношения между крупнейшими капиталистическими экономиками и слаборазвитыми странами, многие из которых недавно получили независимость. В 1970-е гг. была разработана мир-системная теория, в ее центре лежит объяснение эволюции систем общественного устройства, которая рассматривается с позиций междисциплинарного макроанализа всемирной истории. Объектом исследования стала совокупность социально-экономических отношений между субъектами мировой экономики в условиях международного разделения труда. Данная теория является итогом сложного исторического развития и взаимопроникновения ряда школ и теорий. Во-первых, мир-системный анализ исходит из традиций школы «Анналов» (Ф. Бродель), которая акцентирует внимание на долгосрочных исторических процессах, а в качестве единицы анализа рассматривает геоэкономические регионы. Во-вторых, его источником являются марксистские теории эксплуатации, классовой борьбы и империализма. Третьим источником можно назвать теорию зависимого развития, выросшую на основе традиций национальной освободительной борьбы латиноамериканских народов, а также китайской революции и идей Коммунистического интернационала¹. Большое влияние на

---

¹ На втором съезде Коминтерна В. И. Ленин представил «Тезисы по национальному и колониальному вопросу», в которых акцентировал внимание на задачах объединения по сближению «пролетариев и трудящихся масс всех наций и стран для совместной революционной борьбы» (В. И. Ленин. Тезисы ко II

развитие мир-системного подхода оказал спор марксистов и народников в России, чьи взгляды были в значительной степени синтезированы большевиками.

Как пишет крупный представитель мир-системного анализа У. И. Робинсон, «отношения к мировому капитализму начали различаться в период после Второй мировой войны. В частности, более традиционно ориентированные подходы следовали позиции Маркса о том, что капитализм будет развивать производительные силы по всему миру по мере его распространения, в то время как другие рассматривали отсталость и неразвитость одних регионов мира как альтер эго прогресса и развития других»¹. Идея о том, что природа и динамика мирового капитализма привели к глобальному неравенству и сильному развитию одних стран при растущем отставании других, была впервые сформулирована в рамках структуралистской теории экономического роста, оказавшей значительное влияние на становление мир-системного анализа. Ее особенность заключается в том, чтобы принимать во внимание структурные формы экономик разных стран для применения к ним разных моделей экономического роста. Среди представителей структурализма необходимо выделить разработки Р. Пребиша и Х. Зингера, посвященные проблеме неэквивалентного обмена и зависимого развития стран периферии². Авторами был обработан большой эмпирический материал в годы до Второй мировой войны. Механизм эксплуатации (неэквивалентного обмена) центром периферии раскрывается через структуру торговли. Цены на промышленные товары с более высокой добавленной

Конгрессу Коммунистического Интернационала // ПСС. Т. 41. С. 161). Позже эти положения были поддержаны Мао Цзэдуном на VI конгрессе Коммунистического Интернационала в 1928 г., где он заявил, что «колонизальные формы капиталистической эксплуатации изымают прибавочную стоимость в пользу метрополии и препятствуют развитию производительных сил» (Research Unity for Political Economy, «On the History of Imperialism Theory», 45–47; *Jane Degras*, ed. *The Communist International: Documents, 1919–1943*. Oxford: Oxford University Press, 1965. Vol. 2. P. 46).

¹ *Robinson W. I.* Globalization and the sociology of Immanuel Wallerstein: A critical appraisal // *International Sociology*, 2011. Vol. 26. No. 6. P. 723–745.

² *Пребиш Р.* Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива? М.: ИЛА, 1992; *Singer H. W.* The Distribution of Gains between Investing and Borrowing Countries // *American Economic Review*, 1950. Vol. 40. No. 2. Papers and Proceedings of the Sixty-second Annual Meeting of the American Economic Association. 473–485 pp.

стоимостью, которые больше экспортируются странами центра, имеют тенденцию большего роста, чем на продукты с низкой степенью передела, в частности на сельскохозяйственные, которые в основном продает периферия. Это объясняется большей гибкостью цен промышленных отраслей за счет их большей монополизации и наличия интеллектуальной ренты. В сельском хозяйстве же больше задействован малый бизнес, где цены тесно привязаны к уровню издержек. Периферия, производя продукцию с меньшей добавленной стоимостью, попадает в ловушку зависимости от ведущих экономик мира, закрепляется ее отставание. Для выхода из этого положения на траекторию устойчивого развития требуется проведение импортозамещающей индустриализации.

Исследование, проведенное МВФ в 2013 г.¹, подтвердило верность теории Пребиша — Зингера на основе анализа 25 сравниваемых пар цен на сырье и промышленные товары за период 1650–2005 гг. Падение цен на сырье по отношению к ценам на промышленную продукцию происходит в том числе потому, что научно-технический прогресс позволяет снижать издержки при добыче ресурсов, а также синтезировать аналоги природного сырья. Это означает медленное, но постоянное ухудшение условий торговли сырьевыми товарами, источником которых являются преимущественно страны периферии. Таким образом, структура цен на экспортные товары выступала одним из инструментов неэквивалентного обмена между центром и периферией, способствуя перетоку ресурсов из отсталых аграрных стран в развитые индустриальные.

Данная теория имела высокую значимость в анализе международных экономических отношений с самого начала становления капитализма и международной торговли до неолиберального поворота 1970–1980-х гг. Произошедшие в дальнейшем явления деиндустриализации западного мира,

---

¹ Arezki R., Hadri R., Loungani P., et al. Testing the Prebisch-Singer Hypothesis since 1650: Evidence from Panel Techniques that Allow for Multiple Breaks [Электронный ресурс] // IMF Working Paper, 2013. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2013/wp13180.pdf>

связанные с переносом производственных мощностей в регионы с низкой оплатой труда, развитие сферы услуг и информационных технологий в странах Центра, появление «новых индустриальных стран» (таких как Мексика, Индия, Китай, Бразилия и т. д.), а также резкий рост мирового финансового рынка ограничили применимость теории Пребиша — Зингера. Отношения неэквивалентного обмена стали дополняться новыми каналами перераспределения стоимости в глобальном масштабе. Они будут описаны ниже.

Международная торговля и глобализация являются краеугольными камнями в мир-системном анализе, где под мир-системой понимается сочетание трех ее свойств, как пишет Ф. Бродель: «1) Она ограничена определенной географической областью; 2) она связана с политическим полюсом или центром (например, Нью-Йорк) или даже с несколькими центрами (Лондон, Нью-Йорк, Токио, Париж и т. д.); и 3) она также состоит из центра и различных периферийных зон»¹.

С точки зрения мир-системного анализа глобализация не является уникальной чертой современного этапа развития капитализма. Так, И. Валлерстайн, одна из главных фигур мир-системного анализа, пишет: «Процесс, который обычно подразумевается, когда мы говорим о глобализации, на самом деле вовсе не нов. Он существует около 500 лет... мы можем наиболее плодотворно взглянуть на нынешнюю ситуацию в двух других временных рамках: на период с 1945 г. по сегодняшний день и на период с 1450 г. по сегодняшний день»². Автор уточняет, что послевоенный период совпадает с фазой роста волны Кондратьева, которая продолжалась до начала 1970-х, после чего мировая экономика перешла на нисходящую фазу волны.

---

¹ Braudel F. La dynamique du capitalisme. Paris: Arthaud, 1985. P. 85–86.

² Wallerstein I. Globalization or the age of transition? A long-term view of the trajectory of the world-system // International Sociology. 2000. Vol. 15 (2). 251–267 pp.

Согласно Валлерстайну, глобальная капиталистическая система представлена тремя зонами: центром, периферией и полупериферией. К центру относятся страны, в которых капитализм развивался наиболее активно (Западная Европа, Северная Америка). Все субъекты мирового капитализма встроены в систему глобального разделения труда. Исторически периферия выступала в роли поставщика ресурсов (природных и человеческих) странам центра, выступающим в роли выгодоприобретателя этой системы. Формы отношений между центром и периферией менялись на всем протяжении истории капитализма с XVI в., начиная колонизацией и работорговлей, заканчивая современными отношениями экономической и политической эксплуатации глобального «Юга» глобальным «Севером».

Валлерстайн отмечает, что выстроенные в мировой экономике отношения свободной торговли не обеспечивают равные возможности всем участникам обмена: границы «открыты на Юге, но не совсем открыты на Севере. Это является центром постоянных дискуссий в рамках Всемирной торговой организации, а также всех двусторонних дискуссий, проводимых в первую очередь США, а также, в частности, Европейским союзом и его членами, — о заключении многочисленных „соглашений о свободной торговле“, таких как НАФТА и др. По сути, Соединенные Штаты настаивают на том, чтобы обеспечить некоторыми гарантиями свои монополии (институтом интеллектуальной собственности) и открыть доступ для своих финансовых учреждений в обмен на ограниченные тарифные льготы на сельскохозяйственные и недорогие промышленные товары, произведенные в странах Юга»¹.

Эти тенденции, которые Валлерстайн описывал еще в 2005 г., т. е. до начала мирового кризиса, когда интенсивность международных экономических связей находилась на максимально высоком уровне, наиболее ярким образом проявили себя в посткризисный период. Страны центра

---

¹ *Wallerstein I. After developmentalism and globalization, what? // Social Forces. 2005. Vol. 83. No. 3. 1263–1278 pp. P. 1276.*

выступали главными проводниками протекционистской политики в мире, инициаторами санкций и тарифных ограничений в отношении как периферии, так и друг друга. «Не совсем открытые» границы Севера превратились в непреодолимые барьеры, устанавливаемые ради защиты национального рынка от промышленных товаров периферии. При этом границы Юга, хотя тоже «прикрылись» под влиянием общих дезинтеграционных процессов, остаются значительно более открытыми как для товаров, так и для капитала западного мира. Не Д. Трамп, а Си Цзиньпин играл роль главного апологета глобализации на международном экономическом форуме в Давосе. В то время как США прибегают к изоляционистским практикам, Китай призывает к отмене таможенных барьеров, снижению пошлин и обещает открыть новые рынки для иностранных игроков.

Эту проблему мы подробнее рассмотрим в третьей главе настоящей работы. Пока же заметим: страны связаны в капиталистической мир-системе крепкими нитями, которые не позволяют участнику мировой экономики легко вырваться из объятий этой системы. Отношения глобальной эксплуатации играют в общественном развитии схожую роль, что и подчинение труда капиталу в отношениях между социальными классами. В классовых обществах эксплуатация труда позволяет сконцентрировать небольшой прибавочный продукт в руках привилегированных классов, которые выступали проводниками научного и культурного прогресса. В условиях мирового капитализма глобальная эксплуатация превращает отдельные страны в технологические локомотивы, топливом для которых является часть прибавочного продукта, созданного на периферии. Однако, признавая историческую необходимость эксплуатации, необходимо ставить вопрос о существовании таких же объективных исторических границ данного явления.

В XX в. мировая капиталистическая система, по мнению Валлерстайна, достигла пределов своей экспансии. Почти все страны мира в той или иной степени включены в капиталистическую систему международного разделения труда, и потенциала для дальнейшего роста она не имеет. Это ставит

глобальный капитализм в условия системного кризиса как материально, так и на уровне господствующей идеологии либерализма. Признаком нарастающего хаоса, по мнению Валлерстайна, является политика неолиберализма, определяющая развитие капитала стран центра с 1970–1980-х гг.: «Безусловно, капиталисты коллективно сопротивляются. В этом суть неолиберальной глобализации — массивная политическая попытка сократить расходы на зарплаты, противостоять требованиям по интернализации затрат и, конечно, снизить уровень налогообложения. Как и с каждым предыдущим таким контрнаступлением против растущих издержек, это удалось частично, но только очень частично»¹. В целом капиталистическая экономика движется по направлению к асимптоте, по мере приближения к которой процесс накопления становится все более затрудненным, что провоцирует учащающиеся политические кризисы. Валлерстайн пишет: «Структурные ограничения процесса бесконечного накопления капитала, который управляет нашим миром, достигли носовой части судна и теперь действуют как функциональный тормоз. <...> Они создают хаотическую ситуацию. <...> Через пятьдесят лет из этого хаоса появится новый порядок»².

Данный подход развивал С. Амин: «в самом широком смысле глобализация означает существование отношений между различными регионами мира и, как следствие, взаимное влияние, которое общества оказывают друг на друга»³. Экономические связи между странами в условиях глобализации капитализма Амин объясняет через теорию «империалистической ренты»⁴. Она описывает безвозмездную передачу части прибавочной стоимости, созданной населением периферии или полупериферии и присвоенной капиталом стран центра. Значит, бедность,

---

¹ Ibid. P. 1273.

² Wallerstein I. *Utopistics: Or, Historical Choices of the Twenty-First Century*. New York: The New Press, 1998. P. 89–90.

³ Amin S. The challenge of globalization // *Review of International Political Economy*. 1996. Vol. 3. No. 2. 216–259 pp. P. 231.

⁴ Amin S. The Surplus in Monopoly Capitalism and the Imperialist Rent [Электронный ресурс] // *Monthly Review*, 2012. Vol. 64. Issue 3. URL: <https://monthlyreview.org/2012/07/01/thesurplus-in-monopoly-capitalism-and-the-imperialist-rent/>

наблюдаемая в странах периферии, не является результатом недостаточного включения этих субъектов в международное разделение труда. Наоборот, такие страны обречены на «блокированное развитие»¹ из-за наличия устойчивых внешнеэкономических связей с центром капиталистического мира. Необходимым условием для извлечения империалистической ренты является экономическая зависимость. Ее теоретической основой является различие цен и стоимостей товаров в модели Маркса о превращении стоимости в цену производства. Диспропорция и асимметрия цен в мировой торговле возникает потому, что отрасли с высоким органическим строением капитала продают товар по ценам, превосходящим стоимость. Отрасли с низким органическим строением — ниже стоимости.

Экономическая зависимость имеет несколько форм. Страны периферии специализируются на нескольких экспортоориентированных, трудоемких производствах с низкой добавленной стоимостью (добыча полезных ископаемых, сельское хозяйство, обрабатывающие производства низкой степени передела). При этом отрасли с высокой добавленной стоимостью располагаются преимущественно в странах центра. Перераспределение прибавочной стоимости периферии в пользу центра происходит через занижение уровня оплаты труда на периферии, контроль над ценами со стороны стран центра и закрепление за ними наукоемких технологий через систему патентов, а также потери отдельных стран периферии в связи с девальвацией национальных валют, чистым оттоком капитала и уплатой процентов по внешнему долгу.

Амин утверждал, что освобождение от экономической зависимости стран, существующих по правилам глобальной капиталистической системы, невозможно. Единственным условием догоняющего развития для них является «отделение» (delinking) от сложившихся отношений международного

---

¹ *Amin S. Unequal Development. An Essay on Social Formations of Peripheral Capitalism. New York: Monthly Review Press, 1976.*

разделения труда¹. Отделение не означает автаркию. Основная идея этой теории заключается в том, что периферийные государства должны централизованно перераспределять ресурсы и прибавочный продукт в соответствии с вкладом работников каждой из отраслей в общий выпуск. Это приведет к росту цен на сельскохозяйственную продукцию и повышению благосостояния сельского населения. Экономическая политика государства должна быть направлена на удовлетворение потребностей внутреннего развития, а не повышение международной конкурентоспособности (продовольственная безопасность, полная занятость, установление минимального размера оплаты труда и т. п.). Амин признает, что осуществить полное отделение от экономической зависимости невозможно, однако даже частичное продвижение по этому пути можно считать успехом для страны.

«Я использую термин „отделение“, предложенный мной около полувека тому назад и, похоже, теперь замененный в современном дискурсе синонимом „деглобализация“», — пишет Амин². Страны, прошедшие стремительную индустриализацию во второй половине XX в., смогли укрепить свои позиции в мировой экономике и политике и теперь бросают вызов пяти привилегиям империализма, которые выражаются в контроле над: технологиями; доступом к природным ресурсам планеты; глобальной интеграцией монетарной и финансовой систем; системами коммуникации и информации; оружием массового поражения»³. Кризис мировой экономики обострил экономические и политические противоречия. Противостояние между центром и периферией усилилось и, как считает Амин, будет лишь обостряться. И если «новые растущие страны хотят двигаться вперед, их общества будут вынуждены обратиться к моделям развития с опорой на собственные силы, используя национальные планы и укрепляя взаимное сотрудничество»⁴.

---

¹ *Amin S.* Delinking: towards a polycentric world. London: ZED Books, 1990. P. 62.

² *Amin S.* The implosion of global capitalism the challenge for the radical left [Электронный ресурс] // Сайт Andreasbieler.net. 2013. 31 p. P. 28. URL: [http://www.andreasbieler.net/wp-content/workshop/Amin%20-%20implosion%20and%20audacity%20E%20rev%20final%20\(2\).pdf](http://www.andreasbieler.net/wp-content/workshop/Amin%20-%20implosion%20and%20audacity%20E%20rev%20final%20(2).pdf)

³ Ibid.

⁴ Ibid. P. 29.

Таким образом, Амин видел проблему дезинтеграции мирового капитализма как попытку периферии (в лице наиболее сильных ее представителей, особенно Китая) освободиться от экономической зависимости и направить мировую экономику по пути многополярности. А глобализация, которая довела до апогея неолиберальную идеологию, не сможет приспособиться к современным условиям и обречена на провал. «Поскольку это не создает условий для новой системы накопления, необузданная глобализация, которую пытаются навязать существующие державы, эффективно переводит экономическую политику в статус политики кризисного управления. Я предложил интерпретировать ансамбль применяемых мер — либерализацию без границ, финансовую глобализацию, плавающие обменные курсы, высокие процентные ставки, дефицит внешнего бюджета США, внешний долг южных и восточных стран — как последовательный набор кризисов»¹.

Важной стороной методологии мир-системного анализа является признание циклического характера истории капитализма. Амин отмечает, что «в истории капитализма уже наблюдались длительные периоды стагнации, фазы усиленной финансиализации и даже глобализации»². Наиболее последовательно циклический характер эволюции систем общественного устройства описан в работах итальянского экономиста Дж. Арриги. Рассматривая становление и развитие капитализма как мир-системы, он выделил несколько системных циклов накопления капитала, состоящих из двух фаз: накопления материального капитала и финансовой экспансии, которые он строит по известной формуле Маркса «...общая формула капитала у Маркса (Д — Т — Д') может быть понята как отражение не только логики индивидуальных капиталистических инвестиций, но и повторяющейся закономерности исторического капитализма как мир-системы. Основная

---

¹ *Amin S.* The challenge of globalization // Review of International Political Economy/ 1996. Vol. 3. No. 2. 216–259 pp. P. 250.

² *Amin.* Op. cit. P. 217.

особенность этой закономерности состоит в чередовании эпох материальной экспансии (Д — Т этапов накопления капитала) с фазами финансового возрождения и экспансии (Т — Д' стадии). На фазах материальной экспансии денежный капитал „приводит в движение“ растущую массу товаров, включая товаризованную рабочую силу и природные ресурсы; а на фазах финансовой экспансии растущая масса денежного капитала „освобождается“ от своей товарной формы, и накопление осуществляется посредством финансовых сделок, как в сокращенной формуле у Маркса: Д — Д'. Вместе эти две эпохи, или фазы, составляют полный системный цикл накопления (Д — Т — Д')»¹.

Применяя данную конструкцию для анализа капитализма как мир-системы, Арриги выделил четыре системных цикла накопления, «каждый из которых характеризуется фундаментальным единством основной движущей силы и структуры мировых процессов накопления капитала: генуэзский цикл XV — начала XVII века, голландский цикл конца XVI — третьей четверти XVIII века, британский цикл второй половины XVIII — начала XX века и американский цикл, который начался в конце XIX века и продолжается на нынешней фазе финансовой экспансии»². В каждом цикле он определил точки качественного изменения системы, которые выражают момент наступления кризисов двух типов: сигнального и терминального. Под первым понимается переход системы из фазы материальной экспансии в финансовую, тогда как под вторым типом — переход к следующему циклу накопления с доминированием нового гегемона в мир-экономике.

Термин «гегемония», разработанный видным итальянским общественным и политическим деятелем А. Грамши как важный элемент надстройки капиталистической системы, был переосмыслен Арриги. Грамши под гегемонией понимал, с одной стороны, выражение господства одного класса над другим, с другой стороны, согласие эксплуатируемого класса

---

¹ Арриги Дж. Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени. М.: ИД «Территория будущего», 2006. С. 44.

² Там же. С. 45.

подчиняться заданной системе ради общего блага, например, противостояния внешней угрозе¹. Таким образом, мировая экономическая иерархия, по мнению Арриги, строится на отношениях гегемонии, то есть не только на господстве одного государства над другими, но и на согласии подчиняться лидеру мир-системы.

Происходящие в мир-системе сигнальные и терминальные кризисы качественно изменяют мир-систему. Эти кризисы можно трактовать как точки ее бифуркации, то есть качественного изменения, либо становления нового цикла накопления. Арриги начинает изучение мир-системы с генуэзского цикла накопления, начавшегося в 1340-х гг. Упадок данного цикла начался с сигнального кризиса около 1560-х гг. и завершился терминальным в 1630-х гг., после которого доминирование в мир-экономике перешло к новому гегемону — Соединенным Провинциям. Генуэзский цикл был самым продолжительным по времени — 290 лет. Следующий, голландский цикл длился всего 220 лет, начавшись в 1560 г. и закончившись в 1780 г. Сигнальный кризис цикла случился в 1740 г. Это же время начала нового цикла накопления — британского, продолжительностью 190 лет до 1930-х гг. Наконец, последний, американский цикл начался во время сигнального кризиса британского цикла в 1870-х гг. и через 100 лет в 1970-х гг. сам был потрясен сигнальным кризисом и финансиализацией.

Данный подход к развитию мир-системы также позволяет пролить свет на сменяемые колебания стадий «экономической свободы» и «экономического регулирования». Так, «Генуэзский режим качнул маятник от крайне регулирующего духа капиталистических городов-государств конца XIV — начала XV века (наилучшим олицетворением которого служит венецианский государственно-монополистический капитализм) к сравнительной экономической свободе системы капиталистических „наций“, которые в XVI веке регулировали расширенную европейскую валютную и торговую систему

---

¹ Грамши А. Тюремные тетради. В 3 ч. Ч. 1. Пер. с ит. М.: Политиздат, 1991. С. 332.

избранных рынков сначала Антверпена и Лиона, затем — безансонских и, наконец, пьяченцских ярмарок», — пишет Арриги¹. С переходом к голландскому СЦНК маятник начал обратное движение «к прямому участию правительств в поддержке и организации мировых процессов накопления капитала либо напрямую, либо через формирование акционерных компаний, призванных выполнять правительственные функции во внеевропейском мире»². Следующее движение маятника случилось с ростом и переходом к британскому циклу, «который действительно воспроизвел феномены XVI века „с десятикратной силой“, создав системные условия, при которых американский корпоративный капитализм сначала возник, а затем стал доминирующей структурой накопления всего мира-экономики»³.

Таким образом, явление глобализации, тенденции расширения и ограничения интеграционных процессов мировой экономики необходимо рассматривать через призму смены СЦНК, где гегемон задает правила игры и оказывает наиболее сильное влияние на динамику и развитие международных экономических связей. Это будет рассмотрено во второй главе настоящей работы.

Последовательность смены гегемонов после терминальных кризисов и сокращение продолжительности системных циклов накопления позволило Арриги сделать предположение о неизбежном завершении американского цикла накопления и политического господства США в мире. Окончательное утверждение американского капитала в роли нового гегемона произошло в 1930–1940-е гг. в форме Великой депрессии и Второй мировой войны. Эти события ознаменовали собой окончательное завершение британского СЦНК. Стадия его материальной фазы была описана Марксом в «Капитале», а упомянутая выше теория империализма Ленина описывала противоречия его финансовой экспансии. Интеграция подходов Арриги и Ленина позволяет

---

¹ Арриги Дж. Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени. М.: ИД «Территория будущего», 2006. С. 315–316.

² Там же.

³ Там же.

составить более полную картину о динамике развития капиталистической экономики. Сращивание банковского и промышленного капитала, замещение метрополиями экспорта товаров экспортом капитала в конце XIX — начале XX в. свидетельствовало о движении мировой экономики в сторону финансовой экспансии.

Таким образом, события того времени свидетельствовали о переходе в завершающую стадию не всего капитализма как способа производства, а лишь его британского цикла накопления. Капитализм продолжил свое развитие, сменив глобального гегемона. Из этого следует вывод, что капиталистическая экономика способна преодолевать такие кризисы при наличии резервов. Следуя мир-системному подходу, к таким резервам можно отнести те страны мира, которые еще в полной мере не прошли этап индустриализации и обладают значительными резервами дешевой рабочей силы. За счет их включения в международное разделение труда система теоретически может получить дополнительный потенциал расширения, и капитализм перейдет в новый СЦНК.

На первый взгляд, такие идеи близки к парадигме «автоматического краха капитализма», ассоциируемого с Р. Люксембург. Однако этот сценарий выглядит реализуемым лишь в том случае, когда периферия постепенно становится частью центра, требуя постоянно расширяющейся «кормовой базы» для собственного воспроизводства. И в современном мире примером попытки такого перехода становится Китай, который не скрывает своих претензий на лидирующие роли в мировой экономике. Однако место в центре мир-системы ограничено масштабами периферии. Так, вхождение Южной Кореи в центр сопровождалось переходом Аргентины в категорию периферии. Значит, чтобы занять господствующее положение в мир-системе, Китаю необходимо вытеснить на периферию соразмерного ему игрока. Можно предположить, что наиболее явным претендентом на такую роль является Европейский Союз, учитывая затянувшуюся стагнацию европейской экономики, а также попытки КНР выстроить инфраструктуру контроля над

европейским рынком через проекты «Один пояс, один путь». Более подробно этот вопрос будет раскрыт в третьей главе настоящей работы.

Отсюда следует важный вывод о том, что капитал центра заинтересован в консервации отсталых социально-экономических и политических отношений на периферии, в том числе некапиталистических, что позволяет мир-системе безгранично поддерживать свою устойчивость. Как будет показано в следующих главах работы, периферия действительно играет важную роль в преодолении кризисов. Однако резерв периферии фактически является безграничным. Во-первых, в мире осталось еще множество стран, не прошедших в полной мере процесс «раскрестьянивания». Они представляют собой значительный резерв дешевой рабочей силы. Во-вторых, капитал центра имеет возможность самостоятельно создавать себе периферию военным и политическим путем. Так, на периферию мир-системы в результате поражения в холодной войне попали многие страны социалистического лагеря, давно прошедшие процесс индустриализации и имевшие развитые, диверсифицированные экономики. А примеры Ливии или Югославии и других стран, разрушенных в результате военной агрессии гегемона, также показывают, что ни один народ не застрахован от того, чтобы спуститься в мир-системной иерархии на ступень вниз. Значит, говорить об автоматическом крахе капитализма было бы преждевременно. С одной стороны, систему расшатывает борьба наиболее сильных стран периферии за место в центре. При этом, с другой стороны, могильщиком капиталистической мир-системы, в соответствии с идеями Ленина, может стать лишь борьба организованного пролетариата. В условиях терминального кризиса британского цикла накопления капитала борьба империалистических хищников за передел мира и обострение классовой борьбы позволила России в лице Советского Союза осуществить «отделение» и бросить вызов всей капиталистической мир-системе. В начале XXI в. на эту роль претендует Китай. Проблемы и перспективы китайского «отделения» мы подробнее рассмотрим в третьей главе настоящей работы.

На этапе неолиберальной глобализации

Отличительной чертой глобализации конца XX в. являлось господство финансового-спекулятивного капитала в мире. Как отмечают Р. С. Дзарасов и Д. В. Новоженев, глобализация на современном этапе отличается прежде всего доминированием мирохозяйственных процессов над народнохозяйственными. Если раньше вовлеченность в мирохозяйственные процессы рассматривалась как довесок к национальной экономике, то начиная с рубежа 1970–1980-х гг. мирохозяйственные процессы стали определять многие социально-экономические отношения национальных экономик¹.

И действительно, международную торговлю нельзя рассматривать отдельно от деятельности ТНК как важных субъектов мирового рынка. Экономическая мощь современных ТНК позволяет бросать вызов национальным государствам. Например, по данным журнала «Fortune», американская компания розничной торговли Wal-Mart Stores в 2019 г. имела 2,2 млн занятых, а ее выручка и прибыль составили 514 млрд долл. и 6,7 млрд долл. соответственно. В этом же году активы JP Morgan Chase & Co оценивались в 2,6 трлн долл., а выручка и прибыль составили 131 млрд долл. и 32,4 млрд долл. соответственно. Выручка компании Exxon Mobile, занятой в нефтяной промышленности, в 2019 г. составила 290 млрд долл., а прибыль 20,9 млрд долл.². Выручки и прибыли таких крупных компаний могут быть сопоставимы с ВВП некоторых развитых стран, например, в 2019 г. ВВП Словении составил 54,1 млрд долл.³

Господство мирохозяйственных процессов над народнохозяйственными в значительной степени выражается в изменении социально-экономической политики в государствах центра, которое затем распространилось и на периферию. Яркий представитель мир-системного анализа и ключевая фигура

---

¹ Дзарасов Р. С., Новоженев Д. В. Крупный бизнес и накопление капитала в современной России. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «Либроком», 2009.

² Global 500 [Электронный ресурс] // Сайт Fortune.com. URL: <https://fortune.com/global500/2019/search/?assets=desc> (дата обращения: 08.04.2020).

³ GDP (current US\$), Slovenia [Электронный ресурс] // Сайт World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?locations=SI> (дата обращения: 10.09.2020).

среди китайских новых левых Ли Минци отмечает, что к 1990-м гг. в мир-системе начали доминировать неолиберальные институты. Глобализация стала неотъемлемой составляющей мир-системы, характеризующейся торговой и финансовой либерализацией, более глубокой и сильной интеграцией периферийных и полупериферийных стран в мир-систему. Капитал стал перемещаться из стран ядра системы на периферию для эксплуатации дешевой рабочей силы и природных ресурсов ради повышения ренты, невзирая на ухудшение экологии и положения рабочих, ведь капитал ищет любые возможности повысить нормы прибыли¹.

Этому переходу предшествовал тяжелый экономический кризис капиталистической системы, начавшийся в 1973 г., известный в истории как начало «стагфляции» (время, когда стагнация в экономике сопровождалась одновременно высокой инфляцией). По сути, этот кризис привел к отказу от кейнсианской политики, которая активно применялась развитыми странами со времен Великой депрессии. Стимулирование совокупного спроса теперь не оживляло национальную экономику, а лишь подстегивало рост цен. Данный кризис стал переломным моментом в развитии послевоенного капитализма. С конца 1940-х гг. до 1970-х гг. экономики развитых стран росли бурными темпами (позже этот период был назван золотым веком капитализма), так как в это время росли прибыли компаний, заработные платы и даже могли финансироваться все возрастающие расходы Западных государств, стремившихся реализовать концепцию «Welfare state» (государства благосостояния).

Американский историк Р. Бреннер, критиковавший ряд положений мир-системного анализа с марксистских позиций, в центр анализа кризиса «стагфляции» ставит снижение прибыльности, которое началось задолго до нефтяного кризиса 1973 г. Данная тенденция затронула сначала США, затем экономики Германии и Японии. Он так описывает тенденцию к падению норм

---

¹ Li M. The Rise of China and the Demise of the Capitalist World-Economy. London: Pluto Press, 2008. P. 69.

прибылей, предшествующую «стагфляции»: «...послевоенный подъем и длительный период экономического роста в США, Европе и Японии могли начаться благодаря тому, что в период конца 1930-х — конца 1940-х был достигнут повышенный уровень прибыльности, который сохранялся на протяжении последующих двух десятилетий. Конец послевоенному подъему положило резкое падение уровня прибыльности, имевшее место в период 1965–1973 годов в экономиках развитых капиталистических стран, взятых как в отдельности, так и в совокупности. В особенности падение прибыльности происходило в промышленном секторе, однако оно распространилось на весь частный сектор в целом; оно впервые проявилось в Соединенных Штатах, но вскоре охватило и Западную Европу с Японией»¹.

Таким образом, норма прибыли выступает одним из ключевых факторов, определяющих движение мирохозяйственных процессов. Это обстоятельство будет учтено далее, в эмпирическом анализе настоящего исследования. Стоит отметить, что представители мир-системного анализа уделяли недостаточное внимание этому фактору. Так, Арриги в теории системных циклов накопления не приводит четкой связи между динамикой нормы прибыли и сменой производственной и финансовой фаз цикла. Слово «прибыльность» несколько раз встречается в книге «Долгий двадцатый век», преимущественно в смысле цели, к которой стремятся капиталисты в своих коммерческих устремлениях. В то же время закономерности, определяющие долгосрочную динамику нормы прибыли и ее цикличность, выпадают из внимания Арриги.

Тем временем норма прибыли является одним из важнейших индикаторов для капиталиста, то есть побудительным мотивом к расширению капитала, или, наоборот, к воздержанию от дальнейшего роста. Анархия производства и конкуренция принуждают капиталистов модернизировать

---

¹ Бреннер Р. Экономика глобальной турбулентности. Развитые капиталистические экономики в период от долгого бума до долгого спада, 1945–2005. М.: Издательский дом Высшей школы экономики. 2014. С.18–21.

производства ради снижения издержек и увеличения производительности труда и продолжения конкурентной борьбы, что, с одной стороны, приводит к развитию производительных сил, с другой стороны, к невозможности окупить ранее осуществленные инвестиции, использующие менее современные технологии. Таким образом, усиление конкуренции приводит к снижению цен и уменьшению нормы прибыли, прежде всего в промышленном секторе. Ускорение глобализации стало одним из шагов по противодействию тенденции сокращению нормы прибыли после кризиса «стагфляции». Данный процесс Бреннер описывает следующим образом: мировая экономика в эпоху глобализации стала приобретать многоукладный характер, где отрасли с высокой добавленной стоимостью сосредоточились в странах центра, тогда как трудоемкие производства вытеснялись в периферийные (развивающиеся) страны.

В азиатском регионе с 1970-х гг. несколько стран встают на путь быстрой модернизации и в какой-то мере повторяют путь Японии. Речь идет об «азиатских тиграх», к которым относят Южную Корею, Тайвань, Гонконг, Сингапур. Теоретически эту цепь успешных экономических скачков можно объяснить через концепцию ассоциативно-зависимого развития, разработанную известными латиноамериканскими учеными Ф. Кардозо и Э. Фалетто, согласно которой развитие периферии мир-системы возможно при определенном стечении обстоятельств. Во-первых, объединенные общими интересами классы и экономические группы создают некое ядро «ассоциации интересов». Во-вторых, властные структуры образуют основы «легитимного порядка», который бы подчинял классы и учитывал консенсус между разного рода экономическими группами и сообществами, не входящими в ядро «ассоциации интересов»¹. В-третьих, самое важное, необходимо совпадение интересов с капиталом стран центра. Авторы приводят примеры с вариантами развития стран Латинской Америки. К началу XIX в. эти страны смогли

---

¹ Кардозо Ф. Э., Фалетто Э. Зависимость и развитие Латинской Америки. Опыт социологической интерпретации. М.: ИЛА РАН, 2002. С. 46.

приобрести самостоятельность после распада колониальной системы Испании и переориентировать торговлю с Пиренейского полуострова на Англию. Внешние благоприятные условия совпали с внутренними процессами становления государственности в бывших колониях. Началось формирование независимых государств, экономики которых были ориентированы, как и прежде эти территории, на экспортный сектор. Страны центра были заинтересованы в импорте сырьевых товаров, таких как сахар, кофе, табак, поэтому гарантировали им сбыт продукции и поддерживали местные элиты, способные управлять вновь образованными государствами. Таким образом, новый гегемон в лице Англии не препятствовал усилению национальных групп производителей, выросших из колониального прошлого, а даже укреплял торговые связи с местными олигархами, способными создавать дееспособные национальные государства¹.

Усиление и доминирование США в мир-системе не позволило продолжить политику модернизации латиноамериканских стран. Соединенные Штаты не нуждались в экспортных товарах оттуда. Также власти США не хотели создавать там новые экономические центры, в отличие от стран Западной Европы и Азии, где требовалось сдерживать социалистическую угрозу. С середины XX в. развитие в латиноамериканских странах осуществлялось в основном на экстенсивном росте производств, относящихся к старым технологическим укладам. Тогда как некоторым азиатским странам выпал исторический шанс на модернизацию.

Концептуально серию азиатских «экономических чудес» можно представить в модели «летающих гусей», разработанной японским исследователем Т. Озавой². Она показывает, как страна-лидер (ведущий гусь) избавляется от трудоинтенсивных и малоприбыльных производств, как правило, относящихся к предыдущим технологическим укладам. Подбирает

---

¹ Кардозо, Фалетто. Указ. соч. С. 49.

² Ozawa T. Foreign Direct Investment and Structural Transformation: Japan as a Recycler of Market and Industry // Business & the Contemporary World. 1993. Vol. 5 (2). 129–150 pp.

эти производства страна (следующий, ведомый гусь), стоящая в очереди на модернизацию. Модель объясняет, что Япония обязана своему экономическому чуду США, на рынок которых уходила большая часть экспорта. Через некоторое время Япония выносила трудоемкие производства к «азиатским тиграм», которые постепенно проходили путь, подобный Японии, и также выносили производства из предыдущих технологических укладов в другие страны, присоединившиеся к гусиному клину. Их называют вторым поколением тигров или АСЕАН-4 — это Таиланд, Малайзия, Индонезия и Филиппины. Наконец, замыкают этот клин Китай и Вьетнам, присоединившиеся позже других.

Исходя из этой схемы видно, как расширяется мир-система и вовлекает в свою орбиту новые страны с дополнительными порциями дешевой рабочей силы. За странами центра закрепляются отрасли с высокой нормой прибыли — производства с высокой добавленной стоимостью и деятельность в области финансов. Модель Озавы эмпирически подтверждает теорию Маркса о превращения стоимости в цену производства. Она показывает, что прибавочная стоимость в основном создается в странах с дешевой рабочей силой, а присваивается капиталами стран, стоящих ближе к лидеру, чье производство основано на более высоком органическом строении капитала.

Следует отметить, что не все страны, представленные на этой схеме, смогли пройти путь успешной модернизации. Так, страны из второго поколения «тигров», Индонезия и Филиппины, не смогли в полной мере ассоциировать национальные интересы с интересами глобального капитала, поэтому их иногда называют полутиграми. Можно сказать, что им не удалось воспользоваться историческим шансом, как «азиатским тиграм» первого поколения, хотя Соединенные Штаты были готовы способствовать модернизации.

Однозначную предметную и методологическую границу мир-системного анализа провести порой непросто, так как авторы часто обращаются к проблемам, решение которых лежит в междисциплинарной

плоскости. Однако трудно спорить с формированием данного направления как целостной и самодостаточной единицы в структуре экономической теории. Рассмотрение мировой экономики как единой системы с тесно взаимосвязанными элементами (национальными экономиками) было продиктовано расширением и интенсификацией рыночных отношений. Так как данная система динамичная, неизбежным было обращение исследователей к историческим аспектам формирования сложившихся отношений. Данный подход естественным образом будет занимать важнейшее место в следующих разделах настоящего исследования.

В заключение первой главы еще раз отметим: развитие экономической мысли, касающейся проблемы отношений международной торговли, глобализации, во многом отражало смену условий экономической реальности. Это дает современным исследователям богатый материал для анализа исторического опыта, который способствует нахождению наиболее адекватного ответа на вызовы времени.

Основная задача данного исследования состоит в выявлении устойчивых закономерностей, проявляющихся в течение продолжительных временных промежутков. Поэтому следует опираться на направления, обращающиеся к историческому опыту, выводящие фундаментальные причинно-следственные связи, различные циклы. В этой связи «мейнстрим» экономической науки в силу ограниченности своего предмета и методологии оказывается весьма уязвим, что повышает значимость внимания к марксизму и мир-системному анализу. В следующих главах авторами будет предпринята попытка выделения циклов глобализации, определяемых сменами технико-экономических стадий, волнами накопления капитала, динамики нормы прибыли. Тем самым формируется основа для опоры на марксизм и концепцию системных циклов накопления капитала Арриги.

Глава 2. Волны глобализации как отражение цикличности капиталистического развития

2.1. Техничко-экономические факторы глобализации

Измерение глобализации

Рассматривая экономическую глобализацию, можно выделить несколько индикаторов, которые учитывают интенсивность международных потоков товаров, капиталов и рабочей силы. Базовым является показатель доли внешней торговли страны (экспорт и импорт) относительно объема ВВП. Вместе с другими макроэкономическими показателями он широко применяется в исследованиях, посвященных анализу интеграционных процессов в мировой экономике.

Одним из наиболее известных индикаторов является Индекс глобализации КОФ (KOF Index of Globalization), регулярно рассчитываемый коллективом исследователей Швейцарского экономического института¹. Данный индекс включает 24 показателя и является интегральной оценкой экономической, политической и социальной глобализации. В его экономической части авторы используют данные о реальных потоках (торговля, прямые и портфельные инвестиции) в процентах от ВВП, а также экономические ограничения (торговые барьеры, таможенные пошлины, ограничения на операции с капиталом), где каждому фактору определен статистический вес. В таком всестороннем подходе содержится значительный потенциал для комплексной оценки тенденций глобализации. При этом данный метод не лишен недостатков. Во-первых, авторами недостаточно четко описан алгоритм определения статистических весов, которые подвергаются регулярному пересмотру, что значительно усиливает влияние

---

¹ Gygli S. et al. The KOF Globalisation Index — Revisited // Review of International Organizations. 2019. 14 (3). P. 543–574.

субъективного фактора. Во-вторых, такой широкий набор эмпирических данных по большинству стран мира доступен лишь за последние десятилетия. В результате авторы индекса рассчитывают его лишь на период с 1970 г., а данные по большинству стран социалистического блока, игравших весомую роль в мировой экономике, доступны лишь с 1990-х гг. Все это вносит значительные искажения в динамику индекса глобализации КОФ.

Международная консалтинговая компания McKinsey в расчете индекса глобализации ограничивается лишь ее экономической стороной, применяя более узкий набор факторов¹. Он рассчитывается как суммированные по годам объемы мировой торговли товарами и услугами, а также потоки капитала (в форме прямых иностранных инвестиций, долговых инструментов и кредитов), соотнесенные с объемом мирового ВВП в текущих ценах. Получить такую статистику значительно проще, однако и она ограничена преимущественно послевоенным периодом мировой истории в части данных о международных потоках капитала. Таким образом, рассчитать индекс глобализации на более длительных временных интервалах остается возможным лишь по международному товарообороту, соотнесенному с мировым ВВП.

Данный подход методологически является приемлемым и в целом верно отражает динамику глобализации. Исторически господство капиталистического способа производства связано с развитием международной торговли, которая стала каналом распространения товарного производства. Торговля товарами составляет форму производственных отношений капитализма. При этом динамика международных инвестиций и трудовой миграции является производной от торговых отношений, а привлечение иностранных факторов производства зависит от объема сбыта продукции, в том числе планируемого. Таким образом, рост активности

---

¹ *Manyika J. et al.* Digital globalization: The new era of global flows [Электронный ресурс]. San Francisco, CA: McKinsey Global Institute, 2016. Vol. 4. P. 3, 27. URL: www.mckinsey.com/~media/McKinsey/Business%20Functions/McKinsey%20Digital/Our%20Insights/Digital%20globalization%20The%20new%20era%20of%20global%20flows/MGI-Digital-globalization-Full-report.ashx (дата обращения: 27.10.2020).

международной торговли и, значит, образование положительного значения чистого экспорта у одних стран и отрицательного у других будет способствовать интенсификации финансовых отношений между ними через рынок ценных бумаг и международный кредит.

Несмотря на то, что в последнее время транснациональные корпорации обладают большей экономической мощностью, чем многие далеко не карликовые государства, международное разделение труда по-прежнему тесно связано с особенностями национальных экономических систем. Другими словами, крупнейшие компании не настолько оторвались от своих «национальных прописок», чтобы их отраслевая принадлежность сильно отличалась от господствующих статей экспорта соответствующей страны. К примеру, если большинство ТНК некой страны относятся к ИТ-индустрии, то и экспорт данной страны будет включать большую долю ИТ-продукции (хотя сами ТНК могут иметь множество филиалов, заводов в других странах). В периоды, когда степень монополизации мировой экономики была меньше, глобализация еще больше воплощалась именно в межстрановой торговле (и эти периоды в эпоху промышленного капитализма хронологически были более продолжительными). Следовательно, на этапе промышленного капитализма доля внешней торговли стран относительно объема производства будет качественным показателем оценки тенденций глобализации.

Нужно также отметить еще один аргумент в пользу акцента на данном показателе, лежащий в иной, «технической» плоскости. Эмпирическое доказательство продолжающихся долгое время тенденций естественным образом требует статистики, растянутой на такой же значительный временной промежуток. Такая статистика также должна быть единообразной, сопоставимой между различными периодами (показатель, например, конца XIX в. должен отражать то же самое и высчитываться таким же образом, что и показатель из XXI в.). Данные по ВВП и экспорту/импорту стран в современном виде стали рассчитываться только в середине XX в. Однако, будучи фундаментальным показателем, ВВП получил множество

исследовательских оценок, относящихся к предыдущим периодам. Им, безусловно, свойственны погрешности, существуют серьезные оценочные расхождения. Однако у историков-экономистов в целом существует консенсус относительно динамики изменения ВВП (происходило ли снижение или ускорение роста ВВП страны на определенном этапе), что позволяет выявлять основные тенденции. Многие другие привычные сегодня статистические показатели в гораздо меньшей степени были просчитаны и оценены по отношению к разным историческим этапам, что делает ориентацию на данные ВВП и его ключевых составляющих (экспорт и импорт) сравнительно более надежной.

Таким образом, необходимо зафиксировать, что оценка тенденций глобализации на этапе промышленного капитализма в данном разделе работы будет представлена через динамику внешней торговли (экспорт/импорт) относительно ВВП на разных этапах технологического развития (последние выражены технологическими укладами). Далее встает вопрос о том, какие конкретно временные промежутки и данные внешней торговли каких экономических объектов следует рассмотреть.

Рассматривая глобализацию как естественный атрибут развития капитализма, правомерно поставить вопрос о наличии фундаментальных предпосылок ее усиления (или, наоборот, ослабления). Можно предположить, что степень развития международных торговых связей, а также векторы экономической политики государств в вопросе интеграции в мировой рынок подвержены не только случайным колебаниям текущей конъюнктуры или внутриполитическим играм, но также имеют свои материальные предпосылки, лежащие в базисе экономической системы того или иного периода.

Поиск таких базовых основ требует не только теоретического и эмпирического исследования на уровне межстрановых торговых отношений, деятельности транснациональных корпораций и т.д. Оно должно быть вписано в контекст развития всей логики капитализма и его имманентных свойств: приращения стоимости, максимизации прибыли, накопления

капитала. Иначе такая основа, во-первых, неправомерно станет считаться фундаментальной и, во-вторых, действие ее объяснительной силы может оказаться ограниченным лишь узкими историческими рамками.

Одним из ключевых элементов экономической системы является технологический базис производства, входящий в производительные силы. Он во многом задает уровень производительности труда, определяет себестоимость продукта. Степень развитости технологий и их содержание выступают значительным фактором, влияющим на производственные отношения. В свою очередь, единство производительных сил и производственных отношений существенным образом формирует надстройку¹.

Другими словами, придерживаясь марксистского историко-материалистического подхода, можно предположить, что технологическая основа производства является одной из базисных движущих сил экономической системы и институциональных структур общества (хотя это, безусловно, не означает, что связь эта односторонняя и носит детерминирующий характер). В данном контексте явление глобализации необходимо рассматривать в двух аспектах. Во-первых, как составную часть базиса — эволюцию производственных отношений в связи с углублением международного разделения труда, развитием мировых рынков капитала и рабочей силы, появлением транснациональных корпораций и глобальных цепочек добавленной стоимости. Во-вторых, глобализация проявляет себя как часть надстройки, что выражается в изменении внешней политики государств и их правовых систем, создании международных организаций, институтов региональной интеграции, введении санкционных режимов и т. д. Для «соединения» технологического фактора с глобализацией необходимо вначале отдельно уточнить содержание этих двух элементов.

---

¹ Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. М.: Политиздат, 1959. С. 5–9.

Стадиальность технико-экономического развития.

Технологические уклады

В экономической науке в значительной степени проработан вопрос стадиальности технико-экономического развития. Распространены теории созидательного разрушения Й. Шумпетера¹, кластеров Г. Менша², технико-экономических парадигм Дж. Доси³, К. Перес⁴, четвертой промышленной революции К. Шваба⁵, волн использования энергетических ресурсов Н. Накиченовича и А. Грублера⁶ и др. В них выделены базовые технологические нововведения, описан многомерный характер их влияния на экономику, выведены циклы экономического развития, которые возникают и развиваются вокруг базовой революционной технологии.

Среди отечественных представителей экономической науки, исследовавших природу длинных волн в экономике, выделяются С.М. Меншиков и Л.А. Клименко. Они в центр своего исследования поставили движение динамики органического строения капитала, нормы прибыли и показателей экстенсивного и интенсивного технического прогресса. Далее авторы рассматривали периодичность обновления капитальных и предложили свою концепцию жизненных циклов капитала и технологий. Они показали зависимость логики окупаемости инвестиций в радикально новую технику от движения нормы прибыли. Последний показатель играет главную в этих процессах, а значит определяет движение длинных волн в экономике⁷.

---

¹ Шумпетер Й. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М.: Эксмо, 2007.

² Mensch G. Theory of Innovation. Chapel Hill: Lexington Books, 1984.

³ Dosi G. Technological paradigms and technological trajectories // Research Policy. North-Holland Publishing Company, 1982. P. 148.

⁴ Perez K. Technological Revolutions and Financial Capital. Cheltenham: Edward Elgar Publishing Limited, 2003.

⁵ Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016. С. 208.

⁶ Nakizenovic N., Grubler A. Long Waves, Technology Diffusion and Substitution. Laxenburg: IIASA, 1991. P. 313–343.

⁷ Меншиков С.М., Клименко Л.А. Длинные волны в экономике. Когда общество меняет кожу. М.: ЛЕНАНД, 2016. С. 107-123

Еще одна значимая концепция технико-экономического развития — теория технологических укладов С. Ю. Глазьева — Д. С. Львова¹. Она вбирает в себя достижения указанных выше авторов, а также претендует на то, чтобы интегрировать идеи стадильности технико-экономического развития с теорией длинных волн Кондратьева. Таким образом, теория выполняет скорее систематизирующую функцию, нежели выступает источником принципиально нового знания. Однако это обстоятельство можно считать преимуществом теории, поскольку позволяет ей быть открытой и сочетаемой с другими концепциями. Например, ее выводы могут быть легко интегрированы в более широко распространенную теорию четырех промышленных революций.

Теория технологических укладов в своем первоначальном виде выделяет пять технологических укладов (ТУ) (сейчас она дополняется шестым). Каждый из укладов представляет собой производственное ядро экономики, вбирающее в себя единый тип технологий. Набор конкретных технических изобретений формирует целостную основу производства ряда основных отраслей — локомотивов экономики на определенных исторических этапах, а «жизненный цикл каждого их них [технологических укладов. — *Прим. авт.*] образует содержание соответствующего этапа технико-экономического развития»². В таком случае технологии и экономика выступают единым целым, образуя технико-экономическую парадигму.

Структура технологических укладов в общем виде представлена в таблице 2.1.

---

¹ Глазьев С. Ю., Львов Д. С. Теоретические и прикладные аспекты управления НТП // Экономика и математические методы. 1986. № 5. С. 793–804.

² Глазьев С. Ю. Современная теория длинных волн в развитии экономики // Экономическая наука современной России. 2012. № 2. С. 29 С. 27–42.

Таблица 2.1. Периодизация технологических укладов в развитии капитализма¹

Номер уклада	Начало развития	Начало периода широкого распространения	Ключевой фактор и ядро уклада
1	1770	1790	Текстильные машины => текстильная промышленность
2	1831	1848	Паровой двигатель => средства транспорта (пароходы, железная дорога)
3	1881	1898	Электродвигатель, неорганическая химия => тотальная электрификация производства, развитие металлургии, поточное производство
4	1931	1951	Двигатель внутреннего сгорания, реактивный двигатель, радиосвязь => химизация производства, объединенные энергосистемы, освоение космоса, автомобилестроение, самолетостроение
5	1971	1984	Микроэлектроника => сферы ИКТ
6	2011		Нанотехнологии, когнитивные технологии => НБИКС-конвергенция в производстве

Критерием наступления очередного уклада выступает его влияние на систему воспроизводства: вклад новых отраслей в экономический рост, повышение производительности на основе нового типа технологий, большее энерго- и ресурсосбережение. Эти составляющие выражают в том числе рост органического строения капитала, что находит свое отражение в динамике нормы прибыли, которая будет рассматриваться ниже. Как показывает М. Коччия, новый тип технологий, во-первых, на заре своего распространения внедряется в производство ускоренными темпами. Во-вторых, восходящая волна в их использовании продолжается дольше, чем период угасания. То есть начальный этап нового уклада, означающий одновременно угасание прежнего уклада, хронологически меньше, чем период широкого распространения нового типа технологий².

¹ Источник: составлено авторами на основании: Глазьев С. Ю., Харитонов В. В. Нанотехнологии как ключевой фактор нового технологического уклада в экономике. М.: Тривант, 2009.

² Coccia M. Asymmetry of the technological cycle of disruptive innovations // Technology Analysis & Strategic Management. 2020. Т. 32. № 12. Р. 1462–1477.

Согласно изначальному прогнозу, широкое распространение технологий шестого уклада должно было прийти на 2018 г.¹ Однако трудности восстановления после кризиса 2007–2009 гг. при сохраняющейся привлекательности инвестиций в финансовые рынки снижают возможности внедрения нового класса технологий. Таким образом, полноценный переход к новому технологическому укладу откладывается, вероятно, до середины 2020-х гг. А. Л. Гринин и Л. Е. Гринин также определили начало последней, кибернетической производственной революции в середине XX века с ее максимальным развитием в ближайшие десятилетия². Мощным трансформациям подвергнутся все элементы процесса труда (средства труда, предметы труда, организационно-управленческие аспекты труда).

Теория технологических укладов, появившаяся в период перестройки, стала частью дискуссий об экономическом потенциале научно-технической революции. Советские экономисты, начиная с послевоенного времени, активно обращались к вопросам выделения этапов прогресса науки и техники и сменяемости стадий развития производственных отношений. Согласно широко признанному подходу, основа таких изменений лежала в сфере материального производства, которая отражает экономический потенциал господствующего типа технологий. Этот подход развивал классический марксистский тезис о связи производительных сил, производственных отношений и надстройки.

Однако история капитализма показала преждевременность выводов некоторых советских исследователей о невозможности адаптации капитализма к условиям научно-технической революции второй половины XX в. Возникли трудности с реализацией теоретически обоснованных преимуществ социализма на данном этапе технико-экономического развития. В результате в 1980-е гг. участились попытки переосмысления прежних

---

¹ Глазьев С. Ю., Харитонов В. В. Нанотехнологии как ключевой фактор нового технологического уклада в экономике. М.: Тривант, 2009.

² Гринин А. Л., Гринин Л. Е. (2015). Кибернетическая революция и исторический процесс (технологии будущего в свете теории производственных революций) // Философия и общество, № 1-2. с. 17-47.

подходов. Одной из них и стала концепция технологических укладов. Важным ее положением стало признание второй промышленной революции (третий технологический уклад). Кроме того, был выделен скачок развития в микроэлектронике в 1970-е, получивший в мире название информационной революции (пятый технологический уклад)¹. Таким образом, теория технологических укладов фактически включила в себя теоретическое наследие доперестроечной советской школы с добавлением выделяемых на Западе ключевых этапов технико-экономических трансформаций.

Преимуществом применения теории технологических укладов в настоящем исследовании можно назвать также оптимальную степень детализации этапов технико-экономического развития: в ней учтены все ключевые технологические скачки в истории капитализма. Одновременно с этим она избегает их чрезмерного дробления, что уменьшало бы качественные различия между укладами. При осуществлении эмпирического анализа предполагается соответствие масштабов фиксируемых изменений технологических укладов и волн глобализации.

Наконец, необходимо подчеркнуть, что периодизация укладов исходит из структуры производства в наиболее развитых странах, задающих направление движения мировой экономики в целом. Это позволяет оценить технико-экономические факторы развития капитализма через призму центрo-периферических отношений.

При этом нельзя не отметить слабые стороны теории технологических укладов. Главный из них заключается в попытке ее авторов технократически объяснить логику капиталистического развития: появление новых технологий запускает очередную волну накопления капитала. При таком подходе

---

¹ Ранее в советской экономической науке вторая промышленная революция практически не признавалась, так как считалось, что нельзя провести вторую индустриализацию, которая уже состоялась на рубеже XVIII–XIX вв. Последовавшие трансформации производственных отношений признавались тщетной попыткой «омоложения» капитализма, неизбежно двигавшегося в тупик. Впоследствии, следует признать, произошла также недооценка технологических сдвигов 1970-х, позволивших «перезагрузиться» капитализму. Академическую реакцию в СССР в 1980-х можно назвать уже запоздавшей. При этом первый этап НТР (четвертый технологический уклад в концепции Глазьева — Львова) описывался советскими экономистами послевоенного времени очень подробно.

технологический уклад играет роль инновационных волн Шумпетера, через которые он пытался объяснить природу циклов Кондратьева. Однако у самого Кондратьева, который находился под значительным влиянием марксизма, показана обратная причинно-следственная связь: новый цикл накопления создает предпосылки для внедрения принципиально новых технологий. Эти недостатки теории технологических укладов будут преодолены в параграфе 2.2.

Связь циклов глобализации и технологических укладов

В качестве исследовательской предпосылки выдвигается положение, что наиболее влиятельные страны задают тон динамике международной торговли. Под влиятельностью при этом понимается совокупность факторов развитости (использование передовых технологий в производстве, высокая добавленная стоимость производства, под которое обеспечиваются потоки сырья и продукты низкого передела) и объема национальной экономики. Именно крупные страны центра капиталистической мир-системы в зависимости от текущих этапов своего экономического развития влияют на систему глобального разделения труда. Другие страны значительным образом меняют свою роль уже вследствие этого влияния (к примеру, Китай смог стать «фабрикой мира» в конце XX в., так как у ведущих стран центра появился спрос на дешевую индустриальную продукцию и рабочую силу). Такая предпосылка фактически вытекает из охарактеризованных в прежних разделах работы теорий мир-системщиков.

Теория системных циклов накопления капитала Дж. Арриги выделяет страны-лидеры, которые на различных исторических этапах, аккумулируя передовые технологии, финансовые ресурсы, во многом определяют характер и вектор процессов развития всей мировой экономики. Промышленный капитализм включает в себя британский (от начала промышленной революции до начала XX в.) и американский (с конца XIX в. по настоящее время) циклы. Рубеж XIX–XX вв., таким образом, является переходным, когда две страны

занимали лидирующие позиции. В этой связи будут рассмотрены показатели внешней торговли всего мира в целом, а также Великобритании до 1913 г. и США с 1881 г. по настоящее время. Помимо своей ведущей геоэкономической роли эти страны были однозначными технологическими лидерами своих эпох. Это важно подчеркнуть, так как периодизация технологических укладов привязана к странам-лидерам в технико-экономическом плане (в масштабах континентов и тем более всего мира в целом распространение элементов технологических укладов неравномерно). Тем самым будет правомерно сопоставлять хронологию технологических укладов с внешнеэкономическими показателями.

Доступная статистика формально не покрывает весь период от начала промышленной революции, но, учитывая, что ее достижения распространялись продолжительное время, «точка отсчета» с 1790 г. в Великобритании и с 1821 г. в мире в целом становится даже более точной. С целью исключения специфических факторов влияния мировых войн, их краткосрочных последствий из рассмотрения исключаются периоды 1914–1922 гг. и 1939–1949 гг. Результаты эмпирического исследования представлены в таблице 2.2. В качестве конкретного показателя динамики соотношения внешней торговли и ВВП на определенных этапах взяты среднегодовые (среднее геометрическое) темпы роста внешней торговли (экспорт/импорт) относительно среднегодовых (также среднее геометрическое) темпов роста ВВП.

Обращает на себя внимание, что в мировом масштабе доля внешней торговли относительно ВВП увеличивалась с большей скоростью на этапах широкого распространения элементов технологических укладов, чем в их начале. В данном случае нет ни одного исключения.

Таблица 2.2. Изменение доли внешней торговли относительно ВВП в зависимости от технологических укладов

Этапы цикла	Период	Среднегодовое соотношение темпа роста мирового экспорта к темпу роста мирового ВВП	Среднегодовое соотношение темпа роста внешней торговли (экспорт + импорт) Великобритании к темпу роста ВВП Великобритании	Среднегодовое соотношение темпа роста экспорта США к темпу роста ВВП США	Среднегодовое соотношение темпа роста импорта США к темпу роста ВВП США
Широкое распространение 1 ТУ	1790–1830	1,034 ¹	0,995	—	—
Начало 2 ТУ	1831–1847	1,024	1,022	—	—
Широкое распространение 2 ТУ	1848–1880	1,029	1,016	—	—
Начало 3 ТУ	1881–1897	1,01	0,997	0,975	0,972

---

¹ Доступны данные с 1821 г.

Широкое распространение 3 ТУ	1898–1913; 1923– 1930 ¹	1,017	1,01 ²	0,998	0,997
Начало 4 ТУ	1931–1938	0,974	—	0,971	0,952
Широкое распространение 4 ТУ	1951–1970	1,031	—	1,034	1,037
Начало 5 ТУ	1971–1983	1,006	—	1,025	1,044
Широкое распространение 5 ТУ	1984–2010	1,019	—	1,017	1,021
Начало 6 ТУ	2011–2018	0,978	—	1,001	0,997

Источники по миру: Giovanni Federico & Antonio Tena-Junguito, 2016. "World trade, 1800–1938: a new data-set," Working Papers 0093, European Historical Economics Society (EHES); Maddisson A. 2001. The World Economy: A Millennial Perspective. Paris: OECD; Maddisson A. 2003. The World Economy. Historical Statistics. Paris: OECD; Всемирный банк.

Источники по США: Maddisson A. 2001. The World Economy: A Millennial Perspective. Paris: OECD; United States of America. Historical Statistics of the United States (2006). Millennial Edition. Eds. Richard Sutch and Susan Carter, Cambridge University Press; Всемирный банк

Источники по Великобритании: Кембриджская экономическая история Европы Нового и Новейшего времени. Том 1: 1700–1870 / пер. с англ. Ю. Каптуревского; под ред. Т. Дробышевской. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. 464 с.; Кембриджская экономическая история Европы Нового и Новейшего времени. Том 2: 1870 — наши дни / пер. с англ. Н. Эдельмана; под ред. Т. Дробышевской. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. 624 с.

¹ Исключены периоды с 1914 по 1922 гг. и с 1939 по 1949 гг., чтобы не произошло смешение со специфической ролью мировых войн.

² Рассмотрен период с 1898 по 1913 гг.

Результаты представлены также эконометрической моделью, подтверждающей данный эмпирический факт (см. табл. 2.3).

Таблица 2.3. Результаты эконометрического моделирования связи темпов роста мировой внешней торговли относительно темпов роста мирового ВВП со стадиями технологических укладов

No. Observations	20
Pseudo R-squ.:	0.4526
Log-Likelihood:	-7.5882
LL-Null:	-13.863

	coef	Std err	z	P> z 	[0.025	0.975]
x ₁	-146.2710	64.535	-2.267	0.023	-272.758	-19.784

В результате построения модели была получена следующая зависимость

$$Stage = \frac{1}{(1 + e^{-z})}$$

$$z = -146,2710x_1$$

где Stage_of_tech — это этап стадии уклада ТУ (0 — широкое распространение, 1 — начальная стадия), а x₁ — отклонение от среднего значения прироста мирового экспорта к приросту мирового ВВП в каждой стадии технологического уклада с 1821 по 2018 гг. При этом есть вероятность того, что оценки смещены, так как в данном случае представлена зависимость лишь от одного фактора, и существуют другие переменные, которые влияют на стадию.

На графике 2.1 представлена зависимость прироста мировой внешней торговли относительно темпов роста мирового ВВП в зависимости от стадии ТУ. Из графика можно заметить, что, как правило, в начальной стадии технологического уклада, когда страны только осваивают новые технологии, рост внешней торговли по отношению к росту ВВП ниже. Однако на стадии

широкого распространения, когда ведущие страны уже освоили новые отрасли, возникают более высокие относительные показатели внешней торговли. В результате в среднем значения прироста экспорта к приросту ВВП в стадии широкого распространения выше, чем в начальной стадии уклада.

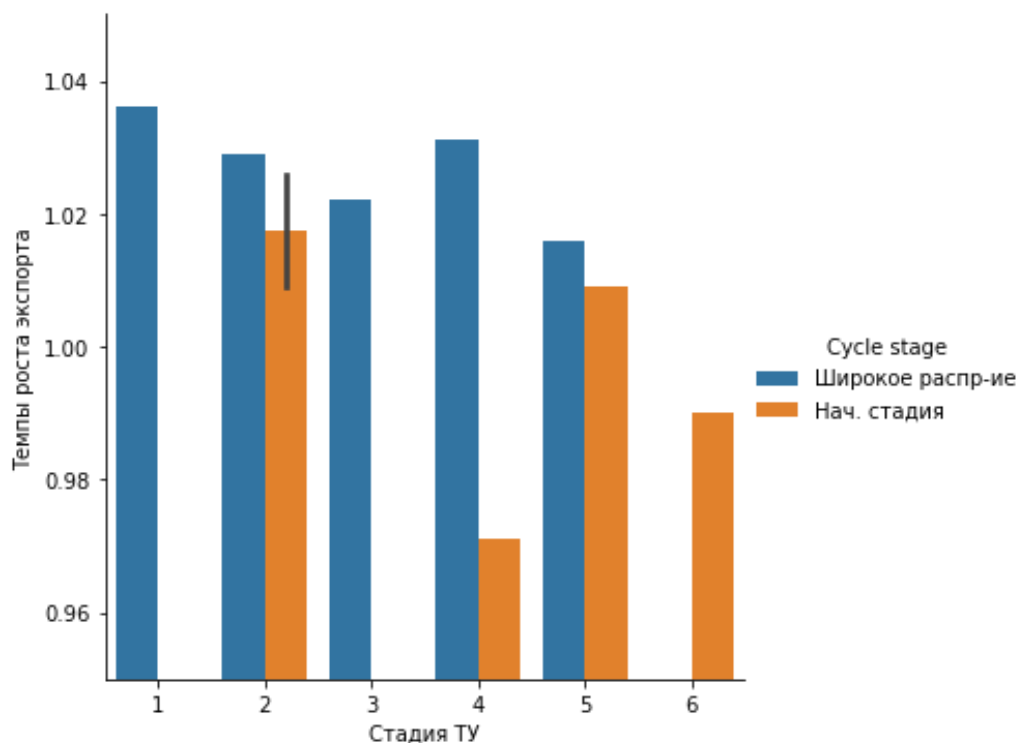

Рис. 2.1. Зависимость прироста экспорта от стадии ТУ

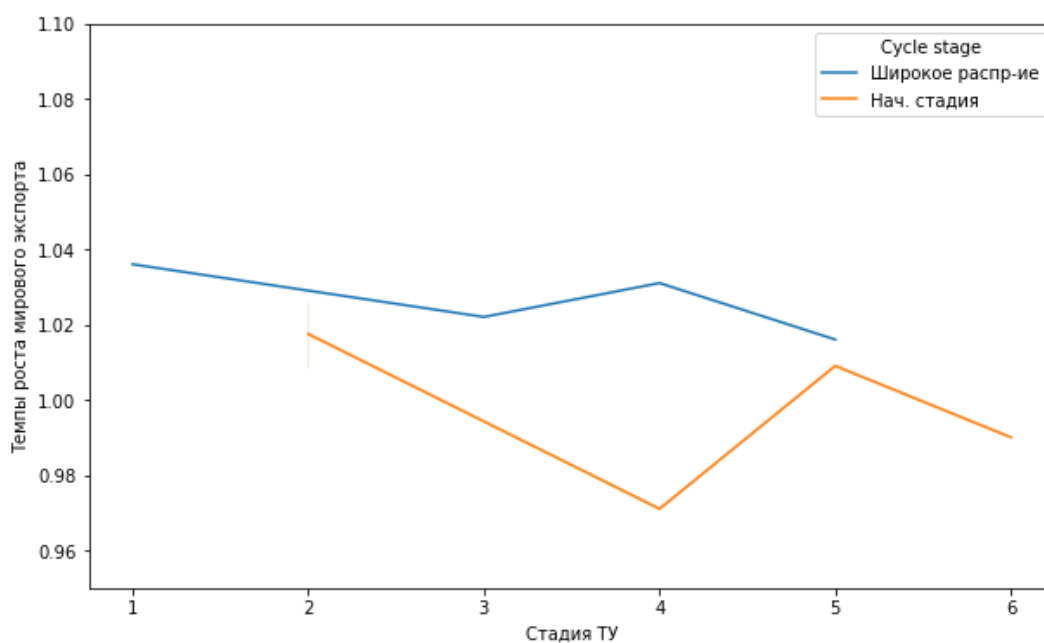

Рис. 2.2.

Зависимость прироста экспорта от стадии ТУ

Знаковые решения правительств, регулирующие интенсивность международной торговли, хронологически также согласуются с изменениями технологических укладов. Так, в 1849 г., в начале широкого распространения второго уклада в Великобритании был отменен действовавший почти 200 лет до этого Навигационный акт Кромвеля. В 1860 г. были отменены импортные пошлины на ряд промышленных товаров, в то время как в 1819 г. была введена пошлина на ткани в размере 50 %. В ответ на протекционистские меры нового крупного игрока, Германии, в конце XIX в. Великобритания также начала отходить от принципов свободной торговли, отменив ряд торговых соглашений с этой страной. В 1881 г. была создана Лига справедливой торговли. Под справедливостью ее основатели предполагали беспрепятственное перемещение товаров внутри империи, но с введением ограничений по отношению к товарам других стран.

В 1930-м, в начале четвертого уклада, в США был принят закон Смута — Хоули, налагавший пошлины на более чем 20 000 импортируемых товаров. Другие страны приняли ряд аналогичных мер, что снизило интенсивность мировой торговли до беспрецедентного относительного уровня, к которому глобальная экономика приблизилась только в наше время. Нужно отметить, что США как новая страна-лидер мир-системы и до этого использовали протекционистскую политику (достаточно вспомнить доктрину Монро, закон о пошлинах Фордни — Маккумбера), но своего апогея она достигла именно в 1930-е.

После Второй мировой войны в период широкого распространения четвертого уклада ситуация кардинально поменялась. В 1947 г. было заключено Генеральное соглашение по тарифам и торговле, в 1990-х гг. (также на этапе широкого распространения уклада) его принципы продолжили реализовываться в работе нового международного института: Всемирной торговой организации.

В 2010-х интенсивно устанавливаются заградительные барьеры на разные группы товаров. Согласно оценкам, количество принятых ограничительных шагов в три раза превышало число экономико-политических решений, поддерживавших свободную торговлю (данный вопрос будет подробно рассмотрен в главе 3). США находятся в числе лидеров в использовании протекционистских мер, которые направлены главным образом против Китая. Среди последних резонансных действий можно вспомнить угрозу блокировки TikTok в случае недопуска дополнительного американского капитала в данный проект.

Данные факты показывают, что «протекционистская политика играла важную роль в процессах интеграции этих стран [Великобритании и США. — *Прим. авт.*] в систему мирового хозяйства. Однако, поднявшись на вершину мирового экономического могущества, они предпочли не афишировать секреты своего удачного восхождения»¹.

Интерпретация результатов

Интеграция мировой экономики на протяжении рассмотренного периода в целом углублялась. В долгосрочном периоде с момента становления индустриального капитализма можно говорить об устойчивом росте глобализации. Исключением становились годы после крупнейших кризисов капитализма, когда внутренняя торговля росла быстрее, чем внешняя. Можно объяснить это относительным усилением экономической активности стран центра, которые, в соответствии с теорией С. Амина, являются «интровертными» (т. е. работают преимущественно на внутренний рынок) в отличие от «экстравертной» периферии, экономический рост которой завязан на экспортоориентированных отраслях. Кроме того, по мере преодоления острой фазы кризиса производители одной страны заинтересованы в том,

---

¹ Кузнецов А. Эволюция политики протекционизма в Великобритании и США [Электронный ресурс] // Международная жизнь. 2010. № 12. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/368>

чтобы не позволить иностранным конкурентам занять ослабевшие ниши, а также получить преимущества в новых сферах производства, которые станут локомотивом экономики на следующей фазе экономического роста. Тем самым возникает потребность в активизации государственной политики протекционизма. Однако в данной части работы важно осветить не «макроэкономические» предпосылки (тот или иной цикл конъюнктуры) глобализации, а технологические факторы ее ускорения или замедления. Теоретическое объяснение влияния технико-экономической реальности представлено ниже.

На этапе внедрения революционной технологии (начало технологического уклада) новые рынки (основанные на использовании данной технологии в производстве) еще не сформированы, и основной целью производителя становится закрепление позиций в новых нишах. Частный производитель может временно отказаться от существенной части прибыли ради завоевания доли рынка и получения стратегического преимущества перед конкурентами, обеспечивая тем самым более устойчивое положение в долгосрочной перспективе. На уровне межгосударственных отношений процесс аналогичен: нельзя позволить другим странам занять передовые позиции в новых высокотехнологичных отраслях, так как это может подорвать потенциал отечественных производителей. В связи с этим эффективным инструментом экономической борьбы становятся ограничивающие свободную торговлю меры, которые вводятся ради сохранения тепличных условий национальному капиталу.

Когда же производство, основанное на новых технологиях, окрепло и успешно встроилось во внутренний рынок, наступает время внешней экспансии. Изначально более развитые в технологическом плане страны, создав благоприятные условия для отечественных производств, естественным образом становятся лидерами в отраслях, основанных на использовании элементов передового технологического уклада. Статус технологического лидера позволяет наращивать экспорт, выигрывая в международной

конкурентной борьбе. Следовательно, у лидеров возникает заинтересованность в максимальном открытии рынков. Примечательно, что в рамках национальной экономики ситуация развивается в обратной последовательности: начало ТУ сопровождается обострением внутренней конкуренции, которая замещается рыночной концентрацией по мере перехода ТУ в фазу широкого распространения. Этот механизм будет подробнее описан ниже.

Любопытным становится расхождение теоретических постулатов ряда ведущих экономических школ с практикой хозяйственной жизни. Как было отмечено в первой главе настоящей работы, мейнстрим экономической науки провозглашает повсеместный и безоговорочный приоритет принципам свободной торговли, хотя даже для передовых стран на определенных исторических этапах необходимой становится внешняя (государственная) поддержка местных производств. Несмотря на это, положение о протекционизме и активной государственной промышленной политике как эффективном инструменте развития национального производства в слаборазвитых странах заведомо отвергается¹.

Обращаясь отдельно к практике стран-лидеров соответствующих циклов накопления капитала (Великобритания² и США), можно заметить некоторые исключения из описанной выше закономерности. В частности, в Великобритании высокими показателями внешнеэкономической активности отличается начало второго ТУ, а в США — начало пятого уклада. Объяснения, вероятно, не ограничиваются единственной причиной, однако также могут быть даны исходя из технико-экономических основ.

Второй ТУ, называемый также эпохой пара, характеризуется стремительным развитием средств транспорта (железные дороги, паровое

---

¹ Впрочем, данный вывод относится скорее к общим императивам «мейнстрима» экономической теории. В работе Г.А.Маслова «Технико-экономическое развитие и возвращение протекционизма» отмечаются отдельные различия во взглядах теоретиков в зависимости от развития глобализации на определенных технико-экономических этапах.

² Ввиду ограниченности статистического обеспечения, относящегося к прежним эпохам, по Великобритании была взята внешняя торговля в целом, а не экспорт и импорт по отдельности.

судоходство). На начальном этапе развития уклада за счет эффекта низкой базы быстрыми темпами открывались новые рынки, стало физически легче и, соответственно, дешевле обмениваться товарами с контрагентами из других географических областей. При этом залогом интенсификации внешней торговли стали более развитые транспортные пути не только между странами, но и внутри самой Великобритании. В частности, железные дороги, соединяли крупные промышленные города только внутри страны. Однако уже это позволило углубить специализацию, повысить общую производительность производства и выделить бóльшую продуктовую массу на экспорт. Тем самым само содержание уклада обусловило ускорение разделения труда и более тесную интеграцию рынков. На этапе широкого распространения второго ТУ, хотя проникновение новых технологий в сфере транспорта увеличивалось, относительные темпы прироста не могли быть столь высокими, так как исходные показатели уже представляли собой значимую величину. Следует также отметить, что первый технологический уклад, то есть начальный этап промышленной революции, сделал материальное производство приоритетом в извлечении прибыли по сравнению со сферой обращения. Сосредоточившись на создании первых индустриальных производств, владельцы капитала стали меньше вкладывать в торговлю. Это также предопределило эффект низкой базы перед наступлением второго технологического уклада. Говоря о США, обращают на себя внимание более низкие темпы роста внешней торговли относительно роста ВВП до середины XX в. Это еще раз поднимает проблему лицемерия навязываемых миру рекомендаций широкой либерализации рынков, так как ведущая ныне экономическая держава сама столь продолжительное время открывалась мировому рынку в меньшей степени, чем остальные страны (за исключением периодов мировых войн).

Отдельно следует выделить пятый ТУ. В его начале внешняя торговля развивалась относительно более быстрыми темпами, чем на этапе широкого распространения. Это связано с его уникальной спецификой. Содержанием

уклада являются информационно-коммуникационные технологии, производство и потребление которых пронизано сетевыми эффектами¹. Поэтому чем шире распространены ИКТ-продукты (совместимые друг с другом), тем больше возникает пользы от единицы продукта для его потребителя.

Следовательно, в отличие от отраслей, где сетевые эффекты играют куда меньшую роль, политика протекционизма должна быть направлена не на огораживание от остального мира, а, наоборот, на максимально активное распространение продукта в других странах уже на первых этапах внедрения технологий. В подобной конкурентной борьбе выигрывает не тот, кто будет развивать отрасль главным образом внутри национальной экономики, а тот, кто первый осуществит экспансию на мировой рынок, в том числе и локализуя производства в других странах. Именно такого сценария придерживались американские власти, ориентируясь на рекомендации получавших все большее влияние теоретиков-неолибералов. Кроме того, развитие средств коммуникации подготовило необходимые условия для образования глобальных цепочек добавленной стоимости, которые выражают собой апогей международного разделения труда. Информационные технологии пятого уклада связывают в единую производственную систему новые индустриальные страны периферии, в которых размещаются трудозатратные производства, с высокопроизводительной промышленностью центра. Это обстоятельство способствовало повышению интенсивности внешнеторговых связей.

Подводя промежуточный итог, следует сделать вывод о наличии циклического характера волн глобализации, связанного со сменой этапов технологических укладов. Такой вывод нельзя назвать абсолютно новым в отечественной науке, и стоит дополнительно подчеркнуть различия с положениями других авторов.

---

¹ Сетевой эффект означает зависимость между полезностью отдельной единицы продукции от количества потребителей продукции в целом.

Исследовательский подход в настоящей работе корреспондирует с разработками С. А. Толкачева и А. Ю. Теплякова. Они выделяют смену направлений внешнеэкономической деятельности стран-лидеров в зависимости от технологических укладов. При этом отмечаются господствующие классы технологий, разделяемые по сферам их приложения (средства производства, средства транспорта, средства коммуникации)¹. Предлагаемая схема представлена в таблице 2.3.

Таблица 2.3. Технологическая обусловленность циклической динамики мировых хозяйственных связей²

Технологический уклад	Сектор экономики	Внешеэкономическая политика стран-лидеров
1	Средства производства	Протекционизм
2	Средства транспорта	Фритредерство
3 (до 1910-х)	Средства коммуникации	Империализм
3 (после I Мировой войны до 1940-х)	Средства производства	Протекционизм
4	Средства транспорта	Фритредерство
5	Средства коммуникации	Империализм
6	Средства производства	Протекционизм
7 ³ (?)	Средства транспорта (?)	Фритредерство (?)

С появлением революционных технологий национальные производители в первую очередь стараются закрепить конкурентное преимущество, и государство относительно в большей степени создает

¹ Толкачев С. А., Тепляков А. Ю. Эволюция внешнеэкономической политики ведущих стран мира на современном этапе через призму долгосрочных технологических изменений в экономике // Новая экономическая политика для России и мира. Сборник научных трудов участников Международной научной конференции «XXVII Кондратьевские чтения» под редакцией В. М. Бондаренко. М.: Межрегиональная общественная организация содействия изучению, пропаганде научного наследия Н. Д. Кондратьева, 2019. С. 205–211.

² Источник: Толкачев С. А., Тепляков А. Ю. Эволюция внешнеэкономической политики ведущих стран мира на современном этапе через призму долгосрочных технологических изменений в экономике // Новая экономическая политика для России и мира. Сборник научных трудов участников Международной научной конференции. XXVII Кондратьевские чтения. под редакцией В. М. Бондаренко. М.: Межрегиональная общественная организация содействия изучению, пропаганде научного наследия Н. Д. Кондратьева, 2019. С. 205–211. С. 206.

³ Начало 7-го технологического уклада, согласно авторам, будет приходиться на 2040-е.

ограничивающие свободную торговлю барьеры. С точки зрения логики «начало ТУ — протекционизм; широкое распространение ТУ — фритредерство» и наличия причинно-следственной связи с технико-экономическими условиями выводы настоящей работы, подтверждаемые эмпирическими данными, совпадают с положениями авторов.

Однако принципиальное предметное различие состоит в том, что в настоящей работе сделан акцент на смене направлений внешнеэкономической политики в связи с наступлением различных фаз в рамках одного уклада, а не со сменой одного уклада другим, как это отмечают С. А. Толкачев и А. Ю. Тепляков. Таким образом, подчеркивается, что независимо от степени развитости транспорта коллективный капиталист ведущей страны стремится к максимальной торговой экспансии по мере того, как закрепляет конкурентное лидерство в производстве, основанном на определенном типе технологий. Это стремление действительно реализуется в большей степени, если одновременно совершенствуется транспортная инфраструктура. Хотя развитие последней может выступать фактором усиления склонности к открытию рынков, оно скорее не является ее первопричиной.

Еще одно расхождение состоит в теоретических подходах к феномену империализма. С. А. Толкачев и А. Ю. Тепляков рассматривают империализм как политику, а не этап в развитии капитализма. При этом империалистические тенденции (в частности, ускорение вывоза капитала) они обосновывают ускоренным развитием средств коммуникации. С тем, что данный тип технологий способствует ускорению империалистических тенденций, следует согласиться. Это позволяет легче координировать производственные и торговые процессы за рубежом. В то же время фактор коммуникационных технологий не может считаться основным. Технологическое лидерство ведущих стран сравнительно с отстающими само по себе является фундаментальной предпосылкой политики империализма. Неспособность менее развитой страны массово производить товары с высокой добавленной стоимостью в глазах страны-лидера уже делает ее претендентом

на роль поставщика продуктов низкого передела, дешевой рабочей силы, а также стабильного рынка сбыта.

В этой связи нужно дополнительно уточнить, что склонность к ограничениям свободной торговли (или ее отсутствие) рассматривается по отношению к странам-лидерам, ведущим борьбу с сопоставимыми по силе конкурентами. К примеру, если у двух стран ведущее место занимает производство, основанное на элементах второго уклада, то постепенный переход одной из стран на третий уклад стимулирует ее оградиться от вероятной конкуренции со стороны отстающего. Однако если речь идет о странах, где производство одной входит в шестой уклад, а у другой оно в основном сохраняется на уровне четвертого уклада, то первая страна не видит во второй потенциального конкурента. Поэтому первой стране нет необходимости вводить меры, ограничивающие торговлю со второй. Наоборот, лидер будет заинтересован в том, чтобы переносить на территорию отстающей страны производства, основанные на устаревших технологиях.

Фактическая технологическая многоукладность производства в масштабах мира, таким образом, независимо от смен фаз технологических укладов у стран-лидеров обуславливает перманентное сохранение отношений экономического подчинения между странами центра и периферии, а также продвижения центром принципов «свободной» торговли с периферией. Усиление империалистических тенденций на рубежах XIX–XX и XX–XXI вв. можно объяснить, во-первых, достижением максимального освоения внутренних и сопредельных рынков за счет производства товаров в рамках близких технико-экономических условий. Из этого следует вторая проблема — перенакопление капитала, которое находит решение в его вывозе в страны периферии в форме прямых инвестиций. Кроме того, в предшествующие кризисам перенакопления периоды промышленной экспансии капитал центра сталкивается с падением отдачи от авансированного капитала. Это требует снижения издержек, которые осуществляются в том числе за счет переноса

части материального производства на периферию. Эта проблема будет более подробно рассмотрена в параграфах 2.2 и 3.2.

В завершение данной части исследования вернемся к соотношению фундаментальных и текущих конъюнктурных, в том числе политических факторов глобализации. Свой вклад в нарастание процессов деглобализации последних лет, безусловно, внесли внешние по отношению к экономике, можно сказать, надстроечные причины. Окажись другими результаты голосования на президентских выборах в США 2016 г. или по «Брекзиту» в Великобритании (а разница между альтернативами составляла всего несколько процентов), ситуация сложилась бы несколько иным образом. Тем самым было бы некорректно следовать примитивно понимаемому экономическому и технологическому детерминизму.

Однако если посмотреть шире на долгосрочные тенденции развития глобализации, по ту сторону текущей конъюнктуры политических интересов, мы приходим к выводу, что отдельные события политико-экономической жизни вписаны в общую логику сохраняющихся многие десятилетия закономерностей. Эти события в действительности объясняются на первый взгляд невидимыми, но при этом вполне материальными причинами. Более того, альтернативы конкретным мерам экономической политики также в значительной степени зажаты в рамки долгосрочных закономерностей экономического развития.

В частности, в основе нынешней геополитической напряженности, ввода широкого спектра ограничивающих свободную торговлю мер лежат технико-экономические предпосылки. Наступает фаза внедрения элементов нового технологического уклада, и ведущие страны сейчас в большей степени заинтересованы в создании благоприятных условий для внутреннего производителя, чем в торговой экспансии. Новый тип технологий, относимый также к наполнению четвертой промышленной революции, обещает дать большие преимущества тем, кто сможет занять место лидера в их использовании, поэтому ставки становятся особо высокими. США и Китай

находятся в центре мировой геоэкономической борьбы и, можно сказать, задают ее тон¹. Одной из наиболее жестких сфер противостояния американского и китайского капиталов является сектор телекоммуникаций. Победитель в этой битве получит контроль над технологией мобильной связи пятого поколения (5G). В отличие от предыдущего, новое поколение связи породит новую технологическую революцию и позволит перестроить производство на принципе «интернета вещей», многократно повысив производительность труда.

Действия остальных крупных стран так или иначе вписываются в повестку данного противостояния. Распространение коронавируса при этом, отбрасывая назад национальные объемы производства и потенциал будущего развития, еще больше обостряет ситуацию, способствуя усилению деглобализационных процессов. Можно без преувеличения сказать, что в настоящее время мы являемся свидетелями процессов исторической значимости. События, происходящие в мире после глобального финансового кризиса, формируют рамки развития мировой экономики и глобального миропорядка на долгие годы вперед.

С точки зрения развития теории эмпирическое исследование в данном разделе показало эффективность сочетания марксистского историко-материалистического подхода с теориями технико-экономического развития и теорией системных циклов накопления капитала Дж. Арриги, который развивает традиции мир-системного анализа. Развитие глобализационных тенденций, как оказалось, во многом носит циклический характер, зависимый от технико-экономических факторов. Корни трансформаций глобализационных процессов, безусловно, было бы некорректно сводить исключительно к смене технико-экономических волн на основе подходов приведенных нами авторов. Как было отмечено выше, теория

---

¹ Китай по-прежнему остается страной с невысокой средней производительностью труда. Но ввиду значительной величины его экономики в этой стране уже сформировался большой рынок высокотехнологичной продукции. Тем самым Китай становится достойным конкурентом в борьбе за будущее технологическое лидерство.

технологических укладов сама по себе является попыткой технократического объяснения закономерностей социально-экономического развития человечества. Для того чтобы преодолеть эту проблему, необходимо на время отвлечься от проблем глобализации и обратиться к более детальному изучению политико-экономических факторов, определяющих становление, господство и смену технологических укладов. Этому вопросу будет посвящен следующий параграф настоящей работы.

2.2. Основания технико-экономической цикличности

Исходя из содержания первого параграфа данной главы можно констатировать, что цикличность расширения и свертывания процессов глобализации имеет связь. Однако важным остается вопрос о том, какие внутренние закономерности и противоречия капитализма являются причиной смены самих ТУ. В современной науке в этом вопросе сохраняется неясность. Нередко авторы, работающие над вопросами технико-экономической стадийности, обращаются к технологическим укладам как исходной категории, технократически объясняя экономическое развитие. Ключевым фактором очередного ТУ становится изобретение новой технологии. При этом проблема ее внедрения в экономику игнорируется как незначительная, поскольку рыночная экономика рассматривается как среда, всегда открытая к инновациям. Такая логика восходит к идеям Й. Шумпетера. Ключевым фактором длинных волн (Кондратьева) он считал «промышленные революции»¹. Объяснение самих революций австрийский экономист давал сугубо идеалистическое — движущей силой экономического развития он называл предпринимателя с его уникальными способностями: склонности к риску, инновационным поведением, интуицией. Преодолевая сопротивление внешней среды, предприниматель применяет новшества. Постоянное

---

¹ Шумпетер Й. Теория экономического развития. М.: Эксмо, 2007. С. 445.

стремление к инновациям позволяет без промедлений задействовать прорывную технологию, запуская очередную технологическую волну.

Однако такое объяснение не может считаться достаточным. Не подлежит сомнению, что зарождение очередного ТУ во многом определяется случайными, экзогенными по отношению к экономике факторами, например, фундаментальными научными открытиями или прорывными изобретениями, которые позволяют промышленности резко повысить производительность труда. Но всякая случайность возникает в обстоятельствах, ограниченных объективными условиями, которые задаются существующим состоянием производительных сил и производственных отношений. Задача данного параграфа заключается в том, чтобы вычленить материальные предпосылки смены ТУ. Это позволит определить и фундаментальные факторы глобализации, а также выработать инструменты, позволяющие спрогнозировать ее движение в будущем.

Несмотря на большое количество публикаций, посвященных проблеме технико-экономической эволюции, данный вопрос нельзя назвать полностью раскрытым. Так, в фундаментальной статье Глазьева, где автор подробно разъясняет содержание теории ТУ и своего научного вклада в ее развитие, не содержится четкого описания экономических механизмов смены ТУ. Говоря о переходе от одного ТУ к другому, он утверждает, что переход «сопровождается технологическими революциями, в ходе которых происходит резкий рост инновационной активности, быстрое повышение эффективности производства, социально-экономическое признание новых технологических возможностей, изменение ценовых пропорций в соответствии со свойствами новой технологической системы»¹. При этом капитал, задействованный в производстве прежнего ТУ, обесценивается. Это сопровождается сокращением устаревающих производств, а также «ухудшением экономической конъюнктуры, углублением внешнеторговых

---

¹ Глазьев С. Ю. Открытие закономерности смены технологических укладов в ЦЭМИ АН СССР // Экономика и математические методы. 2018. Т. 54. № 3. С. 17–30. С. 23.

противоречий, обострением социальной и политической напряженности»¹. Макроэкономические индикаторы характеризуют период смены ТУ как глубокую депрессию с «падением или снижением темпов роста ВВП и промышленного производства, ростом безработицы». Таким образом, Глазьев останавливается лишь на *описании* переходного периода между ТУ, не касаясь глубинных предпосылок этих перемен, складывающихся задолго до наступления фазы перехода.

Схожие проблемы содержатся и в работах других авторов. Например, И. В. Шевченко и Л. Н. Дробышевская, говоря о смене ТУ, также описывают лишь внешнее проявление этого перехода: «Страны, которые лидировали в предшествующий период, сталкиваются с обесценением капитала и квалификации занятых в отраслях устаревающего технологического уклада. В то же время страны, успевшие создать заделы в формировании производственно-технологических систем нового технологического уклада, оказывались центрами притяжения капитала, который высвобождался из устаревающих производств»². Здесь также остается неясно, что заставляет инвесторов создавать такие заделы, какие стимулы толкают их к увеличению высокорисковых капиталовложений в технологии, которые станут основой лишь будущего технологического уклада.

Ближе к решению этой задачи подходят С. А. Толкачев и А. Ю. Тепляков³. Авторы отталкиваются от понятия базисной инновации Г. Менша как основополагающего технологического новшества с его промышленной реализацией, т. е. созданием новых отраслей экономики. Их применение приходится на фазу экономического роста. Однако с течением времени «экономическая конъюнктура начинает стагнировать, поскольку коммерческий потенциал использования базисных инноваций близок к

---

¹ Там же.

² Шевченко И. В., Дробышевская Л. Н. Инновационная основа смены технологических укладов в современной глобальной экономике // Финансы и кредит. 2005. № 35 (203). С. 16–24.

³ Толкачев С. А., Тепляков А. Ю. Концепция циклической последовательности распространения базисных технологий в экономике и онтологическая обусловленность теорий индустриального общества // Экономическое возрождение России. 2019. № 4. С. 19–36.

исчерпанию. Новых особенно продуктивных инвестиционных сдвигов не происходит, а инвестиции направляются в основном в рентный и спекулятивный капитал. В тех отраслях, где предшествующий рост был выше среднего, возникают избыточные мощности, создающие предпосылки для начала депрессии»¹. Таким образом, причину смены технологических укладов авторы находят в стагнирующей конъюнктуре, которая определяет поведение инвесторов: «В периоды депрессий у предпринимателей часто остается альтернатива — начать инвестировать в новые технологии. Если инновации оказываются прибыльными, к ним обращается все больше предпринимателей. Создаются условия для нового продолжительного подъема в экономике»².

Как отмечает С. Ю. Глазьев, в ходе широкого распространения технологического уклада происходит перестройка «экономических оценок в соответствии с условиями его воспроизводства»³. Что подразумевается под «экономическими оценками», автор не уточняет, однако можно предложить, что речь идет о поведении инвесторов, на оценки которых влияет отмеченное С. А. Толкачевым и А. Ю. Тепляковым изменение (стагнация) экономической конъюнктуры. В этой ситуации инвестиции в новые технологии становятся не альтернативой, а вопросом выживания капиталиста на рынке. Однако причины, проявления и последствия стагнации остаются без объяснения.

В зарубежной литературе проблеме технологической цикличности уделяется большое внимание. Дж. Доси стал автором понятия «технологическая парадигма» (technological paradigm), которое описывает взаимосвязь базовой технологии с экономическими условиями ее применения. Автор определил ее как «образ мышления, систему технологических процессов, постановку релевантных задач, а также применение специфических знаний для их решения»⁴. Доси задается вопросом, какие

---

¹ Там же. С. 20–21.

² Там же.

³ Глазьев С. Ю. Открытие закономерности смены технологических укладов в ЦЭМИ АН СССР // Экономика и математические методы. 2018. Т. 54. № 3. С. 17–30. С. 23.

⁴ Dosi G. Technological paradigms and technological trajectories // Research Policy. 1982. Vol. 11. N. 3. P. 148.

причины приводят к замещению одних революционных технологий другими, формируя технологический скачок. Одновременно он критикует традиционные для мейнстрима подходы к этой проблеме. Так, он считает ошибочным объяснение технологического скачка ответом компаний на запросы потребителей на конкретный товар или технологию (demand-pull), поскольку в реальности рынок не толкает развитие технологий по уже известному, заранее определенному обществом пути. И даже если согласиться с тем, что такой путь существует, остаются непонятными причинно-следственные связи между возникновением спроса на новую технологию и появлением конкретного инновационного товара¹. Также неверно, по мнению Доси, было бы считать технологический скачок лишь следствием случайно возникшей идеи, родившейся в ходе научно-исследовательской деятельности отдельных компаний (technology push).

Пытаясь выработать собственную теорию технологических скачков, Дж. Доси отмечает, что она должна интегрировать вышеназванные подходы и, преодолевая их недостатки, учитывать «сложную структуру механизмов обратной связи между экономической средой и направлениями экономических изменений»². Он указывает, что «в рамках большого набора теоретически доступных технологических парадигм первый уровень их отсева работает на основе довольно общих вопросов, таких как: возможно ли какое-либо их практическое применение»³, т. е. каково экономическое обоснование выбора этой технологической парадигмы. «Экономические факторы <...> все более и более точно определяют реальный путь в гораздо большем наборе возможных путей»⁴, — пишет Доси.

В результате он выделяет два источника технологических скачков: институциональный (ex ante) и рыночный (ex post): «Социально-экономическое окружение воздействует на технологическое развитие двояко: сначала

---

¹ Ibid. P.150.

² Ibid. P.151.

³ Ibid. P.153.

⁴ Ibid.

происходит выбор направления мутации (отбор технологических парадигм), а затем отбор мутаций по принципу теории Дарвина. Когда технологические парадигмы сформированы, остается финальный вопрос: хочет ли рынок купить это? Или в социологическом контексте: можно ли убедить рынок купить это»¹. Перечисляя факторы технологического скачка, Доси относит к ним интерес компаний к проведению научно-исследовательских изысканий в определенной области технологий, степень компетенции компаний в данной области, деятельность органов государственной власти, а также такие рыночные факторы, как маркетинговая привлекательность товара, прибыльность внедрения новой технологии в контексте снижения трудозатрат и иных производственных издержек.

Концентрируя внимание на частных, субъективных факторах технического прогресса, Доси так и не доходит до четкого описания объективных причин, лежащих в основе смены парадигм. Он лишь отмечает, что выбор новой фундаментальной технологии осуществляется исходя из ряда экономических (поиск новых источников прибыльного приложения капитала, попытка сократить издержки через автоматизацию производства и т. д.) и институциональных факторов (интересы и структура фирм, влияние государственных органов и т. д.). При этом освоение экономикой новых технологий происходит «либо в связи с новыми возможностями, открытыми научными разработками, либо в связи с возрастающими трудностями в продвижении вперед в существующем технологическом направлении»². Доси не развивает тезис о «трудностях», возникающих на пути инвестора, и, таким образом, упускает из виду ключевые стимулы, активизирующие инвестиционное поведение компаний.

Известный представитель неошумпетерианства К. Перес, развивавшая идеи Дж. Доси о природе технологических скачков, уточнила введенное им понятие технологической парадигмы, используя термин «технико-

---

¹ Ibid. P.156.

² Ibid. P. 157.

экономическая парадигма». Добавляя слово «экономическая», Перес делает акцент на том, что научно-технический прогресс необходимо рассматривать в контексте изменения структуры всей хозяйственной системы. Вектор развития технико-экономической парадигмы, ее институциональное и организационное содержание задают технологические революции, которых в истории капитализма последних столетий она выделяла пять¹: 1) промышленная революция (началась в 1771 г. в Великобритании, 2) эпоха пара и железнодорожного сообщения (1829, лидеры Великобритании и США), 3) эпоха черной металлургии, электроэнергетики и тяжелого машиностроения (1875, лидеры США, Германия, позже Великобритания), 4) эпоха нефти, автомобилей и массового производства (1908, лидер США с дальнейшим распространением в Европу), 5) эпоха информационных технологий (1971, лидер США с дальнейшим распространением в Европу и Азию). Методология Перес восходит к идее 50–60-летних циклов Кондратьева, однако сама она дистанцируется от этого понятия, используя словосочетание «длинные волны». Кондратьев и Шумпетер, внесший вклад в популяризацию его идеи, рассматривали цикл в границах его пиков, что в случае с технологическими революциями включает в себя вторую часть предыдущей и первую часть следующей революции.

Исследуя алгоритмы развития технологических революций², Перес задается двумя важными вопросами: «Во-первых, если таланты возникают постоянно, почему [технологические] изменения происходят революционно? И, как следствие, во-вторых, каким образом эти редкие прорывные открытия объединяются, давая старт революции?»³ Сама Перес находит на них такой ответ: «Благоприятные условия для следующей революции создаются тогда, когда потенциал предыдущей приближается к исчерпанию»⁴. Это означает,

---

¹ *Perez C. Technological revolutions and financial capital. Edward Elgar Publishing, 2003. P. 12.*

² Фактически под технологическими революциями К. Перес понимает этапы технико-экономической эволюции, которые были описаны в настоящей работе понятием технологических укладов.

³ *Perez. Op. cit. P. 27.*

⁴ *Ibid.*

что фундаментальные открытия и прорывные технологии возникают регулярно, без привязки к динамике экономической конъюнктуры и могут оставаться невостребованными в течение долгого времени. Однако, когда потенциал текущей господствующей технологии оказывается исчерпан, интерес рыночных агентов к новым технологиям резко возрастает. Момент слияния научных открытий с потребностями экономики Перес называет «большим взрывом» (big bang)¹.

Доминирование технологического уклада Перес увязывает с развитием технической революции, в которой она выделяет четыре фазы: прорыв и ажиотаж (этап становления), а также синергию и зрелость (этап широкого распространения). Вслед за Й. Шумпетером она характеризует первую фазу технологической революции как период всплеска экономического роста, когда венчурный капитал в предвкушении высокой прибыли устремляется в отрасли, связанные с производственным применением новой технологии. Фазу ажиотажа Перес связывает с достижением конкуренцией своего максимально возможного уровня, что ведет к ускорению экономического роста, снижению безработицы и росту социального расслоения. Она сопровождается резким расширением финансового сектора, т. е. финансиализацией экономики. Фаза ажиотажа завершается схлопыванием финансового пузыря, и в экономике наступает «поворотный момент» (turning point) — период рецессии, в ходе которой происходит «перекомпоновка всей системы, в частности, регулятивного контекста, который позволяет возобновить рост и полное осуществление технологической революции»². На фазе синергии экономический рост возобновляется, а базисная технология в полной мере реализует свой потенциал. Наконец, на фазе зрелости «основные отрасли, которые служили двигателями роста, начинают сталкиваться с насыщением рынка и снижением отдачи от инноваций»³. Возможности для

---

¹ Perez C. Technological revolutions and techno-economic paradigms // Working Papers in Technology Governance and Economic Dynamics no. 20. Tallinn: Tallinn University of Technology, 2009. P. 8.

² Perez. Op. cit. P. 36.

³ Perez. Op. cit. P. 30.

инвестиций сокращаются, а свободный финансовый капитал перемещается в новые секторы и регионы, обладающие потенциалом для следующего «большого взрыва».

Перес несколько раз делает акцент на сильной взаимозависимости между динамикой промышленного производства и финансового рынка. Однако место, которое она определяет для развития и схлопывания финансовых пузырей, вызывает сомнения как с теоретической, так и с эмпирической точек зрения. Говоря о финансиализации экономики, которая происходит на фазе ажиотажа, Перес объясняет ее притоком финансового капитала в наиболее перспективные с точки зрения роста прибыли отрасли¹. Однако сам по себе приток капитала в них еще не может означать перехода финансового сектора в стадию гипертрофированного роста. Финансиализация представляет собой процесс трансформации финансового капитала в фиктивный капитал и его отделение от производственной сферы. Главной целью купли-продажи финансовых инструментов становится спекулятивная прибыль, а сам финансовый рынок превращается в механизм перераспределения доходов от тех, кто их создал, к финансовым спекулянтам. Для того, чтобы запустить такой механизм, необходимо обеспечить резкое увеличение спроса на финансовом рынке, которое становится следствием масштабного притока капитала. Однако Перес ничего не говорит о том, откуда такой капитал может прийти.

Ответ на этот вопрос дает китайский представитель мир-системного анализа Ли Минци. Опираясь на теорию Дж. Арриги, он отмечает, что в условиях падения нормы прибыли на капитал инвесторы реагируют на него, переводя капитал в наиболее ликвидную форму — «мобильного финансового капитала»². Капитал перетекает на финансовый рынок, стимулируя спекуляции и рост биржевых котировок. В такой ситуации создаются наиболее

---

¹ Perez. Op. cit. P. 43.

² Li M. The Rise of China and the Demise of the Capitalist World-Economy. London: Pluto Press, 2008. P.

благоприятные условия для формирования финансовых пузырей, порождая спрос на финансовые инструменты. В послевоенной истории экономики США два крупнейших финансовых пузыря относятся к 1966, 2000 гг. Их появление и схлопывание можно определить через отношение цен компаний, входящих в корзину индекса S&P, к их доходам¹. Кредитный кризис 1966 г. и пузырь «доткомов» 2000 г. пришлись на фазу зрелости технологических революций после длительных периодов экономического роста, связанного с широким распространением 4-го и 5-го ТУ соответственно.

Туманным и неубедительным выглядит неоднократно повторяемый Перес тезис о «насыщении» рынков, которое достигается на фазе зрелости основными отраслями, которые служили двигателями роста существующей технологической революции. Однако «насыщение», т. е. полное удовлетворение спроса, носит преимущественно временный характер, что описывается теорией убывающей предельной полезности. Рынки насыщаются, очищаются и вновь создают неудовлетворенный спрос, что представляет собой нормальный процесс воспроизводства. Остается непонятным, почему из-за него должна падать рентабельность активов и инвестиций. Инвестиции зависят от предельной эффективности капитала, отражаемой внутренней нормой доходности, которая определяется объемом продаж, а он, в свою очередь, — от совокупного спроса. В теории Перес «насыщение» само по себе требует от производителей пропорциональности инвестиций, но не инноваций. К примеру, в ответ на «насыщение» рынка фруктов фермеры не вводят новые, инновационные плоды, а пытаются приспособить уровень производства к долгосрочной, средней потребности, вокруг которой колеблется фактическое потребление товара. Таким образом, предложенное объяснение нельзя считать достаточным.

Таким образом, как и Дж. Доси, К. Перес не указывает, какие фундаментальные причины оказывают *непосредственное* влияние на

---

¹ Shiller R. J. Irrational exuberance: Revised and expanded third edition. Princeton university press, 2015. P. 7.

поведение инвестора, который направляет капитал в производственный или финансовый сектор. Несколько раз она использует слово «прибыльность», описывая особенности той или иной фазы технологической революции, отмечая, что растущая или обещающая рост отдача от капитала привлекает инвестиции в передовые отрасли. Однако такие утверждения не подкрепляются анализом статистики, и вопрос фундаментальных причинно-следственных связей, определяющих смену технологических революций и технико-экономических парадигм, остается нераскрытым. Для заполнения этих пробелов необходимо прибегнуть к эмпирическому анализу вопроса смены технологических укладов через их связь с динамикой базовых макроэкономических показателей.

Факторы смены технологических укладов

Итак, отвечая на вопрос о фундаментальных причинах, ведущих к смене ТУ, необходимо определить факторы, динамика которых отличается на разных этапах развития ТУ — начала (фазы рождения и становления) и широкого распространения (фазы зрелости и упадка). Зрелость ТУ будет сопровождаться достижением отдачи от инвестиций максимального уровня, которая выражается в росте нормы прибыли. Избыточная прибыль образует в руках капиталистов значительные фонды, которые вновь направляются в производительные отрасли и ускоряют распространение базисной инновации. По мере того как революционная технология проникает во все большее количество отраслей, возрастает конкуренция среди использующих ее капиталистов. Конкуренция капиталистов происходит за неудовлетворенный спрос потребителей. В условиях рыночной анархии и несогласованности производственных планов разрозненных производителей, а также ограниченности спроса, вызванной эксплуатацией труда, создаются слишком значительные по сравнению со спросом производственные мощности, рынок попадает в состояние перепроизводства, и цены падают. Это ведет к снижению рентабельности активов, а значит, и доходности инвестиций. Возникает

классическое перенакопление капитала по Марксу. Причем оно носит относительный характер — товары нужны людям, просто они не могут их купить. Падающая рентабельность направляет капитал на финансовые рынки, стимулируя финансиализацию экономики.

Однако гипертрофированное развитие финансового сектора не может быть источником долгосрочного роста экономики, поскольку в его основе лежит изъятие прибавочной стоимости из материального сектора, которая не превращается в прямые инвестиции. Перенакопление фиктивного капитала, образование и схлопывание финансовых пузырей запускает экономический кризис. Это сопровождается высвобождением факторов производства, в первую очередь — рабочей силы.

Снижение отдачи от капитала на фазе зрелости толкает капитал в области финансовых спекуляций. Финансовый кризис и падение нормы прибыли на фазе упадка ТУ толкают капиталиста на путь рискованных инвестиций в перспективные технологии, поскольку инновации позволяют повысить производительность труда, и увеличить прибыль даже при низком спросе. Обновление оборудования запускает экономику. Таким образом, интерес к инновациям возникает тогда, когда других, в том числе спекулятивных источников прибыли больше не осталось. Когда новая революционная технология становится базисной инновацией, максимальную прибыль получает капиталист, раньше остальных внедривший ее в производство. Норма прибыли будет расти до тех пор, пока конкуренция среди производителей, сумевших внедрить революционную технологию, будет низкой. Цикл технологического уклада вновь переходит в фазу широкого распространения (см. табл. 2.4).

Таблица 2.4. Экономическая цикличность в разрезе технологических укладов

	Начало ТУ		Широкое распространение ТУ	
	Рождение	Становление	Зрелость	Упадок
Безработица	высокая	средняя	низкая	высокая
Прирост капиталовложений в реальном секторе	низкий	высокий	высокий	низкий
Норма прибыли	падает	растет	замедляется	падает
Финансовый сектор	расширяется	сужается	сужается	расширяется

Ключевым положением данной теории является связь между фазой технологического уклада и динамикой нормы прибыли, которая оказывает влияние на инвестиционные решения владельцев капитала. Именно падающая рентабельность заставляет инвесторов сначала менять сферу приложения капитала, переводя его в ликвидную форму, а затем, когда источник накопления в финансовом секторе исчезает, активизировать процесс капиталовложений в НИОКР. Это обстоятельно позволяет пробиться и быть реализованными в промышленности тем новым технологиям, которые не удостоились бы внимания в фазе зрелости ТУ.

Эмпирическое подтверждение этой гипотезы можно обосновать на статистических данных об экономике США. Эта страна была выбрана нами потому, что в XX в. она заняла место гегемона в новом системном цикле накопления капитала и сегодня представляет собой центр всей современной модели капитализма. Исторические границы статистического анализа начинаются с 1930-х гг. в силу ряда обстоятельств. Во-первых, этот период характеризует окончательное становление американского СЦНК. Его приход на смену британскому циклу символизировал терминальный кризис, принявший форму Великой депрессии. Во-вторых, указанный период охватывает два полных цикла смены ТУ (4-й и 5-й), а также начальную фазу 6-го ТУ, что представляется достаточным для выявления закономерностей их смены. В-третьих, данные, необходимые для эмпирической проверки

изложенной выше теории, предлагаются американскими статистическими органами в достоверном виде и достаточном объеме лишь начиная с тридцатых годов XX в.

Ключевой фактор модели — норма прибыли, т. е. отношение прибавочной стоимости к совокупным затратам капитала. К. Маркс называл норму прибыли движущей силой и регулятором капиталистического производства: «Если норма прибыли понижается, то, с одной стороны, силы капитала направляются на то, чтобы отдельный капиталист посредством усовершенствованных методов и пр. понизил индивидуальную стоимость своих товаров ниже их средней общественной стоимости и получил таким образом при данной рыночной цене некоторую добавочную прибыль; с другой стороны, возникает спекуляция, которой благоприятствуют страстные поиски новых методов производства, новых применений капитала, новых авантур с целью обеспечить хоть какую-нибудь добавочную прибыль, независимую от общего среднего уровня ее и возвышающуюся над ним¹.

В силу действия тенденции выравнивания средней нормы прибыли капитал перемещается между отраслями, снижая инвестиции в отраслях с низкой рентабельностью и увеличивая их в высокорентабельных. Таким образом, падение производства и конкуренции в первом случае способствует росту нормы прибыли, а их повышение формирует предпосылки к ее снижению. Это не означает, что рентабельность капиталовложений будет одинаковой во всех отраслях экономики (монополизация, низкая мобильность капитала, правовые преграды и т. п. могут ограничивать переток капитала между отраслями), однако тенденция будет играть роль постоянно действующей силы, в противодействие которой вступают другие факторы.

Колебание нормы прибыли отражает цикличность капиталистического развития. Марксом было отмечено, что в общеэкономическом масштабе норма прибыли имеет тенденцию к понижению. Это происходит по причине

---

¹ Маркс К. Капитал. Т. III // К. Маркс, Ф. Энгельс. Полное собрание сочинений. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. С. 428.

технологического прогресса, который выражается в замещении ручного труда машинным. С одной стороны, рост органического строения капитала позволяет отдельному капиталисту снижать стоимость своего товара в конкурентной борьбе с другими производителями. Однако по причине того, что логика конкуренции заставляет каждого собственника капитала осуществлять такие шаги, для экономики в целом это означает постепенное иссушение источника прибавочной стоимости, т. е. наемного труда. Маркс говорил об этом процессе лишь как о тенденции, поскольку в противодействие ей вступает множество других факторов, позволяющих повысить норму прибыли (повышение нормы прибавочной стоимости (степени эксплуатации рабочих); снижение заработной платы ниже стоимости рабочей силы; удешевление элементов постоянного капитала; безработица, способствующая падению цены рабочей силы; внешняя торговля и пр.).

В контексте мир-системного анализа важной причиной падения нормы прибыли является повышение издержек. И. Валлерстайн относил к ним рост стоимости заработной платы (в результате усиления позиций рабочего класса в условиях материальной экспансии), рост налогообложения (в результате тенденции как капиталистов, так и рабочих требовать все более обширных государственных услуг), а также роста экологических издержек¹. Когда такие издержки достигают критических значений, наступает кризис мир-системы. Для его преодоления капиталисты гегемона, как было сказано выше, переводит капитал в ликвидную форму, что запускает процесс финансиализации, а также ищет способы сократить издержки ради повышения нормы прибыли. Периферия в этой ситуации играет важную роль: масштабное раскрестьянивание обеспечивает капитал центра большим объемом дешевой рабочей силы. Это позволяет снизить издержки на наем рабочей силы в том числе и в самих странах центра благодаря росту предложения на глобальном рынке труда. Перенос производств на периферию также позволяет сократить

---

¹ *Wallerstein I. Historical Capitalism with Capitalist Civilization. London; 1995, New York: Verso. P. 142–147.*

экологические издержки, а также налоговую нагрузку на капитал в силу слабости регулирующей роли периферийных государств. Таким образом, наличие периферии становится необходимым условием преодоления кризисов мир-системы.

В контексте технико-экономической цикличности падение нормы прибыли на фазе упадка ТУ подталкивает капитал к поиску новой технологии ради сокращения издержек. Так, внедрение машинной техники позволяет высвободить значительный объем рабочей силы, что увеличивает ее предложение и снижает цену. Революционная технология позволяет повысить отдачу в странах центра, в то время как производства, основанные на устаревших, трудозатратных технологиях, переносятся на периферию, где нет необходимости экономить трудовые ресурсы в силу их дешевизны.

Расчет нормы прибыли по экономике США в настоящем исследовании будет отталкиваться от уравнения

$$P' = \frac{m}{c + v}$$

где m — прибавочная стоимость, c — постоянный капитал, v — переменный капитал.

Значительная сложность в расчете нормы прибыли возникает при попытке подобрать наиболее близкие статистические эквиваленты к абстрактным политико-экономическим понятиям. Наиболее простой, лежащий на поверхности способ заключается в том, чтобы приравнять прибавочную стоимость к прибыли компаний, затем вычесть ее из величины общей выручки, а результат поместить в знаменатель дроби. Получившийся итог будет выражать собой микроэкономический и даже в некотором смысле бухгалтерский подход, который применяется преимущественно при анализе эффективности производства отдельной компании. Однако, когда речь заходит о масштабных общественных процессах, необходимо рассмотреть проблему нормы прибыли с макроэкономического ракурса.

Начнем с числителя дроби. Прибыль корпораций не является хорошим эквивалентом прибавочной стоимости, поскольку последняя представляет собой ту часть вновь созданной стоимости, которая не связана с компенсацией стоимости рабочей силы. Туда также включен банковский процент, расходы на маркетинг и рекламу, налоги на капитал и т. д. Таким образом, чтобы учесть все эти слагаемые, необходимо из чистого национального продукта (*net national product*, макроэкономический эквивалент понятия вновь созданной стоимости) вычесть расходы на оплату труда (*compensation*, включает в себя зарплаты и иные формы вознаграждения наемных работников, а также социальные взносы) т. н. «производительных работников». К ним относятся те, кто непосредственно связан с созданием новой стоимости. В марксистской литературе традиционно к этому понятию относят промышленность, сельское хозяйство, строительство, общественное питание, грузовой транспорт, связь и торговлю как продолжение процесса производства в сфере обращения. Поскольку понятие и состав производительного труда не может быть навсегда зафиксированным в связи с появлением новых отраслей и изменением роли старых, в данном исследовании мы обобщим его до всех отраслей экономики за вычетом финансового сектора, государственного управления и услуг социальной сферы.

Показатель постоянного капитала в знаменателе дроби можно получить из статистики объема основных средств, находящихся в собственности частного сектора. Соответственно, данная величина должна включать в себя только материальные активы, имеющие производственное назначение (*net fixed assets*). Стоимость жилой недвижимости и собственности, относящейся к деятельности сектора госуправления, а также финансового сектора из расчета данного показателя исключается. Важно заметить, что размер постоянного капитала не равен объему годовых инвестиций, поскольку станки, оборудование и здания имеют длительный период амортизации. Значит, в знаменатель дроби должен быть помещен совокупный накопленный объем капитала. Для учета амортизации берется его чистое, а не валовое значение.

Таким образом, амортизация оказывается учтенной как в числителе, так и в знаменателе дроби.

Кроме того, стоит принять во внимание проблему учета стоимости постоянного капитала, т. е. будет ли он приниматься в ценах его приобретения (historical cost) или же в текущих рыночных ценах (current cost). Поскольку, по Марксу, норма прибыли рассчитывается на авансированный капитал, то учтены должны быть уже понесенные расходы на приобретение основных фондов. Впрочем, эмпирические исследования показывают, что использование первого или второго варианта учета влияет лишь на количественные показатели нормы прибыли в конкретный момент времени¹. При этом общий тренд в долгосрочной перспективе не меняет направления.

Наконец, вторым слагаемым в знаменателе дроби становится совокупный годовой размер оплаты труда (compensation) производительных работников. Для расчета перечисленных показателей будут использованы данные статистики Бюро экономического анализа Министерства торговли США (bea.gov)

Итак, построим график нормы прибыли в экономике США, рассчитав его значение с 1930 гг. Для сглаживания среднесрочных колебаний применим к ней усреднение методом 9-летней скользящей средней (см. рис. 2.4).

---

¹ Roberts M. The US rate of profit revisited [Электронный ресурс] // Michael Roberts blog. URL: <https://thenextrecession.wordpress.com/2015/12/20/the-us-rate-of-profit-revisited/> (дата обращения: 25.11.2020); Li M., Xiao F., Zhu A. Long Waves, Institutional Changes, And Historical Trends: A Study Of The Long-Term Movement Of The Profit Rate In The Capitalist World-Economy // Journal of World-Systems Research, 2007. Vol. 13. N. 1. P. 33–54.

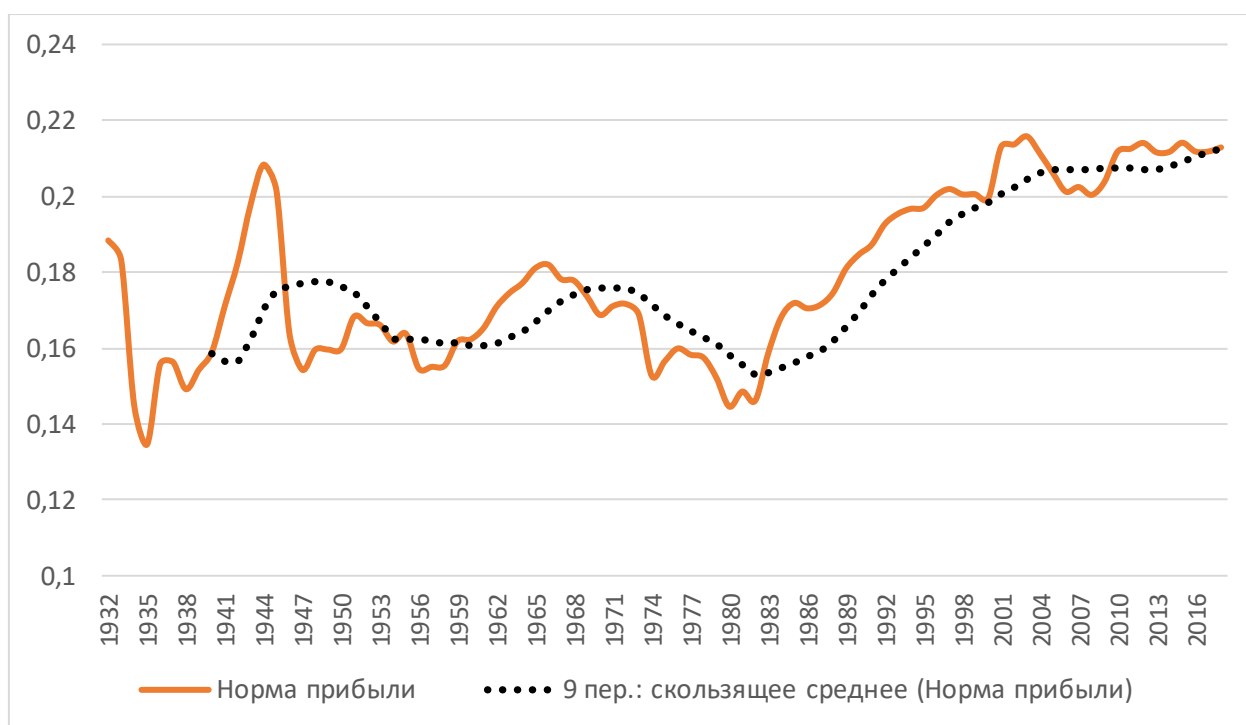

Рисунок 2.4 Норма прибыли в экономике США¹

Даже простая графическая иллюстрация динамики нормы прибыли показывает статистическую связь между этапом ТУ и трендом нормы прибыли: она имеет тенденцию к падению или стагнации на фазе начала технологического уклада и устремляется вверх в условиях широкого распространения ТУ. Также на графике можно обнаружить два ярко выраженных тренда: тенденция к понижению нормы прибыли с послевоенного времени и до начала 1980-х, которая сменяется стремительным ростом рентабельности американского капитала в 1980-е-2000-е гг. Причины и следствия таких резких колебаний мы рассмотрим в заключительной главе.

Проверим значимость выведенных ранее факторов технологической цикличности через модель логистической регрессии с использованием метода максимального правдоподобия. Модель предсказывает бинарную переменную: начало или широкое распространение ТУ.

¹ Источник: рассчитано авторами на основании данных Bureau of Economic Analysis: Fixed Assets <https://apps.bea.gov/iTable/iTable.cfm?ReqID=10&step=2>, Compensation of employees <https://apps.bea.gov/iTable/iTable.cfm?reqid=19&step=2#reqid=19&step=2&isuri=1&1921=survey>, Net national product <https://apps.bea.gov/iTable/iTable.cfm?reqid=19&step=2#reqid=19&step=2&isuri=1&1921=survey>

Таблица 2.5. Результаты эконометрического моделирования связи динамики нормы прибыли, безработицы, капиталовложений и доли финансового рынка в ВВП со стадиями технологических укладов

No. Observations	77
Pseudo R-squ.:	0,6591
Log-Likelihood:	−17,816
LL-Null:	−52,270
LLR	7,319e-15

	coef	Std err	z	P> z 	[0.025	0.975]
Constant_capital ²	−19,0808	7,024	−2,091	0,007	−32,847	−5,315
Prof. rate	9,1721	2,773	3,307	0,001	3,737	14,6
Unemployment	−30,8104	9,392	−3,280	0,001	−49,219	−12,402
Financial_share ³	13,0004	5,671	2,293	0,022	1,886	24,115

В результате модели было получено следующее уравнение.

$$Stage = \frac{1}{(1 + e^{-z})}$$

$$z = -19,0808Constant\_capital^2 + 9,1721Prof.rate - 30,8104Unemployment + 13,0004Financial\_share^3$$

где Stage — бинарная переменная (начало или широкое распространение ТУ).

Constant_capital — величина постоянного капитала в млрд долл.

Prof. Rate — норма прибыли в процентах.

Unemployment — уровень безработицы в процентах.

Financial_share — доля финансов в ВВП.

P-value во всех случаях ниже 5 %, что свидетельствует о значимости коэффициентов модели. Roc_auc_score в данной модели составляет 0,934, что говорит о том, что она классифицирует стадии корректно. Коэффициент корреляции между исходами и предсказанными вероятностями 0,7885.

Полученные результаты дают основание для следующих утверждений.

1. Влияние нормы прибыли на переменную — положительное. Чем выше норма прибыли, тем выше вероятность того, что экономика находится на стадии широкого распространения технологического уклада. Таким образом, побудителем технологической революции является не имманентное стремление частного собственника к инновациям, а падение нормы прибыли. Причем по-настоящему сильным мотивом становится только значительное снижение отдачи от капитала, которое возникает лишь на последней стадии упадка ТУ, когда оказывается исчерпан источник максимизации прибыли через финансовые спекуляции.

2. Высокая безработица напрямую выражает снижение деловой активности на начальных фазах технологического уклада. Занятость начинает расти вместе с переходом экономики на фазу широкого распространения ТУ. Это, в частности, показывает, что капитал находится в поиске новой технологии, которая позволит повысить производительность труда в условиях низкого спроса, т. е. решить проблему перенакопления без расширения совокупного спроса.

3. Чем меньше в экономике объем постоянного капитала, тем больше вероятность того, что ТУ находится в начальной стадии. Квадратичная зависимость свидетельствует о том, что накопление капитала растет в геометрической прогрессии вместе с освоением революционной технологии.

4. Как следствие, еще более быстрым темпом растет приток капитала на финансовые рынки, что выражается ускорением роста доли финансовых активов в ВВП страны и подтверждает тезис о финансиализации экономики по мере ее приближения к фазе упадка ТУ, где падение нормы прибыли сопровождается максимальным расширением доли финансового сектора в ВВП.

Для наглядности продемонстрируем зависимость целевой функции от зависимых переменных (см. рис 2.5 — 2.8).

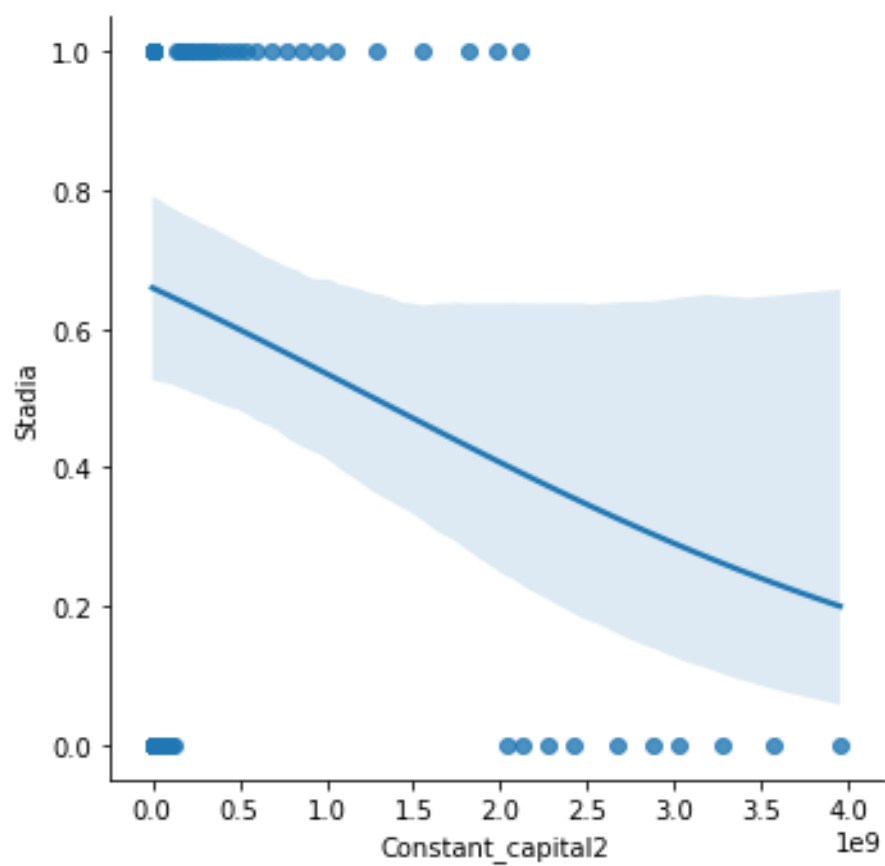

Рис. 2.5. Зависимость этапа ТУ от постоянного капитала

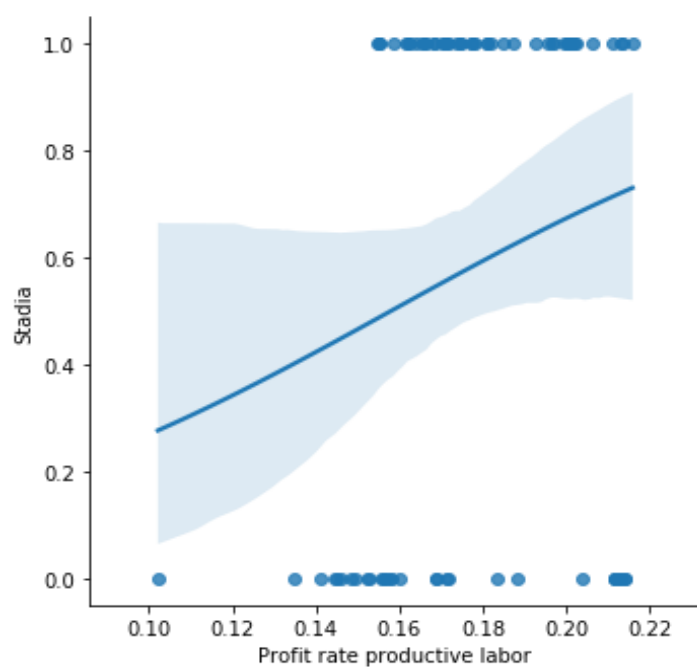

Рис. 2.6. Зависимость этапа ТУ от нормы прибыли (производительный труд)

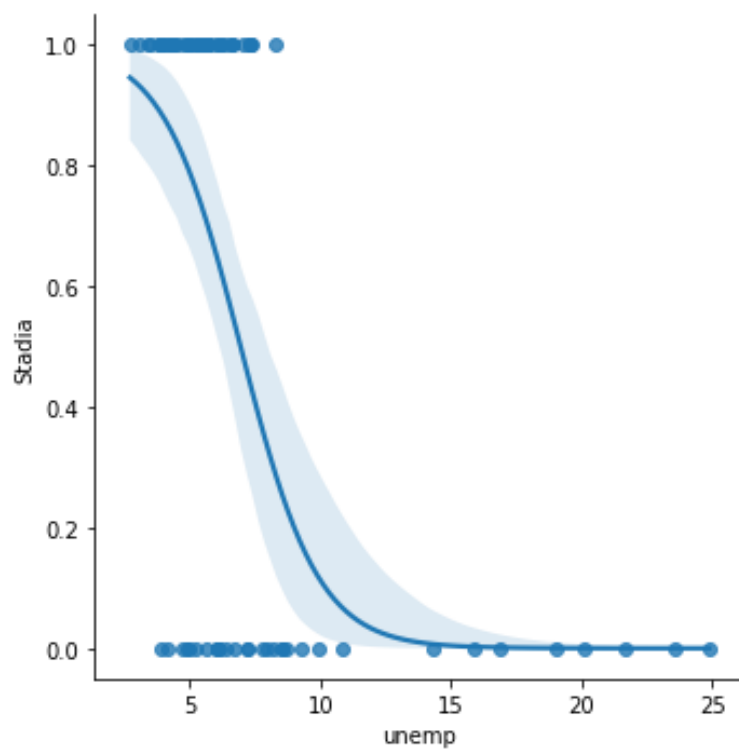

Рис. 2.7. Зависимость этапа ТУ от уровня безработицы (в проц.)

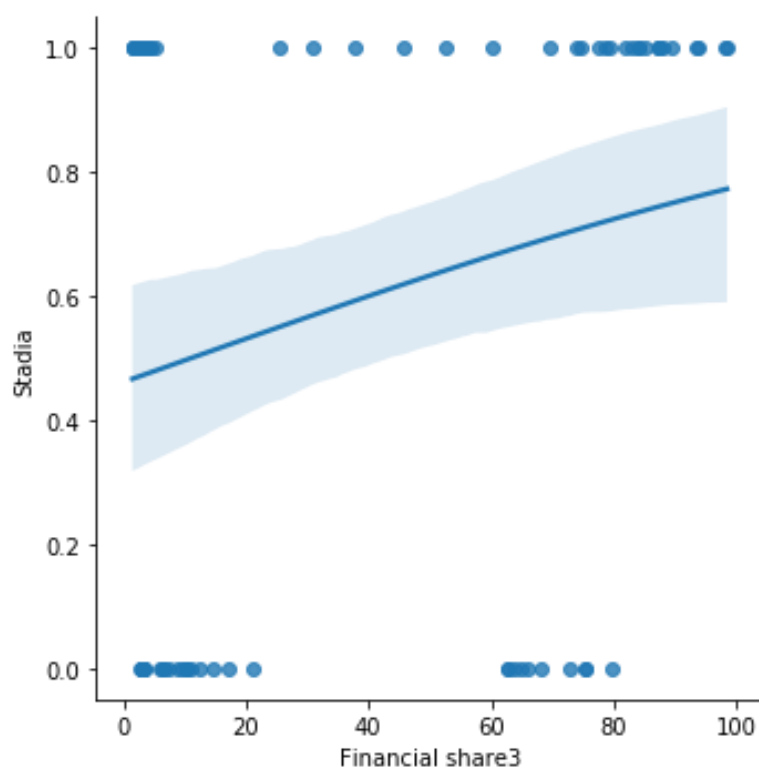

Рис. 2.8. Зависимость этапа ТУ от доли финансов в ВВП (в проц.)

В заключение второй главы следует сказать о продуктивности соединения различных теоретических подходов при изучении тенденций развития глобализационных процессов. В частности, концепция системных циклов накопления капитала Дж. Арриги, который использует подход мир-системного анализа, обосновывает наличие стран-лидеров глобализации. Описываются принципы, на которых они воплощают свою ведущую роль в мир-системе. Углубиться в закономерности данного процесса позволяет использование марксистского историко-материалистического подхода с обращением к цикличности технико-экономического развития. Концепция технологических укладов, вбирающая в себя положения теории экономической динамики выступила основой обнаружения цикличности усиления/ослабления международной торговли. Марксистский анализ динамики нормы прибыли, в свою очередь, позволил выявить фундаментальные факторы, влияющие на смену технологической основы производства. Применению выработанной теории для объяснения природы современного этапа деглобализации, а также попыткам дать прогноз развитию глобальной капиталистической мир-системы будет посвящен заключительный раздел настоящей работы.

Глава 3. Деглобализация и упадок американского системного цикла накопления

3.1. Деглобализация: новые вызовы мировой экономике

Первое упоминание понятия «деглобализация» датируется еще 1989 годом (по данным Google Scholar). Однако фундаментальное исследование этого вопроса впервые было проведено У. Беллоу, который в своей книге «Деглобализация — идеи для новой мировой экономики»¹ раскрывает внутренние противоречия новейшего этапа капиталистической глобализации, обвиняет страны капиталистического центра в жестоком подчинении периферии в интересах своих транснациональных корпораций и банков, проводит критический анализ наднациональных институтов (МВФ, ВТО, Всемирного банка и т. д.). Автор призывает мировое сообщество к фундаментальному сдвигу в сторону децентрализованной экономической модели, позволяющей всем странам ориентироваться на собственные интересы и ценности. Беллоу утверждает, что регулирующие институты ВТО находятся в кризисе² (чем были обеспокоены многие экономисты, включая, к примеру, Дж. Стиглица³), входящие в него государства во многом лишились экономического суверенитета. Распространение влияния ВТО и создаваемые ей благоприятные условия для глобальных корпораций подрывают перспективы устойчивого развития, социальной справедливости, равенства и улучшения условий окружающей среды⁴.

Частота обращений к понятию деглобализации возросла на фоне мирового кризиса 2007–2009 гг., а настоящий всплеск интереса к этой теме произошел в 2017 г., после того как власти в США пришел Д. Трамп, а кризис евроинтеграции привел к победе на референдуме сторонников выхода

---

¹ Bello W. Deglobalization — Ideas for a New World Economy (Global Issues). London: Zed Books, 2004.

² Ibid. P. 6.

³ Подробнее в 1-й главе данной работы.

⁴ Bello. Op. cit. P. 109–110.

Великобритании из ЕС. Далее, в 2019–2020 гг., в связи с усилением тенденций политической и экономической конфронтации между государствами, а также распространением пандемии коронавируса, которая парализовала туризм и трудовую миграцию, популярность темы деглобализации достигла пиковых значений (см. рис. 3.1).

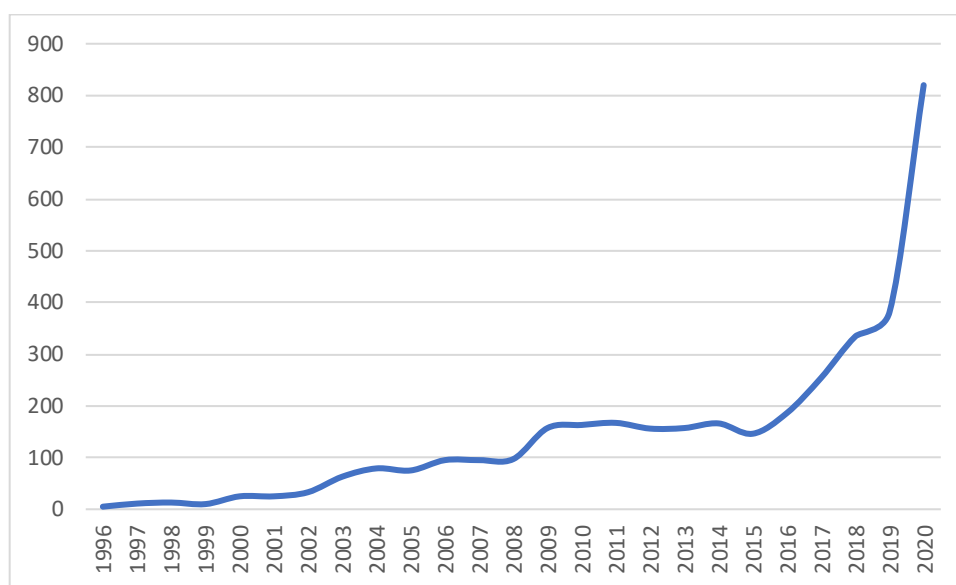

Рис. 3.1. Частота употребления понятия «деглобализация» в научных работах, учтенных в базе данных Google Scholar (за период до 1.12.2020 г. включительно)¹.

В первом приближении исследования разделились на два основных направления: одни трактовали происходящее как кризис рыночного глобализма, другие — как временный упадок торговой активности, свойственный фазам рецессии и стагнации традиционного экономического цикла. Взгляды исследователей также разделились относительно последствий происходящего в мировой экономике. Одни считают такой поворот событий попыткой общества преодолеть пороки глобализации, другие предрекают социальные катастрофы вследствие дезинтеграции мировой системы капитализма. Так, В. С. Паньков, долгое время изучающий международные

¹ Составлено авторами на основании данных Google Scholar. Поисковый запрос авторов в базе данных Google Scholar (ключевой термин: deglobalization, область поиска: название, аннотация и ключевые слова, дата обращения: 07.11.2020).

экономические отношения, в частности, вопросы международной безопасности, проблем глобализации и конкурентоспособности стран на мировой арене, в работе «2020 год — глобализация или деглобализация»¹, опубликованной в 2010 г., предполагает, что докризисная модель глобализации оказалась в кризисе и исчерпала себя. Довлеющее влияние национальных интересов делает неработоспособными механизмы наднационального регулирования и координации. Так, по мнению Панькова, G8 представляет собой дискуссионный клуб, в большей степени служащий удовлетворению интересов его членов, нежели мирового сообщества. При этом организация «не обладает даже минимальной инфраструктурой (постоянным секретариатом и т. д.) хотя бы для мониторинга (не говоря уже о контроле) за реализацией того, что записывается в итоговых документах саммитов. Никаких международно-правовых инструментов их реализации нет вовсе»². Документы, принимаемые на саммитах, представляют собой лишь декларации о намерениях. Тупик Дохийского этапа переговоров ВТО, по прогнозам автора, приведет к тому, что ведущие экономики будут без ведома организации проводить политику взаимных преференций с соседями в рамках региональных интеграционных группировок в ущерб открытости к остальному миру. Дальнейшее развитие событий, как показала история, происходило по еще более мрачному сценарию. Схожую позицию занимает и ряд других авторов³.

Недавно интересную позицию высказал представитель новой институциональной школы А. А. Аузан⁴ (автор и ранее отрывочно высказывал данную гипотезу в различных интервью). Он пишет о том, что глобализация — процесс не линейный, а волнообразный, и на данный момент мы наблюдаем

---

¹ Паньков В. С. 2020 год — глобализация или деглобализация? // Международная жизнь. 2010. № 5. С. 163–176.

² Там же.

³ Smick D. Could globalization crack up? // International Economy, fall 2012; Joshua Cooper Ramo. Globalism goes backward // Fortune. 2012. November 20; Jeffrey Rothfeder. The great unraveling of globalization // Washington Post. 2015. April 24.

⁴ Auзан А. А. The economy under the pandemic and afterwards // Population and Economics. 2020. Vol. 4. 4–12 pp. P. 6.

очередной отлив, а не закат явления, как пророчат многие другие исследователи, причем наблюдаемый сегодня отток начался еще после кризиса 2008–2009 гг. и привел к сокращению торговли, торговым войнам, санкциям и т. д. На данный момент мировая торговля находится в точке локального минимума, и вскоре мы выйдем на стадию возобновления и усиления глобализации.

Б. А. Хейфец¹, говоря о трансформации глобальных интеграционных процессов, указывает на два современных тренда — «экономический национализм» и (транс-)регионализацию. Первое касается расширения протекционизма в мировой торговле и иностранном инвестировании: количество принятых мер, носящих протекционистский характер, традиционно выше, чем направленных на торговую либерализацию, причем нетарифные меры (различные технические регламенты, критерии оценки соответствия и т. д.) зачастую попросту невыполнимы для малых и средних организаций и развивающихся государств; в регулировании ПИИ также наблюдались ограничительные настроения — число протекционистских мер начало расти, в то время как направленных на либерализацию — уменьшаться. В то же время автор на момент написания исследования предсказывал восстановление глобализации по указанным показателям после 2017 г. Отмечаемая автором тенденция к трансрегионализации позволяет создавать крупные торговые союзы (например, Транстихоокеанское партнерство (ТТП) или Всеобъемлющее экономическое и торговое соглашение (СЕТА)), внутри которых свобода торговли действительно велика, однако странам, не принадлежащим к данным объединениям, становится не под силу вступать в торговые отношения с участниками, что препятствует их развитию. Хейфец тем не менее пишет о своей уверенности в том, что трансрегионализм в дальнейшем не только не помешает глобализации, но и усилит ее.

---

¹ Хейфец Б. А. *Метаморфоза экономической глобализации*. М.: Институт экономики РАН, 2018. С. 10–27.

Существует и иная точка зрения на состояние интеграционных процессов после глобального финансового кризиса. По оценке В. В. Архиповой¹, в мире не наблюдается финансово-торгового разобщения. Аргументируется это тем, что, во-первых, показатели послекризисных времен некорректно сравнивать с пиковыми значениями экономики в состоянии перегрева. Во-вторых, экономика, в том числе мировая торговля, продемонстрировала восстановительный рост после 2010 г. В-третьих, после глобального финансового кризиса по инициативе стран «большой двадцатки» были приняты меры по реформированию наднациональных институтов мировой финансовой системы (например, принятие документа «Базель III»), что должно было привести к повышению стабильности данного института и восстановлению и укреплению международного сотрудничества². Однако посткризисный застой мировой экономики, названный «Великой стагнацией», продолжается уже достаточно долго, чтобы рассматривать его лишь как фазу среднесрочного цикла.

Во второй главе настоящей работы нами были приведены эмпирические данные о динамике расширения и ограничения глобализационных процессов через среднегодовое соотношение темпа роста мирового экспорта к темпу роста мирового ВВП. Наличие детализированной статистики о состоянии мировой экономики за последние десятилетия позволяет рассмотреть этот период эволюции глобального капитализма более подробно. Обратимся к динамике прямых иностранных инвестиций, взятых как процент от мирового ВВП. На графике четко видны циклические всплески инвестиционной активности в 2000, 2007 и 2015 гг. Расчет скользящей средней с восьмилетним сглаживанием показывает резкий рост инвестиционной активности в 1990-е гг., замедление роста в 2000-е гг. и постепенное снижение в посткризисный период (см. рис. 3.2).

---

¹ Архипова В. В. Мировая финансовая система: глобализация или деглобализация? // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 5. С. 40–49.

² Там же. С. 48.

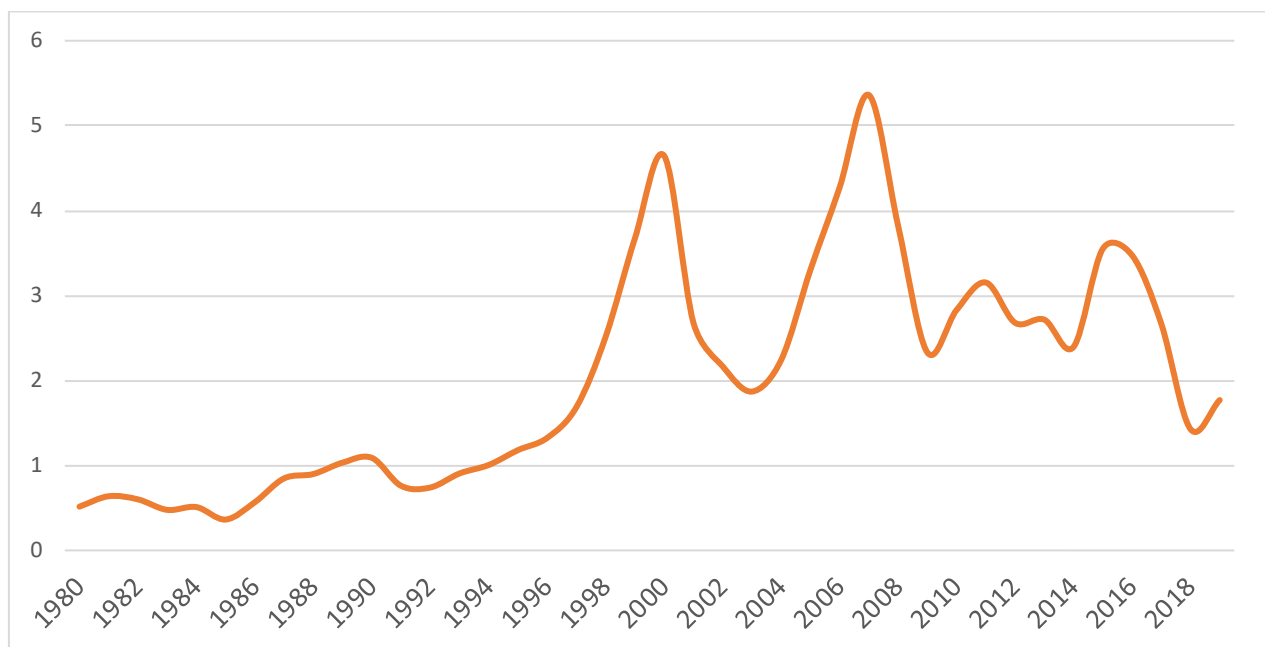

Рис. 3.2. Динамика ПИИ в процентах от номинального мирового ВВП в текущих ценах (1980–2019 гг.)¹

Относительные суммарные потоки товаров и прямых инвестиций также показывают отрицательную динамику. В 2007 г. данный показатель составлял 35,5 % ВВП. После резкого падения в 2009 г. до 28,8 % и восстановительного роста в 2010–2011 гг. интенсивность международных экономических связей продолжила снижение, достигнув отметки в 32,4 % в 2019 г. (см. рис. 3.3).

¹ FDI (% of GDP) [Электронный ресурс] // World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/BX.KLT.DINV.WD.GD.ZS> (дата обращения: 10.09.2020); FDI (% of GDP) [Электронный ресурс] // IMF. URL: <https://data.imf.org/?sk=9D6028D4-F14A-464C-A2F2-59B2CD424B85> (дата обращения: 10.09.2020).

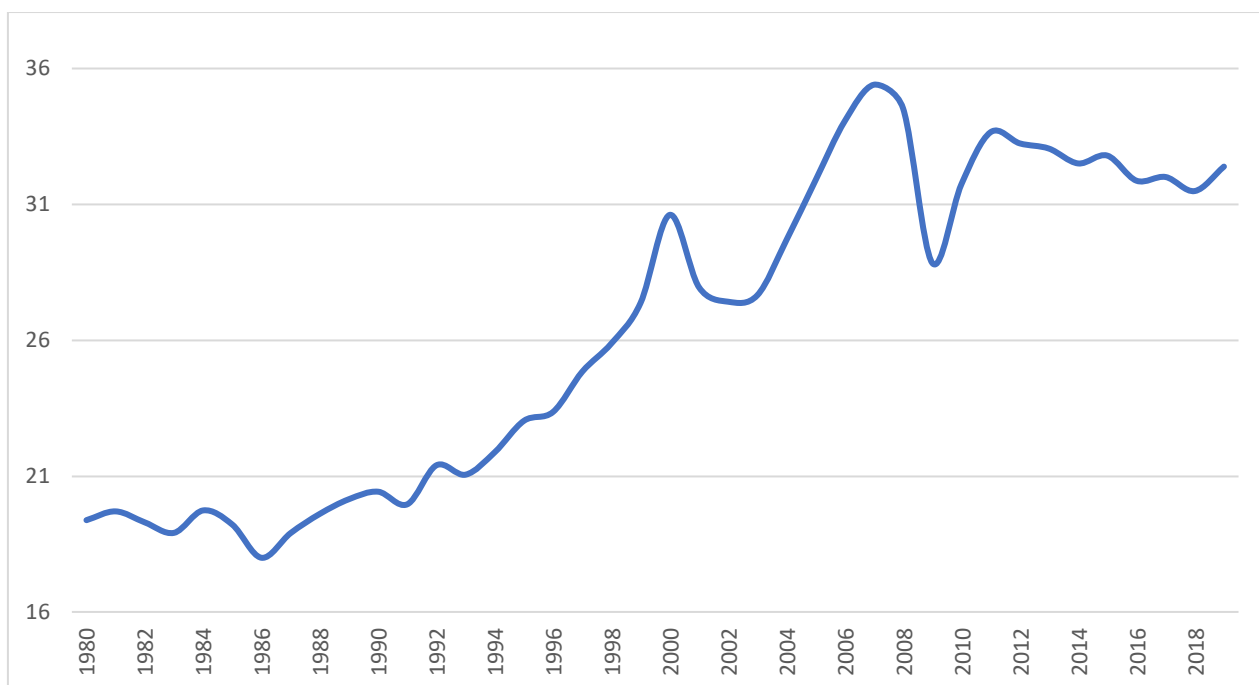

Рис. 3.3. Суммарные глобальные потоки товаров, услуг и капиталов в процентах к мировому номинальному ВВП в текущих ценах (1980–2019 гг.)¹

Снижение интенсивности мировой торговли и инвестиций отразилось и на динамике развития глобальных цепочек добавленной стоимости, роль которых в мировой экономике также сократилась в последние годы. Так, доля чистого национального производства в мировом ВВП в период с 1995 по 2007 г. упала с 84,9 % до 79 %. Однако после начала мирового финансового кризиса она возросла на 2 п. п. к 2017 г. Одновременно доля простых цепочек стоимости (с однократным пересечением таможенной границы товаром промежуточного потребления) упала на 1 п. п., а сложных — на 2 п. п.² О кризисе глобализации и пределах роста глобальных цепочек стоимости отмечают также С. А. Толкачев и А. Ю. Тепляков. Они доказывают

¹ FDI (% of GDP) [Электронный ресурс] // World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/BX.KLT.DINV.WD.GD.ZS> (дата обращения: 10.09.2020); Trade and tariff data [Электронный ресурс] // WTO. URL: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/statis_e.htm (дата обращения: 10.09.2020); Balance of payments [Электронный ресурс] // IMF. URL: <http://www.imf.org/en/Data> (дата обращения: 10.09.2020); Trade indicators [Электронный ресурс] // UNCTADstat. URL: https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx?sCS_ChosenLang=en (дата обращения: 10.09.2020).

² Global Value Chain Development Report 2019: Technological Innovation, Supply Chain Trade, and Workers in a Globalized World [Электронный ресурс] // World Bank, April 15, 2019. URL: <https://documents.worldbank.org/publication/documents-reports/downloadstats?docid=384161555079173489> (дата обращения: 20.11.2020).

невозможность дальнейшего роста эффективности производства за счет интенсификации международного разделения труда внутри ГЦС на примере высокотехнологичной химической и фармацевтической промышленности¹.

Упадок международных торговых и инвестиционных связей оказал влияние на динамику развития всего мирового финансового рынка. Можно отметить процесс финансовой дивергенции, который выражается в снижении трансграничной мобильности капитала, замедлении динамики глобальных рынков ценных бумаг, производных финансовых инструментов и кредитов. После начала мирового финансового кризиса сокращение объемов перемещаемых потоков финансового капитала оценивается в 10–20 %². Если говорить о финансовых транснациональных корпорациях, то в послекризисный период их международная деятельность сократилась, многие банки (впрочем, как и многие нефинансовые организации) предпочли сосредоточить свою активность внутри национальных экономик (например, в 2014 г. издание *Financial Times* сообщило, что один из крупнейших финансовых конгломератов в мире, HSBC Holdings plc, отказался от обслуживания клиентов более чем в 20 странах, а американский транснациональный инвестиционный банк и корпорация финансовых услуг Citigroup сократила свое присутствие в сфере розничных банковских услуг почти вдвое — до 24 стран³).

Период бурного роста объемов международного кредита в интервал между кризисами 2000 и 2008 гг. сменился его длительной стагнацией (см. рис 3.4). Прирост займов небанковского сектора снизился в 2–4 раза с 2009 по 2019 гг., а для банковского сектора находился в зоне отрицательных значений. В 2019 г. обозначился тренд на слабое восстановление рынка. На момент

---

¹ Толкачев С. А., Тепляков А. Ю. Мировая фармация за импортозамещение и против глобализации [Электронный ресурс] // Капитал страны. URL: https://kapital-rus.ru/articles/article/mirovaya_farmaciya_zh_importozameshenie_i_protiv_globalizacii/ (дата обращения: 15.03.2021).

² Архипова В. В. Мировая финансовая система: глобализация или деглобализация? // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 5. С. 40–49.

³ Arnold M., Hall C. Big Banks Losing Interest in Global Ambitions // *Financial Times*. 2014. October 20.

публикации исследования данные за 2020 г. еще недоступны, однако можно предположить, что локдаун, объявленный в большинстве стран мира на фоне пандемии коронавируса, вновь обрушит показатели международного кредитного рынка.

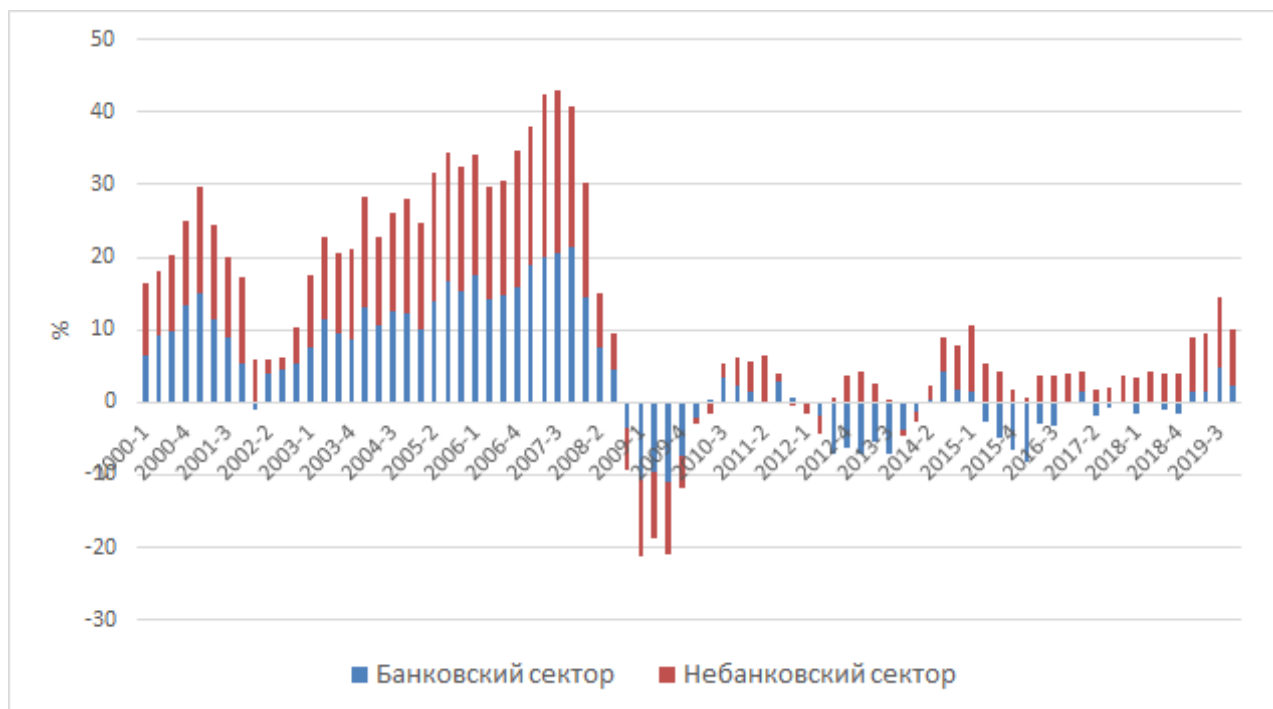

Рис. 3.4. Динамика глобального кредитного рынка (годовые темпы прироста по инструментам в долларах США в процентах к предыдущему году, поквартально: с I квартала 2000 г. по I квартал 2020 г.)¹

Деглобализация мировой экономики проявляется также в усилении протекционистской политики. По данным Global Trade Alert, в период с 2009 по 2020 гг. государствами было принято более 11,5 тысяч мер, направленных на регулирование внешней торговли, трансграничных потоков капитала и миграции. 3/4 из них носили протекционистский характер (см. рис. 3.5).

¹ Global Liquidity Indicators, Statistics [Электронный ресурс] // Bank for International Settlements (BIS). URL: <https://www.bis.org/statistics/gli.htm?m=6%7C333%7C690> (дата обращения: 17.08.2020).

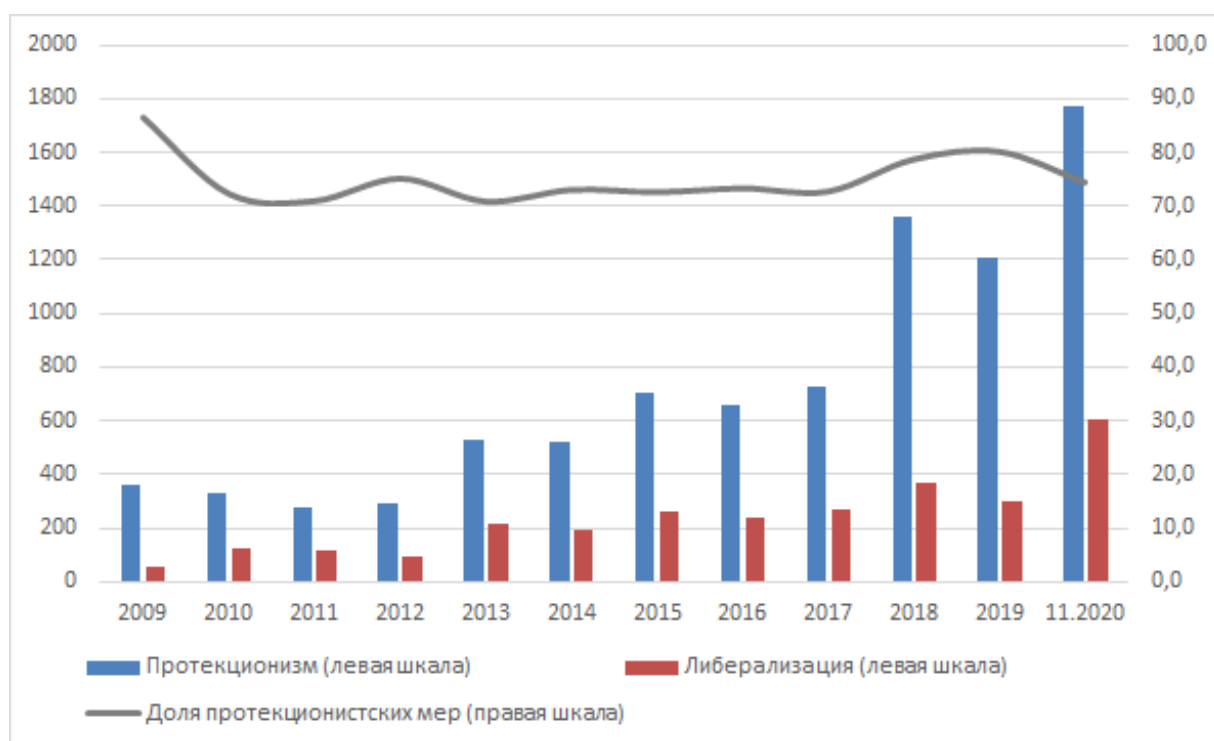

Рис. 3.5. Общее количество принятых государствами мер, регулирующих внешнюю торговлю, иностранные инвестиции и миграцию (2009–2020 гг.)¹

Наиболее популярными мерами защиты национального рынка являются субсидии местным производителям, квоты и тарифные ограничения (см. табл. 3.1).

Таблица 3.1. Принятые государствами меры по регулированию внешней торговли, иностранных инвестиций и миграции (2009–2020 гг.)²

Протекционистские меры	Кол-во мер
Субсидии (кроме экспортных)	2956
Торговые квоты	1541
Поддержка экспорта (в т. ч. экспортные субсидии)	1443
Тарифное регулирование	1080
Регулирование инвестиций, связанных с торговлей	450
Ужесточение регулирования госзакупок	318
Точечное лицензирование	306
Регулирование ПИИ	193
Регулирование миграции	162
Прочие меры	150

¹ Total number of implemented interventions [Электронный ресурс] // Global trade alert. URL: https://www.globaltradealert.org/global_dynamics (дата обращения: 12.12.2020).

² Там же.

Регулирование цен, включая дополнительные налоги и сборы	54
Контроль за движением капитала	49
Регулирование финансового рынка	9
Регулирование интеллектуальной собственности	4
Технические барьеры в торговле	2
Фитосанитарные барьеры в торговле	1

Главным проводником политики протекционизма являются Соединенные Штаты (см. табл. 3.2). Однако это обстоятельство не является лишь результатом политики Д. Трампа, основанной на агрессивной изоляционистской риторике. В ходе второго срока президентства Б. Обамы количество ограничительных мер в торговых и финансовых отношениях против стран Большой двадцатки возросло с 50 до 150 с 2013 до 2016 гг. Одновременно с этим другие страны G20 также проводили политику, противоречащую как интересам американских компаний, так и направленную против друг друга. Количество таких практик увеличилось за тот же период с 509 до 877¹. В наибольшей степени они заключались в установлении искусственных барьеров во внешней торговле: технических регламентов, добровольных стандартов, критериев оценок соответствия.

---

¹ Global Dynamics [Электронный ресурс] // Global trade alert, URL: http://www.globaltradealert.org/global_dynamics/day-to_1231 (дата обращения: 18.03.2018)

**Таблица 3.2. 10 стран, принявших наибольшее количество протекционистских мер
в период 2009–2020 гг.¹**

	Страна	Кол-во мер	Доля
1	США	984	6,6
2	Индия	723	4,9
3	Россия	559	3,8
4	Германия	523	3,5
5	Великобритания	515	3,5
6	Канада	470	3,2
7	Бразилия	442	3,0
8	Аргентина	419	2,8
9	Италия	403	2,7
10	Франция	360	2,4

Основным объектом ограничений является Китай. С помощью экономических барьеров страны западного мира пытаются препятствовать его экспансии на национальные рынки (см. табл. 3.3, 3.4).

Таблица 3.3. 10 стран, в отношении которых было принято наибольшее количество протекционистских мер в период 2009–2020 гг.²

	Страна	Кол-во мер	Доля мер
1	Китай	3466	3,22
2	Германия	2532	2,35
3	США	2377	2,21
4	Италия	2294	2,13
5	Франция	2259	2,10
6	Великобритания	2103	1,95
7	Республика Корея	2095	1,95
8	Япония	2012	1,87
9	Испания	1976	1,83
10	Нидерланды	1972	1,83

¹ Country contribution to interventions [Электронный ресурс] // Global trade alert. URL: https://www.globaltradealert.org/global_dynamics (дата обращения: 12.12.2020).

² Country exposure to interventions [Электронный ресурс] // Global trade alert. URL: https://www.globaltradealert.org/global_dynamics (дата обращения: 12.12.2020).

**Таблица 3.4. 10 отраслей, подвергнутых наибольшему влиянию
протекционистских мер в период 2009–2020 гг. в мире¹**

	Отрасль	Кол-во мер
1	Изделия из железа или стали	706
2	Автомобили, прицепы и полуприцепы; их части и принадлежности	459
3	Прочие готовые металлические изделия	451
4	Основные органические химические вещества	365
5	Фармацевтические продукты	295
6	Железо и сталь (прокат)	256
7	Прочие машины общего назначения и их части	249
8	Продукция мукомольного производства	247
9	Машины для горных работ, разработки карьеров и строительства, и их части	246
10	Электродвигатели, генераторы и трансформаторы и их части	243

Наиболее острая борьба развернулась в области черной металлургии. Больших успехов по завоеванию доминирования на этом рынке достиг Китай, который и стал главным объектом протекционистской политики. Более подробный комментарий этому вопросу будет дан в следующих параграфах настоящей работы.

Кризис региональной интеграции

Еще одним проявлением дезинтеграционных процессов в мировой экономике стал кризис региональной интеграции, в той или иной степени проявивший себя на всех континентах. Идея открытости и экономических свобод вызывает все больше критики внутри Европейского Союза. Евроскептики — как левые, так и правые — набирают все большую популярность во Франции, Германии, Венгрии, Польше, Италии. Апогеем кризиса евроинтеграции стал референдум о выходе Великобритании из ЕС. Такие тенденции являются следствием накопившихся экономических проблем Европы. Одна из них выражается в постоянном замедлении темпов

---

¹ Sectors affected most often [Электронный ресурс] // Global trade alert. URL: https://www.globaltradealert.org/global_dynamics (дата обращения: 12.12.2020).

экономического роста на протяжении нескольких десятилетий и, как следствие, сокращении роли ЕС в мировой экономике (см. рис 3.6.).

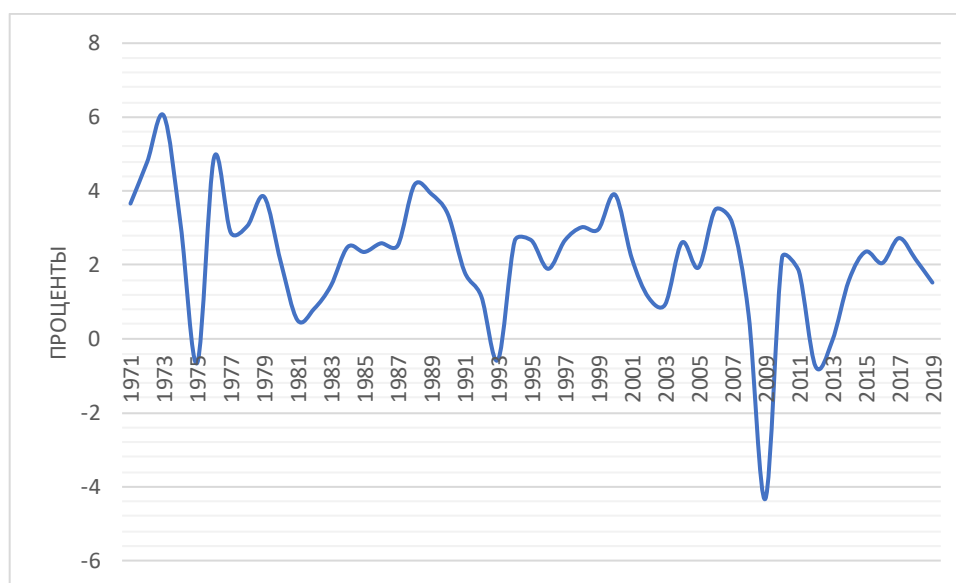

Рис. 3.6. Темпы роста ВВП Евросоюза в постоянных ценах 2010 г. (1971–2019 гг.)¹

Задача обеспечить рост конкурентоспособности экономики Европейского Союза ставилась неоднократно, в том числе в рамках Лиссабонской стратегии 2000 г. и стратегии «Европа 2020». Однако значительных успехов они не принесли. Очередная стратегия развития — «ЕС-24», рассчитанная на период с 2019 по 2024 г., ставит задачу борьбы с нелегальной миграцией и терроризмом, создания прочной и динамичной экономической базы, приема в ЕС новых членов, контроля климатических изменений². Проблема миграции сохраняет остроту уже почти десять лет: существующая социальная политика заставляет ЕС тратить на мигрантов все больше средств. Однако в условиях, когда миграция носит нетрудовой характер, вклад мигрантов в ВВП снижается настолько, что не окупает

¹ GDP growth (annual %) — European Union [Электронный ресурс] // World Bank national accounts data, and OECD National Accounts data files. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?locations=EU> (дата обращения: 15.11.2020).

² European Union priorities for 2019–2024 [Электронный ресурс] // EU. URL: https://europa.eu/european-union/about-eu/priorities_en (дата обращения: 15.11.2020).

понесенные издержки (например, вклад мигрантов Германии в ВВП составляет 0,2 %¹ в год).

Первоначальная идея введения единой европейской валюты заключалась в упрощении торговли и ускорении экономического роста. Однако в ряде случаев утрата экономического суверенитета не позволяет странам-членам ЕС принять достаточные меры для поддержки национальной экономики инструментами монетарной политики. Это становится причиной роста антиинтеграционных настроений в европейских странах, в том числе в форме массовых протестов, таких как выступления «желтых жилетов». В научной литературе это отразилось в направлении евроскептицизма, которое направлено на критику европейской интеграции (от провозглашения необходимости реформации институтов ЕС до открытого противостояния ему). Представители направления утверждают, что ЕС подрывает национальный суверенитет и национальное производство, при этом ввиду некой элитарности евроинтеграция лишена прозрачности и даже демократической легитимности. Также евроскептики подмечают, что ЕС высоко бюрократизирован и расточителен² и создает образ организации, которая обслуживает бизнес-элиту за счет рабочего класса³. Приверженцы евроскептицизма встречаются в партиях как левого, так и правого толка⁴, более того, одним из факторов роста количества праворадикальных партий с 2000-х гг. является именно ЕС-скептицизм⁵. Опросы Европейской комиссии

---

¹ *Фалыхов Р.* В Евросоюзе рассматривают стратегию развития до 2024 года [Электронный ресурс] // Газета.ru. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2019/06/11/12409141.shtml> (дата обращения: 15.11.2020).

² Euroscepticism or Europhobia: Voice vs Exit? [Электронный ресурс] // Jacques Delors Institute. November 2014. P. 4–6. URL: <http://www.institutdelors.eu/wp-content/uploads/2018/01/euroscepticismoreurophobia-bertoncini-koenig-ne-jdi-nov14.pdf>;

Alibert, Juliette. Euroscepticism: The root causes and how to address them [Электронный ресурс] // Heinrich Böll Foundation. October 2015. URL: https://eu.boell.org/sites/default/files/euroscepticism_the_root_causes_and_how_to_address_them.pdf.

³ *John FitzGibbon, Benjamin Leruth, Nick Startin* (editors). Euroscepticism as a Transnational and Pan-European Phenomenon. Taylor & Francis, 2016. P. 133.

⁴ Euroscepticism or Europhobia: Voice vs Exit? [Электронный ресурс] // Jacques Delors Institute. November 2014. P. 4–6. URL: <http://www.institutdelors.eu/wp-content/uploads/2018/01/euroscepticismoreurophobia-bertoncini-koenig-ne-jdi-nov14.pdf>

⁵ *Werts H., Lubbers M., Scheepers P.* (2013) Euro-scepticism and radical right-wing voting in Europe, 2002–2008: Social cleavages, socio-political attitudes and contextual characteristics determining voting for the radical right, *European Union Politics*, vol. 14 no. 2: 183–205.

показали, что доверие к институтам ЕС сильно упало после пиковых значений 2007 г.¹ В 2016 г. наиболее неблагоприятное отношение к ЕС сформировалось у Великобритании, Греции, Франции и Испании². По опросу 2019 г. было выявлено, что 68 % граждан поддерживают Европейский Союз, однако количество европейцев, не одобряющих направление экономической политики в ЕС в целом и в своих странах в частности, также выросло до 50 %³.

Не лучшие времена переживает и проект интеграции на постсоветском пространстве. Несмотря на периодические сообщения СМИ о желании той или иной страны присоединиться к ЕАЭС, объединение продолжает состоять из тех же пяти стран, которые в 2010 г. создавали Таможенный Союз. Несмотря на небольшой рост доли взаимной торговли между членами объединения относительно торговых отношений с внешним миром, она не поднималась выше 14 %⁴. Сами участники ЕАЭС не готовы отказаться от части экономического суверенитета. Так, не нашла поддержки идея создания валютного союза на базе ЕАЭС. Казахстан выступил резко против формирования наднациональных органов монетарного регулирования. Такая позиция выглядит обоснованной, учитывая тот факт, что воздействие на курс национальной валюты является важным инструментом регулирования экономики в целом и внешней торговли в частности, а значимость этого инструментария сильно возросла в период нарастания протекционистских тенденций в мире. Внутри ЕАЭС постоянно возникают расхождения во внешнеэкономических вопросах. Например, после введения Россией санкций

---

¹ European Commission. Directorate General for Communication; TNS Opinion & Social (2016). Standard Eurobarometer 84 Autumn 2015 Report: Public opinion in the European Union, Language version EN [Электронный ресурс] // European Union. P. 104–113. URL: <http://ec.europa.eu/COMMFrontOffice/publicopinion/index.cfm/ResultDoc/download/DocumentKy/72826>

² Euroscepticism on the rise across Europe as analysis finds increasing opposition to the EU in France, Germany and Spain, 7 June 2016. URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/europe/euroscepticism-rise-across-europe-analysis-finds-increasing-opposition-eu-france-germany-and-spain-a7069766.html>

³ Closer to the Citizens, Closer to the Ballot [Электронный ресурс] // European Union. URL: <https://www.europarl.europa.eu/at-your-service/en/be-heard/eurobarometer/closer-to-the-citizens-closer-to-the-ballot>

⁴ Рассчитано по:

http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/time_series/Pages/time_series_custom_union.aspx

против Украины другие страны союза продолжили вести бизнес с украинскими компаниями. Разнится и отношение к политике управления внутри союза: власти Беларуси высказывают желание сформировать прочные институциональные структуры, которые бы жестко регламентировали действия стран, Казахстан настроен противоположно — на либерализацию отношений, свободу действий стран-участниц¹. Несмотря на то, что к 2025 г. ожидается образование единого рынка газа, нефти и нефтепродуктов, окончательного соглашения по поводу регулирования такого сращивания между странами еще не достигнуто. Все еще не достигнут консенсус в отношении ценообразования по газу: Беларусь и Армения считают цену слишком высокой и предлагают переход к единому внутрисоюзному тарифу, близкому к внутрироссийской цене; нефтяной налоговый маневр 2018 г. оказался шоком для партнеров России по союзу; по мнению российских властей, это возможно лишь только после углубления интеграции; Казахстан настроен не предпринимать решений в краткосрочной перспективе, поскольку объединение рынка энергетики запланировано на неблизкий 2025 г., и сейчас следует разобраться с существующими проблемами свободной торговли².

Еще одна проблема ЕАЭС — отсутствие единой производственной стратегии, низкая производственная интеграция стран. ЕАЭС мог бы повысить конкурентоспособность, если бы двигался по пути кооперации и разделения труда. События на мировом рынке постоянно усиливают необходимость для государств-членов ЕАЭС (поодиночке или всех, как, например, в 2014 г. после резкого падения цен на нефть и сокращения возможностей импорта) обеспечивать свои потребности за счет собственной промышленной продукции. Однако координации в этом вопросе страны ЕАЭС не осуществляют, ориентируясь на удовлетворение интересов лишь национальных производителей в традиционных отраслях экономики. В результате

---

¹ Проблемы ЕАЭС и «зеленые» перспективы Кыргызстана [Электронный ресурс] // Евразийский Банк Развития. 4 июня 2020 г. URL: <https://eabr.org/press/news/problems-eaes-i-zelyenye-perspektivy-kyrgyzstana/> (дата обращения: 12.11.2020).

² Там же.

производства и экспортные наборы товаров для третьих стран во многом копируют друг друга, что стимулирует конкуренцию внутри ЕАЭС вместо сотрудничества и взаимного дополнения.

Вероятно, наиболее проблемным на данный момент по количеству существующих противоречий является зона свободной торговли UMSCA (ЮМСКА, бывшее НАФТА). До перезагрузки НАФТА возникали предположения, что союз может распасться ввиду неразрешимого конфликта протекционизма США (Д. Трамп на тот момент грозился введением множества тарифов на импорт, в особенности из Мексики) и политики открытости других участников объединения. После «перезагрузки» и переименования соглашения создалась видимость выхода на новый этап сотрудничества, несмотря на то, что Д. Трамп в довольно грубой манере буквально протолкнул необходимые США условия¹: 1) мексиканские и канадские компании вынуждены сократить импорт более дешевых азиатских и европейских промежуточных товаров для автомобилей; 2) мексиканские власти обязаны повысить зарплату рабочих в автомобильной промышленности (что может привести к росту отраслевой занятости в США и ее спаду в Мексике); 3) Канада и Мексика должны осуществить либерализацию национальных финансовых рынков, что важно для США как для крупнейшего мирового экспортера финансовых услуг, который стремится наращивать профицит в торговле по этому показателю; 4) Канада должна снизить барьеры для допуска компаний США на свой рынок сельскохозяйственной продукции.

Несмотря на то, что страны-участницы, казалось бы, пришли к согласию после долгих переговоров о создании USMCA, противоречия не только не исчезли, но и усугубились. Это касается и отношений между лидерами стран, и национальных настроений, и политических действий государств-участников:

---

¹ *Stuart O.* How Will the Shift from NAFTA to USMCA Affect the Auto Industry? [Электронный ресурс] // Industry Week. OCT 12, 2018. URL: <https://www.industryweek.com/the-economy/article/22026500/how-will-the-shift-from-nafta-to-usmca-affect-the-auto-industry>

Garsten E. USMCA Trade Deal Is Now In Force—And Mandating Higher Wages, More Paperwork [Электронный ресурс] // Forbes. Jul 1, 2020. URL: <https://www.forbes.com/sites/edgarsten/2020/07/01/usmca-is-now-in-force-mandating-higher-wages-more-paperwork/?sh=d4a19b82d7cf>

многочисленные выпады Д. Трампа в сторону президента Мексики; возобновление угроз со стороны США по поводу введения импортных пошлин; нарушение Мексикой условий договора (например, при официальном разрешении ввоза продукции, содержащей ГМО, введены ограничения на уровне магазинов по продаже таких товаров, а соблюдение повышения МРОТ пока никак не контролируется); отношение населения соседей США к американцам и их бывшему президенту Трампу (например, по опросу Nanos Research, 81 % канадцев считает, что границы между США и Канадой должны оставаться закрытыми в обозримом будущем, причем аналитики считают, что основным мотивом является отнюдь не пандемия¹); политические деятели Канады и Мексики призывают не радоваться принятому соглашению, а готовиться к противостоянию США, которые явно настроены на жесткое лоббирование национальных интересов².

Глобализация и пандемия

Пандемия коронавируса, разразившаяся в 2020 г., усилила дезинтеграцию мировой экономики. Локдаун, объявленный в большинстве крупных стран мира вместе с резким сокращением транспортной коммуникации между странами, значительно ограничил международное обращение товаров, услуг, капиталов и рабочей силы. На фоне эпидемии государства продолжили следовать политике изоляционизма, в первую очередь закрывая границы для въезда иностранных граждан: весной 2020 г. 175 новых ограничивающих мер, 117 из которых на сентябрь 2020 г. все еще действовали, а на данный момент — январь 2021 г. — действующими по-прежнему остаются 111³.

---

¹ A strong majority of Canadians think the Canada-US border should remain closed for the foreseeable future. National survey. Nanos Research. July, 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://823.910.myftpupload.com/wp-content/uploads/2020/07/2020-1676-Globe-June-Omni-US-Border-Populated-Report-with-Tab.pdf> (дата обращения: 16.11.2020)

² Североамериканская зона свободной торговли в новых реалиях [Электронный ресурс] // Евразийские стратегии. 10.07.2020. URL: <http://eurasian-strategies.ru/media/insights/severoamerikanskaja-zona-svobodnoj-torgovli-v-novyh-realijah/> (дата обращения: 12.11.2020).

³ IT <https://www.mapmap.org/covid19> (дата обращения: 12.09.2020);

Кризис глобализации вынужден констатировать и журнал «Экономист», майский номер которого в 2020 г. вышел под заголовком «Прощай, глобализация! Опасный соблазн самодостаточности». Центральная статья номера, однако, избегает слова «деглобализация», по традиции журнала сочиняя собственный неологизм «slowbalisation». Он означает замедление глобализации, начало которого авторы относят к 2008 г., когда после падения Lehman Brothers мировая торговля и инвестиции упали относительно ВВП. Пандемия коронавируса не внесла ничего нового в этот процесс, ведь «когда вирус еще только начал распространяться в провинции Ухань, американские таможенные тарифы находились на рекордно высоком уровне с 1993 года, а США и Китай начали делить между собой высокотехнологичные производства»¹. «Экономист» констатирует рост изоляционистских настроений на фоне мировой пандемии. Премьер-министр Индии объявил нации о начале эры экономической самостоятельности. В Японии государственное субсидирование могут получить только те компании, которые осуществят репатриацию производства; официальные лица ЕС говорят о «стратегической автономии» и создают фонд для покупки пакетов акций фирм; власти США призывают компанию Intel строить заводы у себя дома. В выводах статьи звучат ноты пессимизма: «не дайте себя обмануть, говоря, что торговая система с нестабильной структурой государственного контроля будет гуманнее или безопаснее. Более бедным странам будет сложнее наверстать упущенное, а в богатых странах жизнь будет дороже, причем бесплатные блага могут полностью исчезнуть»². По прогнозам конференции ООН по торговле и развитию, COVID-19 сократит потоки прямых иностранных инвестиций еще на 30–40 %.

Гущин Е. С., Зайцев Ю. К., Кнобель А. Ю., Латыпова Ю. Р., Пономарева О. В., Пыжиков Н. С., Флегонтова Т. А. Мониторинг актуальных событий в области международной торговли № 48 // ВАВТ. 2020, 30 апреля.

¹ Goodbye globalization // The Economist. The world economy. 2020. May 16. P. 7.

² Ibid.

На конец 2020 г. экономическая ситуация продолжает оставаться неустойчивой. Такой поворот событий, по прогнозам «Экономиста», ослабит восстановление, сделает экономику уязвимой и распространит геополитическую нестабильность¹. С начала 2020 г. повсеместно наблюдается закрытие заводов, магазинов, компаний, у поставщиков сократились каналы связи с покупателями, спрос резко упал. Отдельные отрасли не только держатся на плаву, но и пользуются повышенным спросом (как, например, продовольственные товары, бытовая и компьютерная техника), однако общее наблюдаемое и ожидаемое в будущем влияние пандемии на мировую торговлю оценивается резко отрицательно. Международные поездки сильно ограничены, пассажиропоток снизился в среднем на 60 %². Мобильность рабочей силы упала до рекордно низкого уровня. При этом правительство США объявило о принятии новых мер, регулирующих рынок труда, вынося предложения по сокращению иммиграции, чтобы снизить безработицу.

Американское правительство с 2019 г. пытается изменить правила закупок медицинских товаров, перенаправляя спрос на внутренний рынок, а также убеждает крупные компании строить заводы на территории США. Опрос членов Global Business Alliance³, опубликованный весной 2020 г., показал: 77 % ожидают, что страна станет более протекционистской с точки зрения трансграничных слияний и поглощений, государственных закупок и торговли ввиду пандемии. Исходя из опроса ТНК 2020 г., примерно 30 % международных компаний рассчитывают диверсифицировать свои глобальные цепочки поставок, а 15 % ожидают, что они станут менее зависимыми от китайских поставщиков в результате пандемии⁴.

---

¹ Goodbye globalization // The Economist. The world economy. 2020. May 16.

² Ibid.

³ Survey Findings Underscore the Importance of Global Connections for America's Economic Recovery [Электронный ресурс] // Global Business Alliance. URL: <https://globalbusiness.org/pressrelease/survey-findings-underscore-the-importance-of-global-connections-for-america-s-economic-recovery> (дата обращения: 14.09.2020).

⁴ Inbound Investment Survey [Электронный ресурс] // Global Business Alliance. URL: https://globalbusiness.org/dmfile/GlobalBusinessAlliance_InboundInvestmentSurveyFindings_May2020.pdf (дата обращения: 14.09.2020).

Развитие пандемии сказалось также на международных потоках капитала. Китайский венчурный капитал в США сократился до 400 млн долларов в первом квартале этого года (это на 60 % ниже уровня двухлетней давности)¹. Крупнейший американский пенсионный фонд (California Public Employees' Retirement System — Calpers) получил распоряжение прекратить покупку китайских акций. По прогнозам Всемирного Банка и OECD ТНК могут сократить свои трансграничные инвестиции на треть в 2020–2021 гг.² В 2020 г. страны, на долю которых приходится 59 % мирового ВВП, ужесточили правила, связанные с операцией иностранного инвестирования (в дальнейшем эта ситуация может усугубиться ввиду необходимости выплачивать новые долги за счет ограничения трансграничного потока капитала), в частности, правительства Германии, Италии, Австралии, Испании и Индии предъявляют дополнительные требования при проверке иностранных инвестиций.

Так, правительство Германии 20 мая 2020 г. приняло поправку, которая в основном является реакцией на пандемию COVID-19: она расширяет перечень важнейших секторов, которые будут подлежать проверке при привлечении ими ПИИ. В частности, к ним отнесен сектор здравоохранения (правительство может отменять приобретения инвесторами долей в немецких компаниях)³. В Австралии поправки, внесенные 5 июня 2020 г., потребуют от иностранных инвесторов получать одобрение правительства перед вложением средств в «бизнес, затрагивающий сферу национальной безопасности». Правительству также будут предоставлены новые полномочия отклонять инвестиционные соглашения и принудительно отменять ранее одобренные сделки, если они будут сочтены угрозой национальной безопасности. Новый

---

¹ Globalization set back // The Economist. The world economy. May 16, 2020.

² Transnational Corporations: Investment and Development [Электронный ресурс] // UNCTAD. Volume 27, 2020, Number 2. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/diaeia2020d2_en.pdf (дата обращения: 14.09.2020).

³ Germany to Tighten National Foreign Direct Investment Screening Regime in Light of COVID-19 [Электронный ресурс] // Morgan Lewis. May 22, 2020. URL: <https://www.morganlewis.com/pubs/2020/05/germany-to-tighten-national-foreign-direct-investment-screening-regime-in-light-of-covid-19-cv19-If#:~:text=Germany%20is%20taking%20several%20legislative,to%20the%20government's%20FDI%20ordinance> (дата обращения: 10.09.2020)

правовой режим следует за введенными в марте того же года временными изменениями в правилах инвестирования, призванными защитить пострадавшие корпорации, которые, как считается, подвержены риску поглощения иностранным капиталом в условиях экономических последствий пандемии коронавируса¹.

Всемирная торговая организация в апреле 2020 г. выпустила доклад, содержащий в себе прогнозы по динамике торговли и ВВП в 2020–2021 гг. на фоне пандемии². Эксперты разработали два сценария: в оптимистичном прогнозе торговля в 2020 г. будет сокращена на 13 %, в пессимистичном — на 32 %, а в 2021 г. ожидается восстановление торговых связей (при правильных политических мерах). В июньском докладе³ настроения в отношении торговли улучшились, поскольку собранные на тот момент данные показали движение по оптимистичному сценарию. Затем, осенью, стало очевидно, что подобное оживление экономики летом было вызвано активным производством и продажей товаров, необходимых при борьбе с коронавирусом, а также резким ростом экономической активности в период ослабления и/или снятия различных ограничений торговли. В своем октябрьском отчете⁴ ВТО была вынуждена констатировать, что время восстановления мировой торговли не определено — если сокращение торговли пока что показывает меньшие темпы, чем ожидалось, то падение ВВП оказалось существеннее прогнозов, а новая волна пандемии и непредсказуемые будущие меры правительства не позволяют прогнозировать восстановление торговых связей в 2021 г.

---

¹ Further Tightening of Germany's Foreign Investment Control Regime [Электронный ресурс] // M&A Review. May 18, 2020. URL: <https://ma-review.com/further-tightening-of-germanys-foreign-investment-control-regime/> (дата обращения: 10.09.2020).

² Trade set to plunge as COVID-19 pandemic upends global economy [Электронный ресурс] // WTO. URL: https://www.wto.org/english/news_e/pres20_e/pr855_e.htm (дата обращения: 09.11.2020).

³ Trade falls steeply in first half of 2020 [Электронный ресурс] // WTO. URL: https://www.wto.org/english/news_e/pres20_e/pr858_e.htm (дата обращения: 09.11.2020).

⁴ Trade shows signs of rebound from COVID-19, recovery still uncertain [Электронный ресурс] // WTO. URL: https://www.wto.org/english/news_e/pres20_e/pr862_e.htm#:~:text=World%20merchandise%20trade%20volume%20is,below%20the%20pre%20crisis%20trend (дата обращения: 09.11.2020).

Интересно, что все отчеты ВТО за 2020 г. при анализе трендов мировой торговли упоминают лишь влияние пандемии и очень размыто некие политические решения, которые тоже были ответом на распространение COVID-19. Тем не менее мы можем наблюдать, что тенденция к деглобализации сформировалась ранее и пандемия стала лишь тяжелым, но не меняющим тренды дополнением к сложившемуся положению дел. Пандемия обострила видимые противоречия и оголила скрытые, но давно существующие, проблемы. Их описанию и систематизации посвящен следующий параграф настоящего исследования.

3.2. Противоречия неолиберальной глобализации 1980–2010-х

Мировой финансовый кризис 2007–2009 гг. стал отражением переломного момента в истории капитализма XX–XXI вв.: в одном историческом периоде совпали два экстремума экономико-технологической цикличности: системных циклов накопления капитала и технологических укладов. К 2000-м гг. пятый технологически уклад достиг фазы зрелости. Этап его широкого распространения ознаменовался резким ростом нормы прибыли американского капитала. Феномен повышения отдачи от инвестиций в условиях масштабного применения революционной технологии объясняется закономерностями, описанными во второй главе работы. Вкратце напомним, что пятый технологический уклад исторически совпадает с фазой финансовой экспансии американского системного цикла накопления капитала. Таким образом, революционные технологии этого ТУ — микроэлектроника, средства коммуникации — были подчинены, во-первых, интересам фиктивного капитала, позволяя его владельцам извлекать спекулятивную прибыль на финансовых биржах. Во-вторых, капитал центра получил возможность многократно усилить эксплуатацию периферии мировой экономики через создание глобальных цепочек добавленной стоимости, развитие которых стало возможным также благодаря технологиям 5-го ТУ.

Однако открытым остается вопрос, почему именно пятый уклад на фазе широкого распространения сопровождается особенно бурным ростом нормы прибыли. Для сравнения, в границах широкого распространения четвертого уклада норма прибыли возрастала с 16 % (1951 г.) до 18,1 % (1965 г.), на 14 % больше в сравнении со значениями 1951 г. А на этапе широкого распространения пятого уклада максимальный прирост нормы прибыли составил уже 25 %.

Чтобы объяснить причины столь быстрого роста нормы прибыли, необходимо принять во внимание, что границы пятого технологического уклада совпадают с этапом финансовой экспансии американского системного цикла накопления капитала, начавшегося в 1970-е гг. со «стагфляции» или, по терминологии Дж. Арриги, после так называемого сигнального кризиса. В политическом контексте эту ступень в развитии капитализма характеризуют неолиберальные реформы 1980-х, связанные с именами М. Тэтчер и Р. Рейгана. Американский экономист Д. Котц выделяет в них три составные части: либерализация, приватизация и стабилизация. В государственной политике США они выражались в следующих шагах: 1) отказ от кейнсианской политики управления спросом со стороны правительства; 2) дерегулирование основных отраслей промышленности; 3) дерегулирование финансового сектора; 4) ослабление экологического надзора и защиты труда; 5) ограничение антимонопольной политики; 6) приватизация госсобственности; 7) отмена или урезание программ социального обеспечения; 8) снижение налогов на бизнес и богатые домохозяйства¹. В области международных экономических отношений неолиберализм выражается в снятии барьеров при трансграничном перемещении товаров, услуг, капитала и денег². По оценке Котца, такая политика, теоретически оформленная в виде концепции «экономики предложения», нацелена на приоритетное удовлетворение

---

¹ Kotz D. M. The Rise and Fall of Neoliberal Capitalism. Cambridge, Massachusetts & London, England, 2015. P. 14.

² Kotz D. M. Globalization and neoliberalism // Rethinking Marxism, 2002. Vol. 14. No. 2. P. 64.

интересов инвестора и продавца в ущерб наемного работника и покупателя и выражает собой «полное господство капитала над трудом»¹. Переход к политике неолиберализма был обусловлен падением нормы прибыли в силу роста органического строения капитала и повышения трудовых, налоговых и экологических издержек американского капитала (см. параграф 2.2)

Эмпирически ущемление интересов трудящегося населения можно проследить по таким показателям, как повышение неравенства, замедление роста реальных зарплат основной массы работников, заметный рост доходов высшего менеджмента корпораций и т. д.. Эти вопросы будут более подробно рассмотрены ниже.

Финансиализация

Д. Котц, давая общую характеристику неолиберальному этапу в развитии капитализма, определяет его как соседство двух тенденций: финансиализации и глобализации экономики. Первая выражается в «возрастающей роли финансовых мотивов, финансовых рынков, финансовых субъектов и финансовых институтов в функционировании национальной и международной экономики»². Гипертрофированное развитие финансового сектора можно проиллюстрировать, например, резким ростом мирового рынка долговых ценных бумаг, который в период с 1970 по 2009 гг. увеличился с 0,07 % до 34,5 %, т. е. более, чем в 500 раз (см. рис. 3.7).

---

¹ Kotz D. M. The Rise and Fall of Neoliberal Capitalism. Cambridge, Massachusetts & London, England, 2015. P. 43.

² Kotz D. M. The Rise and Fall of Neoliberal Capitalism. Cambridge, Massachusetts & London, England, 2015. P. 33

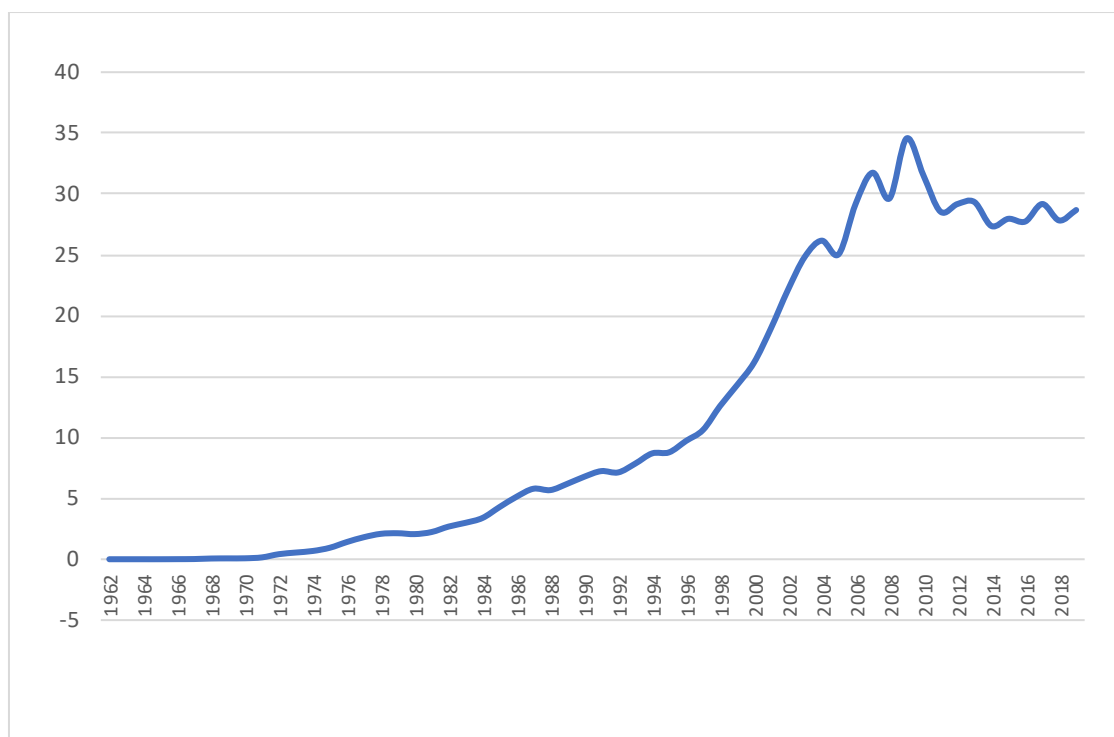

Рис. 3.7. Отношение мирового рынка долговых ценных бумаг к мировому номинальному ВВП (%)¹

Падение нормы прибыли, вызванное ростом органического строения капитала, а также трудовых, экономических и налоговых издержек капитала центра (см. параграф 2.2), стимулирует собственников переводить активы в ликвидную форму, направляя на финансовые рынки для спекулятивного заработка. Данный эффект усилился тогда, когда в 2000-е гг. финансовой экспансии американского СЦНК пятый технологический уклад перешел от фазы зрелости к упадку.

Р. С. Дзарасов отмечает, что кризис «стагфляции» 1970-х стал переломным моментом в послевоенной истории капитализма: «Именно тогда восстановление экономик Западной Европы и Японии привело к обострению международной конкуренции в такой степени, что началось долгосрочное падение доходности от вложений капитала в производство. Произошло не что иное, как перенакопление производительного капитала. Оно является

¹ Источник: составлено авторами на основании данных GDP (current US\$) [Электронный ресурс] // World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD>; Summary of debt securities outstanding [Электронный ресурс] // Bank for International Settlements. URL: https://stats.bis.org/statx/srs/tseries/DEBT_SEC2/Q.3P.3P.1.1.C.A.A.TO1.A.A.A.A.I?t=c1&c=&p=20201&i=1.9

относительным — товары нужны людям, но они не могут их купить. «Стагфляция» стала результатом ограничений, накладываемых на рост капиталистической экономики эксплуатацией труда»¹. Проблема перенакопления в капиталистической экономике традиционно разрешается через кризисы перепроизводства. Однако в последней трети XX в. их оказывается недостаточно для ее преодоления². Развитие глобализации в форме масштабных инвестиций преимущественно в слаборазвитые азиатские экономики с дешевой рабочей силой — т. е. экспорт капитала — стало «клапаном», через который западные страны сбрасывали «внутреннее давление», создаваемое на их внутренних рынках. Однако эта мера не является достаточной, поскольку прямые инвестиции в периферийные экономики способствуют формированию там экспортоориентированных моделей экономики. Большая экспортная выручка и положительный торговый баланс таких стран становятся источником портфельных инвестиций, которые возвращаются в центр³. Роль второго «клапана» начинает играть финансовый рынок, который абсорбирует капитал, не нашедший прибыльного приложения в производстве, а также капитал, пришедший из экономик периферии. Дополнительную инерцию финансовому рынку придает стагнация реальных доходов населения (о ней речь пойдет ниже), которая приводит к расширению рынка потребительского кредитования.

В последние десятилетия большая часть рыночных операций носит сугубо финансовый характер и не связана с товарообменом. В частности, это можно определить через соотношение мирового товарооборота и торговли финансовыми инструментами. Так, в 2019 г. мировой оборот торговли товарами и услугами составил более 54 трлн долл.⁴ При этом объем торгов на

---

¹ Развитие в современном мире. Возможен ли национально ориентированный капитализм? // Экономика мегаполисов и регионов. 2013. № 1 (48). С. 8–35 (с. 15).

² См. подробнее: *Fligstein N.* (2001). *The Architecture of markets: An economic sociology of twenty-first century capitalist societies*. Princeton: Princeton University Press.

³ См. подробнее: *Комолов О. О.* Отток капитала из России в контексте мир-системного анализа // Экономическое возрождение России. 2018. № 2. С. 128–140.

⁴ Imports of goods, services and primary income (BoP, current US\$) [Электронный ресурс] // World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/BM.GSR.TOTL.CD>

фондовом рынке составил 60,4 трлн долл.¹, дневной объем торговли биржевыми фьючерсами — 7 трлн долл.², а дневной оборот внебиржевой торговли валютой — 8,3 трлн долл.³

Финансовый рынок, не создавая новой стоимости, играет роль инструмента ее распределения. Переток капитала на финансовый рынок позволяет сгладить проблему перенакопления. Однако это отвлечение носит лишь временный характер. Как отмечает А. И. Колганов, «обнаружение того факта, что это все же перенакопленный капитал, который к тому же, будучи отвлечен на финансовый рынок, не участвует в создании прибыли, оказывается отсроченным. Длительность этой отсрочки определяется длинным плечом операций с фиктивным капиталом, который, кроме того, меняет ипостаси, формируя производные финансовые инструменты, оборот которых, по всей видимости, вообще не связан с движением исходных активов, а уж тем более — с движением действительного капитала»⁴.

Наиболее ярким проявлением финансиализации стало активное участие классических промышленных компаний в торговле на финансовом рынке. Например, General Electric в 2015 г. половину прибыли получила от осуществления различных финансовых операций⁵. А прибыль компании «Форд» от финансовой деятельности в 2011, 2012 и 2014 гг. вдвое превышала прибыль от продажи автомобилей. Если в период с 1981 по 2001 г. она составляла 30–40 %, то к финансовому кризису 2007–2009 гг. этот показатель достигал 60 %⁶. Именно этот период сопровождался стремительным ростом промышленности периферийных экономик. Россия, Китай, Индия, Бразилия,

---

¹ Stocks traded, total value (current US\$) [Электронный ресурс] // World bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/CM.MKT.TRAD.CD>

² Exchange-traded futures and options, by location of exchange [Электронный ресурс] // Bank for International Settlements. URL: <https://stats.bis.org/statx/srs/table/d1?f=pdf>

³ Turnover of OTC foreign exchange instruments, by country [Электронный ресурс] // Bank for International Settlements. URL: <https://stats.bis.org/statx/srs/table/d11.2>

⁴ Колганов А. И. Эволюция денег как момент эволюции финансового капитала // Вопросы экономики. 2019. № 8. С. 67–84 (72).

⁵ Financial Statements [Электронный ресурс] // General Electric. URL: https://www.ge.com/sites/default/files/GE_AR_2015_Statements_of_Earnings.pdf p.1

⁶ Колганов А. И. Эволюция денег как момент эволюции финансового капитала / Вопросы экономики. 2019. № 8. С. 67–84 (73).

Мексика получали высокую экспортную выручку. Часть ее направлялась на западные финансовые рынки в форме портфельных инвестиций, разогревая их. Таким образом, одним из источников прибыли от финансовых операций была прибавочная стоимость, созданная на периферии, а наполнением финансовых пузырей, лопнувших в годы мирового финансового кризиса, стали в том числе активы, ушедшие за рубеж в виде оттока капитала.

Кроме того, перераспределение прибавочной стоимости в пользу стран центра через финансовые каналы выражается в доминировании на рынке финансовых услуг (см. рис. 3.8).

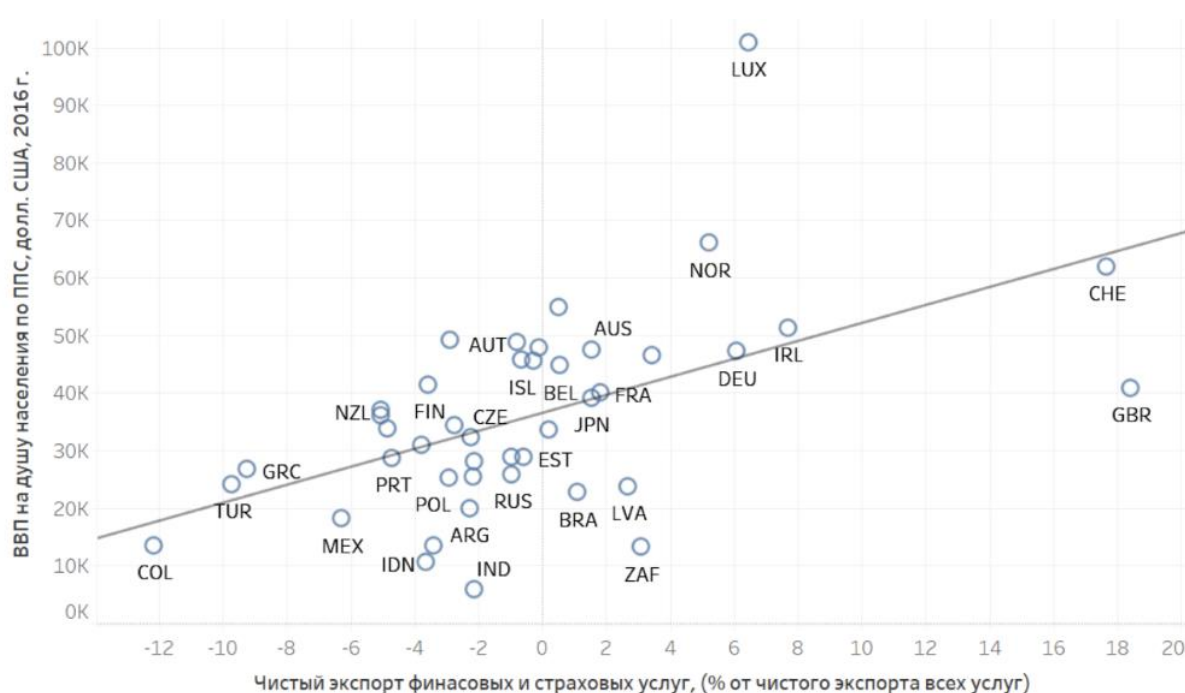

Рис. 3.8. Соотношение чистого экспорта финансовых и страховых услуг к ВВП на душу населения¹

¹ Данные: Всемирный банк, <https://data.worldbank.org/indicator/BX.GSR.INSF.ZS>, <https://data.worldbank.org/indicator/BM.GSR.INSF.ZS>, Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), https://stats.oecd.org/index.aspx?DataSetCode=PDB_LV, CHE — Швейцария, GBR — Великобритания.

В указанном на Графике 3.8 наблюдении представлены 43 страны из списка ОЭСР. В результате построения модели было получено следующее уравнение регрессии:

$$Finance.balance = -6,80358 + 0,17844 \times GDP2016$$

где *Finance.balance* — это чистый экспорт финансовых и страховых услуг (% от чистого экспорта всех услуг).

GDP2016 — ВВП на душу населения по ППС в 2016 г.

P-value в данном случае равен 0,000275, это значительно ниже 5%-ного уровня значимости, что говорит о значимости переменной *GDP2016*. Таким образом, чем богаче страна, тем большую долю в ее экспорте занимают финансовые услуги, которые, как правило, направляются в более бедные страны, где уже доля импорта таких услуг крайне высока.

Монополизация и системный финансовый риск

Д. Котц также отмечает рост глобальной конкуренции в эпоху неолиберализма, выделяя следующие причины: «Во-первых, быстрый рост торговли изменил положение крупных корпораций. Крупные корпорации, которые ранее работали на относительно контролируемых олигополистических внутренних рынках, теперь как на внутреннем, так и на внешнем рынках сталкиваются с конкуренцией со стороны других крупных корпораций, базирующихся за рубежом. В США уровень проникновения импорта в отечественное производство в 1950 г. рынок составлял всего 2 %; он вырос до 8 % в 1971 г. и до 16 % к 1993 г., что в 8 раз больше, чем в 1950 г.»¹.

Обострение глобальной конкуренции оказало значительное влияние как на структуру управления и инвестиционную политику самих компаний, так и на устройство всего рынка в целом. Угроза извне стимулирует движение

---

¹ Kotz D. Globalization and Neoliberalism // Rethinking Marxism. 2002. Volume 14, Number 2, Volume 12, Number 2. P. 75.

национального капитала по пути централизации¹, ускоряя процесс накопления. В экономике США сокращение внутренней конкуренции иллюстрируется ростом индекса ННІ, который в 2013 г. превысил отметку в 1000 пунктов, которая является пограничной при переходе рынка из конкурентного в состояние олигополии². В условиях финансиализации особенно сильная централизация происходила в банковском секторе. В результате массовых слияний и поглощений количество банков в американской экономике сократилось с 14,5 до 4,6 тыс. в период с 1985 по 2019 г.³, а доля активов, принадлежащих 5 крупнейшим банкам, составила 46,2 % в 2017 г. Это породило проблему системного финансового риска, исходящего от системно значимых финансовых компаний (too big to fail — слишком большие, чтобы допустить их банкротства). Возникает опасность коллапса всей финансовой системы, обусловленного взаимосвязанностью ее составных частей, которая может проявляться в одновременном падении банков одной страны, группы стран или всего мира. Чтобы не допустить такого развития событий, государство вынуждено оказывать терпящим бедствие банкам масштабную финансовую помощь, выступая в роли страхового агента частного капитала. Так, в период с 2007 по 2010 г. в США объем такой помощи составил 16,1 трлн долл.⁴, выделенных в форме поддержки ликвидности, рекапитализации банков, предоставления госгарантий по банковским обязательствам. Государство прибегало также к

---

¹ Комолов О. О. Монополизация как фактор кризисных процессов и трансформации современной рыночной экономики: монография. М.: Инфра-М, 2018.

² Increased corporate concentration and the influence of market power [Электронный ресурс] // Barclays, 2019, 05. Р. 4. URL:

https://www.investmentbank.barclays.com/content/dam/barclaysmicrosites/ibpublic/documents/our-insights/MarketPower/Barclays-ImpactSeries5-MarketPower_final_2.4MB.pdf

³ Commercial Banks in the U.S. [Электронный ресурс] // FRED. URL: <https://fred.stlouisfed.org/series/USNUM>

⁴ Webster S. Opportunities Exist to Strengthen Policies and Processes for Managing Emergency Assistance [Электронный ресурс] // United States Government Accountability Office. URL: http://ru.scribd.com/doc/60553686/GAO-Fed-Investigation#outer_page_144 (дата обращения: 25.10.2020). Р. 131.

насильственной национализации терпящих бедствие финансовых учреждений¹.

Однако такие меры сводят регулирующую роль государства к работе «пожарной команды» капитализма, ликвидирующей последствия кризиса. После преодоления острой фазы кризиса национализированные предприятия вновь передаются в частную собственность, и статус-кво восстанавливается. В конечном счете активы остаются в распоряжении того же класса крупных собственников, лишь меняя принадлежность тому или иному его клану.

Как правило, такое развитие событий, отмечает Дж. Стиглиц, сопровождается существенным урезанием госрасходов, в том числе в рамках политики жесткой экономии. Это сказывается на качестве социального обеспечения, ведет к усилению неравенства и тормозит экономический рост². В конечном счете за последствия кризисов расплачиваются налогоплательщики, что создает явление приватизации прибылей и социализации убытков. Эта проблема стала темой широкого обсуждения, наибольшей критике подвергался такой инструмент, как экстренная финансовая помощь компаниям со стороны государства (bail-out). «Если налогоплательщики вносят вклад в спасение компаний от банкротства, они должны быть вознаграждены за счет будущей прибыли за то, что принимают на себя такой риск», — считает американский сенатор Б. Сандерс³. Кроме того, государственная политика спасения банков порождает «моральный риск» — подрывает рыночную дисциплину. Банки получили возможность покупать любые активы: если они принесут прибыль — компания повысит свою долю на рынке, если приведут к убыткам — она будет спасена регуляторами. Такое

---

¹ Laeven L., Valencia F. Resolution of Banking Crises: The Good, the Bad, and the Ugly [Электронный ресурс] // IMF, Washington, August 2012. URL: <http://www.imf.org/external/np/seminars/eng/2012/fincrisis/pdf/ch13.pdf> (дата обращения: 25.08.2020). Р. 9.

² Stiglitz J. Inequality Is Holding Back the Recovery [Электронный ресурс] // The New York Times. 19.01.2013. URL: <https://opinionator.blogs.nytimes.com/2013/01/19/inequality-is-holding-back-the-recovery/> (дата обращения: 29.10.2020).

³ Sanders B. Billions for Bailouts! Who Pays? [Электронный ресурс] // The Huffington Post. 05/25/ 2011. URL: http://www.huffingtonpost.com/rep-bernie-sanders/billions-for-bailouts-who_b_127882.html (дата обращения: 29.10.2020).

развитие ситуации чревато негативными последствиями в виде бизнес-циклов с большей амплитудой, с растущим ущербом и учащением кризисов. Чувство собственной безнаказанности владельцев системообразующих банков породило новое явление в современном обществе, которое бывший сенатор США Т. Кауфман охарактеризовал как «too big to jail»¹ — слишком большие, чтобы попасть в тюрьму. Он отметил, что за последние годы ни один крупный банкир, чья сомнительная финансовая деятельность привела к тяжелому финансовому кризису, не понес наказания. Сегодня банковский монополистический капитал фактически наделен политической властью. Органы государственной власти зачастую не инициируют преследование крупных банкиров по закону, поскольку это может привести к существенным потрясениям на рынке.

Деформация научно-технического прогресса

Финансиализация и монополизация экономики США оказали значительное влияние на поведение корпораций. Старые традиции, сложившиеся в послевоенные годы, были разрушены свершившейся «контрреволюцией акционеров». Она означала смену приоритетов в развитии компании: вместо долгосрочного роста компании главной целью ее существования стала максимизация стоимости акционерного капитала, т. е. удовлетворение интересов акционеров². Для достижения этих целей компании направляли значительные ресурсы в ущерб инвестициям в основной капитал, вложениям в НИОКР, зарплатам наемных работников. С начала 1980-х гг. отношение средств, направляемых на чистую выплату дивидендов и чистый обратный выкуп акций, к внутренне накапливаемым фондам нефинансовых

---

¹ Kaufman T. Why DOJ Deemed Bank Execs Too Big To Jail [Электронный ресурс] // Forbes. 29.07.2013. URL: <http://www.forbes.com/sites/tedkaufman/2013/07/29/why-doj-deemed-bankexecs-too-big-to-jail/> (дата обращения: 25.10.2015).

² Lazonick W. and O'Sullivan M. Maximizing shareholder value: a new ideology for corporate governance // Economy and society. 2000. Vol. 29. No. 1. P. 13–35. P. 14.

корпораций США постоянно росло и в 2007 г. превысило отметку в 150 %¹. Это говорит о том, что на непроизводительные нужды компании расходовали не только собственные средства, но и привлекали заемный капитал.

Исследования показывают, что финансиализация оказала негативное влияние на производительность труда американских компаний². Так, привлечение бизнесом заемного капитала до 1980-х гг. положительно влияло на производительность труда. После того как компании стали все бóльшую долю заемных средств направлять на финансовый рынок для извлечения спекулятивного дохода, эта зависимость стала отрицательной. Кроме того, эконометрический анализ констатирует обратную связь между ростом финансового сектора и производительностью наиболее технологически развитых, передовых отраслей, таких как производство летательных аппаратов, информационных технологий³.

В этом случае проявляют себя два эффекта. Первый, описанный во второй главе, сводится к тому, что переход технологического уклада на этап широкого распространения сопровождается ростом отдачи от капитала, которая начинает падать по мере приближения ТУ к фазе упадка. Здесь расширение финансового сектора отвечает на запросы инвесторов, которые ищут место прибыльного приложения накопленного капитала и со все большим трудом находят его в производстве. Второй эффект связан с тем, что резкий рост нормы прибыли становится следствием не столько внедрения в производство революционных технологий для сокращения трудозатрат, сколько применения технических новшеств ради усиления финансовых спекуляций и эксплуатации труда, что особенно важно на стадии финансовой экспансии в системном цикле накопления капитала.

---

¹ Дзарасов Р. С. Современный капитализм: центр, периферия и «Великая стагнация» [Электронный ресурс] // Московский экономический форум, 2017. URL: <https://me-forum.ru/upload/iblock/4c1/4c1a614571d5606ec7dd2ca3f0a69183.pdf>. С. 2.

² Donald Tomaskovic-Devey, Ken-Hou Lin, and Nathan Meyers. Did financialization reduce economic growth? // Socio-Economic Review. 2015. 1–24. P. 14.

³ Cecchetti S., Kharroubi E. Why does financial sector growth crowd out real economic growth? [Электронный ресурс] // BIS Working Papers No 490. URL: <https://www.bis.org/publ/work490.pdf>. P. 17.

Научно-технический прогресс, замещение ручного труда машинным в условиях конкуренции приводит к росту органического строения капитала и снижению нормы прибыли. Противодействовать ее снижению может сокращение расходов компаний на рабочую силу совместно с относительным увеличением трудоемкости производства. Данную мысль можно проиллюстрировать преобразованием формулы Маркса по расчету нормы прибыли (см. параграф 2.2), содержащей в числителе показатель нормы прибавочной стоимости (m/v), а в знаменателе — органического строения капитала (c/v):

$$p' = \frac{m/v}{\frac{c}{v} + 1}$$

где p' — норма прибыли, m — прибавочная стоимость, c — постоянный капитал, v — переменный капитал.

Движение американского капитализма по такому пути выразилось в форме экспорта капитала в густонаселенные страны с бедным населением, сосредоточенным преимущественно в сельской местности. Как отмечала Р. Люксембург, развитие капитализма происходит за счет поглощения и уничтожения элементов традиционного аграрного хозяйства натурального типа: «процесс накопления имеет тенденцию ставить всюду на место натурального хозяйства простое товарное хозяйство, на место последнего — капиталистическое хозяйство: он стремится осуществить во всех странах и отраслях абсолютное господство капиталистического производства как единственного и исключительного способа производства», — отмечала Люксембург¹. Целями в этой борьбе являются непосредственный захват важнейших источников ресурсов, высвобождение рабочей силы из

---

¹ Люксембург Р. Накопление капитала. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1924. С. 294.

традиционной экономики, включение рабочей силы в мировой рынок труда и отделение сельского хозяйства от промышленности¹.

Логика развития капитализма последних десятилетий выглядит парадоксально. Технический прогресс в эпоху неолиберализма вылился в расширение архаичных, отсталых экономических отношений и усиление эксплуатации труда, нередко принимающей грубые, раннеиндустриальные формы. Массовое «раскрестьянивание» азиатских народов обеспечило промышленность притоком дешевой рабочей силы. По оценке Р. Фримена, это привело к падению капиталовооруженности труда в мире на 61 %², а китайская промышленность стала развиваться во многом по экстенсивному пути, вовлекая все большую долю аграрного населения в производственные процессы, основанные на трудозатратах технологиях. В силу того, что преимущество низкооплачиваемого труда проявляется только в условиях его масштабного применения, американские инвесторы в целом снизили интерес к новым, трудосберегающим технологиям. Это дает объяснение несоответствиям между резким ростом нормы прибыли экономики США, которая пришлась на этап широкого распространения 5-го ТУ, и динамикой инвестиций в информационные технологии, которые составляли ядро этого уклада. Стагнацию капитальных нежилищных инвестиций, которые включают покупку оборудования, программного обеспечения и коммерческой недвижимости, иллюстрируют данные рис. 3.9.

---

¹ Там же. С. 260.

² *Freeman R.* The new global labor market // Focus, University of Wisconsin–Madison Institute for Research on Poverty. Vol. 26, № 1. Summer. Fall. 2008. P. 2.

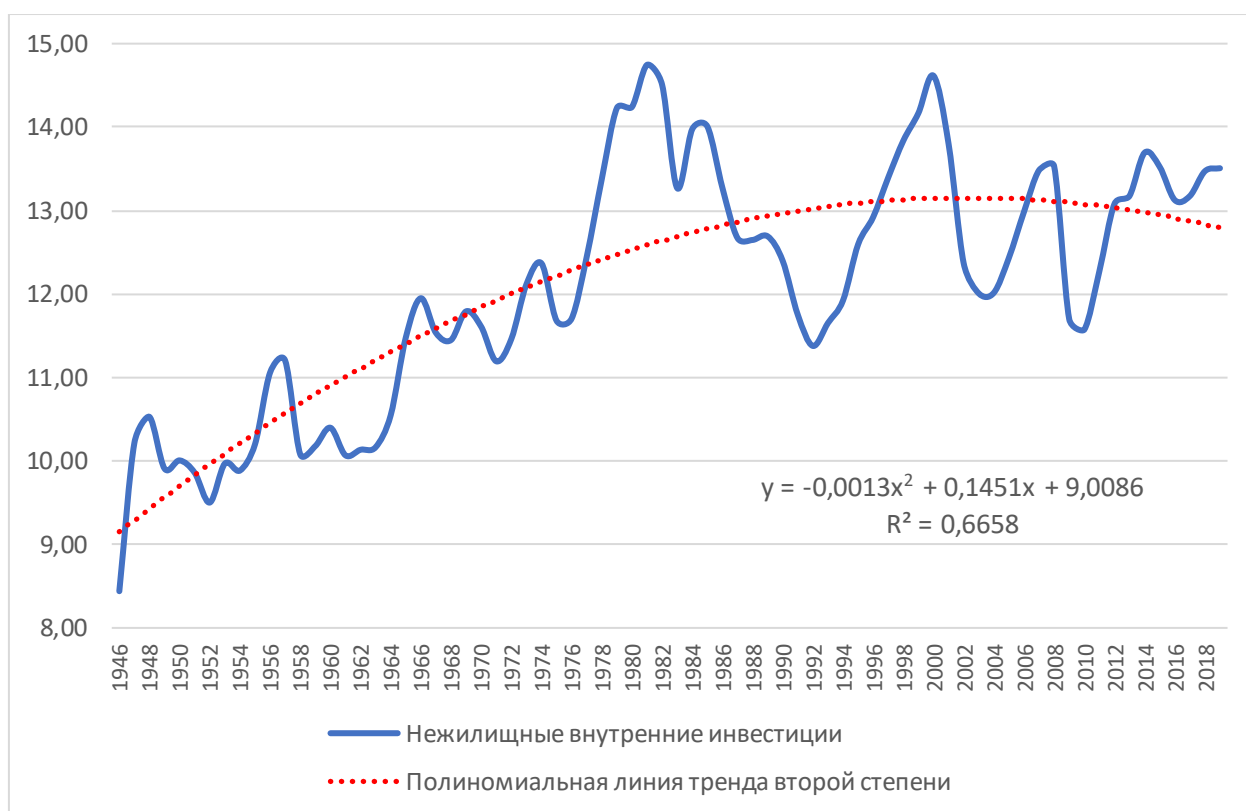

Рис. 3.9 Доля нежилых инвестиций в ВВП США (%)¹

Доля таких капиталовложений в ВВП росла высоким темпом в послевоенные десятилетия. Начиная с 1980-х рост фактически прекращается, за исключением второй половины 1990-х. Однако эта экспансия завершилась образованием крупного финансового пузыря, ставшего причиной «кризиса доткомов». Это дает основания относить такие инвестиции к спекулятивным стратегиям инвесторов, имеющим слабое отношение к инновациям.

Американское государство также не проявляет большого интереса к инвестициям в высокотехнологичные секторы экономики. Бюджетные расходы на научно-исследовательские изыскания в период с 1970 по 2018 г. сократились с 2 % до 0,6 % ВВП. Это можно было бы объяснить окончанием холодной войны и ограничением военных расходов США, однако в секторах

¹ Источник: составлено авторами на основании данных National Income and Product Accounts // Bureau of Economic Analysis, URL: <https://apps.bea.gov/iTable/iTable.cfm?reqid=19&step=2#> и Gross and Net Domestic Investment by Major Type // Bureau of Economic Analysis, URL: <https://apps.bea.gov/iTable/iTable.cfm?reqid=19&step=2#reqid=19&step=2&isuri=1&1921=survey>

экономики, не связанных с оборонной промышленностью, также наблюдается отрицательная динамика: инвестиции в НИОКР за тот же период упали с 1 % до 0,3 % (см рис. 3.10)

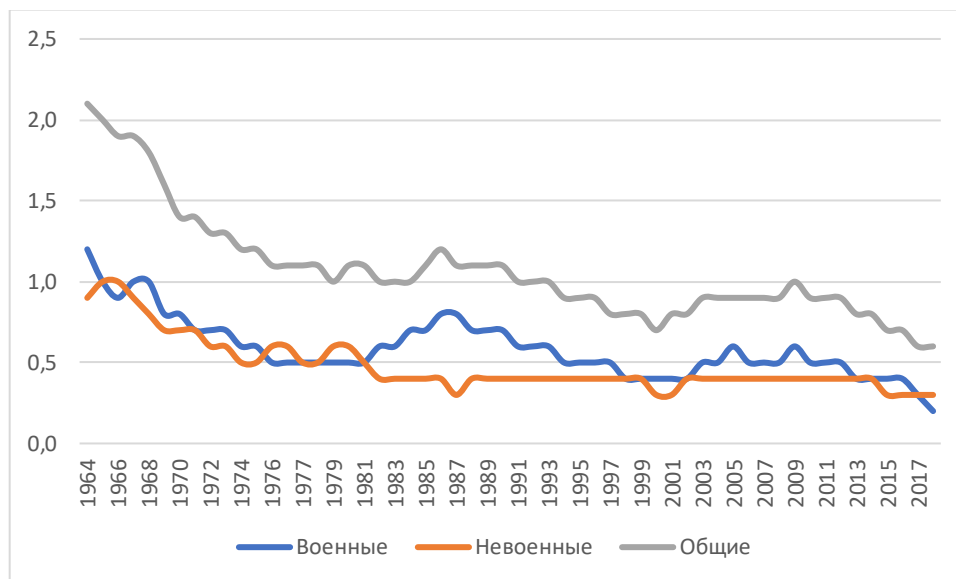

Рис. 3.10. Государственные инвестиции США в НИОКР (% ВВП)¹

Данные эмпирические закономерности еще раз подтверждают: интерес инвесторов к революционным технологиям 5-го ТУ был вызван не органическим стремлением частных собственников к прогрессу и инновациям, а возможностью с его помощью усилить давление на труд. Развитие средств коммуникации, во-первых, придало международный характер сделкам на финансовом рынке, ускорив процессы финансиализации экономики. Во-вторых, оно сделало возможным создание глобальных цепочек добавленной стоимости. Первый тип звеньев этой цепи — наукоемкие и капиталоемкие производства, создающие высокую добавленную стоимость. Они сохраняются в странах центра мирового капитализма. На периферию же выносятся менее

¹ Источник: составлено авторами на основании данных Summary of Outlays for the Conduct of Research and Development: 1949–2021 (In Current Dollars, as Percentages of Total Outlays, as Percentages of GDP, and in Constant (FY 2012) Dollars) // Historical Tables, White House, URL: <https://www.whitehouse.gov/omb/historical-tables/ Table 9.7>

производительные звенья, основанные на трудоемких производствах¹. В соответствии с законом превращения стоимости в цену производства² стоимость, созданная в трудоемких отраслях, распределяется в пользу собственников капитала капиталоемких звеньев. Таким образом, развитие информационных технологий на этапе широкого распространения 5-го ТУ осуществлялось лишь в тех границах, которые позволяли усиливать эксплуатацию наемного труда.

Усиление эксплуатации труда

Повышение глобальной конкуренции, кроме прочего, создает у бизнеса запрос на проведение так называемой политики «внутренней девальвации», которая означает главным образом сокращение издержек производителей за счет снижения затрат на наем рабочей силы. Это касается как прямых затрат — выплаты заработной платы, так и косвенных — сокращения налогов на бизнес и, как следствие, урезания социальных программ государства.

Структурные изменения в американской промышленности оказали влияние на состояние рынка труда США. Преимущество дешевой рабочей силы дало возможность американским корпорациям осуществлять давление на национальный рабочий класс, который оказался в уязвимом положении. Так, если до 1980-х гг. темп роста реальных зарплат в экономике США приблизительно соответствовал темпам роста производительности труда, то затем эти показатели начали сильно расходиться. Стоит отметить, что такие тенденции были свойственны и другим странам центра мир-системы (см. рис. 3.11).

---

¹ См. подробнее: *Bair J.* (ed.). *Frontiers of commodity chain research*. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 2009.

² См. п. 3 гл. 1.

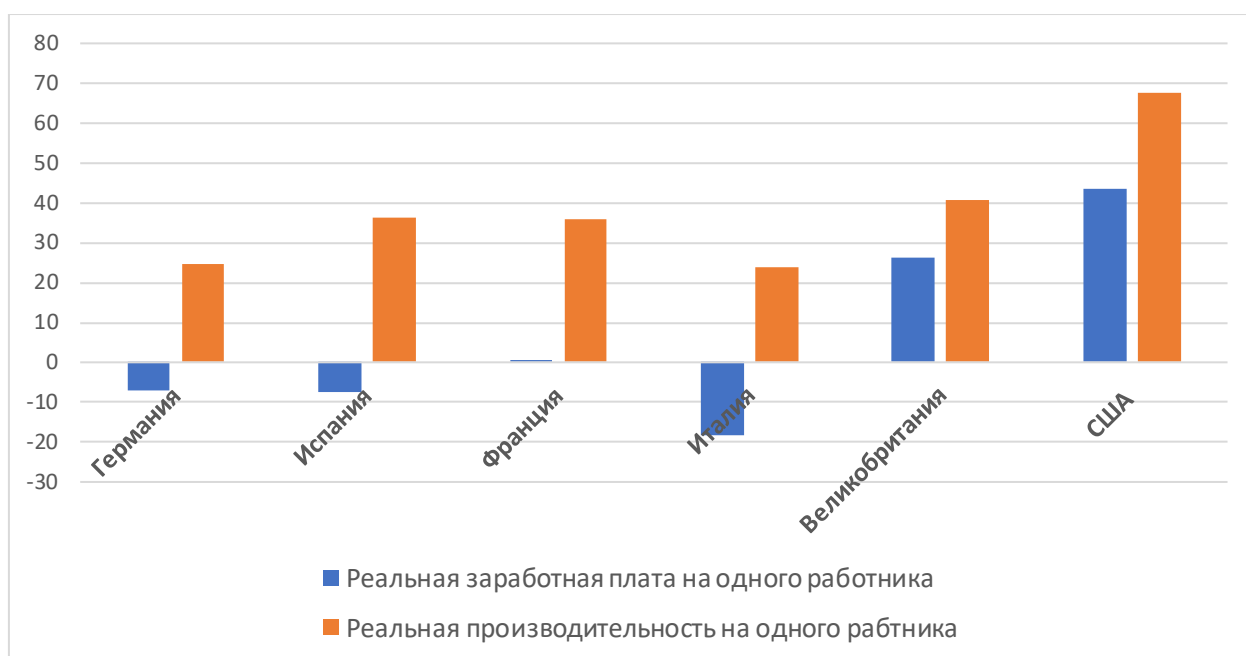

Рис. 3.11. Прирост производительности труда и реальных зарплат в период 1979–2019 (%)¹

На этом фоне доля доходов наемных работников в национальном доходе США, достигнув максимума в 67 % в 1980 г., начала снижаться, упав к 2014 г. на 7 процентных пунктов. Одновременно с этим увеличивалась кредитная нагрузка на американские домохозяйства: 48,9 % ВВП в 1984 г. до 78,5 % ВВП в 2018 г.

¹ Источник: составлено авторами на основании данных Real compensation per employee, deflator GDP: total economy [Электронный ресурс] // Gross Domestic Product (Income Approach), Labour Costs, AMECO. URL: https://ec.europa.eu/info/business-economy-euro/indicators-statistics/economic-databases/macro-economic-database-ameco/download-annual-data-set-macro-economic-database-ameco_en и Performance relative to the rest of the former EU-15: double export weight [Электронный ресурс] // AMECO. URL: https://ec.europa.eu/economy_finance/ameco/user/serie/SelectSerie.cfm

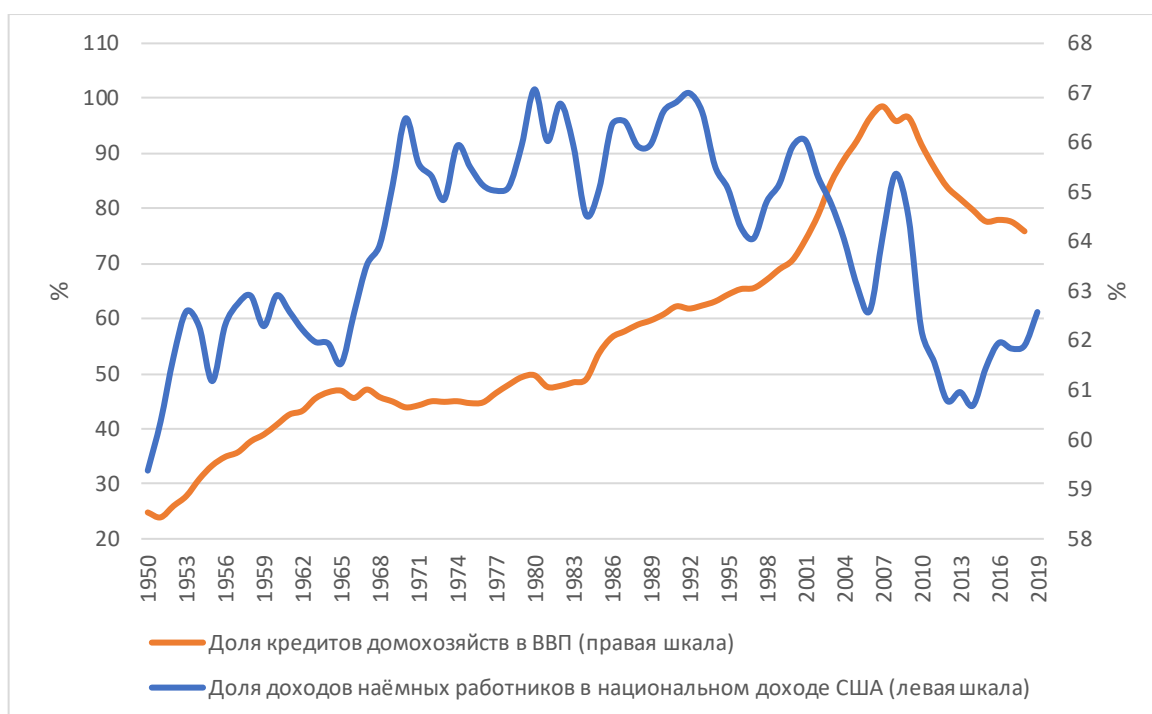

Рис. 3.12. Доля доходов наемных работников в национальном доходе США и отношение кредитной нагрузки домохозяйств к ВВП США¹

Институт экономической политики США объясняет стагнацию зарплат отказом государства от полной занятости как цели экономической политики; ослаблением профсоюзов, снижением реальных минимальных зарплат; финансовой и налоговой дерегуляцией, которая привела к резкому росту доходов топ-менеджмента компаний. Еще одним фактором стала политика глобализации: в условиях возросшей конкуренции с внешним миром государство заботилось об интересах бизнеса, однако не защищало национальный рынок рабочей силы. Альтернатива в виде дешевой рабочей силы азиатских стран дала возможность американским компаниям ограничивать рост зарплат внутри страны².

На этом фоне в экономике США изменилась структура занятости. В период с 1979 по 1999 г. происходила поляризация рынка труда, где

¹ Источник: составлено авторами на основании данных Wages and Salaries by Industry [Электронный ресурс] // Bureau of Economic Analysis. URL: <https://apps.bea.gov/iTable/iTable.cfm?reqid=19&step=2#reqid=19&step=2&isuri=1&1921=survey> и Household debt, loans and debt securities National Income by Type of Income [Электронный ресурс] // International monetary fund. URL: https://www.imf.org/external/datamapper/HH_LS@GDD/USA

² <https://www.epi.org/publication/causes-of-wage-stagnation/>

прирастали только рабочие места с самой низкой и самой высокой заработной платой. А с 1999 по 2012 г. занятость прирастала почти только за счет создания низкооплачиваемых рабочих мест¹.

Значительной проблемой для всего западного мира и США в частности стала безработица как следствие сокращения занятости в реальном секторе экономики. Если в 1948 г. безработица в Великобритании составляла 1,5 %, то в 1983 г. взлетела до 11,7 % (см. рис. 3.13). После этого безработица пошла вниз, однако ее средние значения значительно превышали показатели послевоенного времени. В США в 1983 г. доля безработных составляла 9,6 % экономически активного населения. Кризис 2008 г. вернул ее на этот уровень, несмотря на попытки американского правительства побороть это явление.

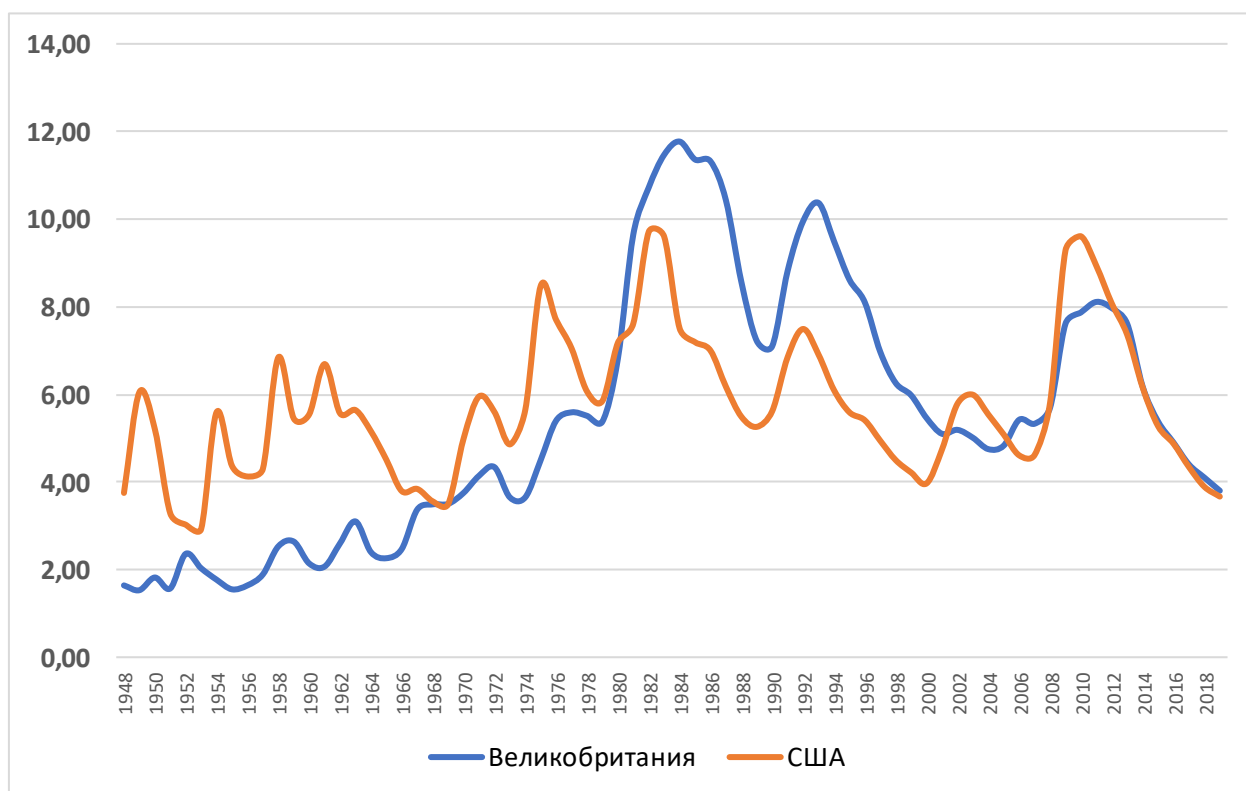

Рис. 3.13. Динамика безработицы в США и Великобритании 1948–2019 (%)²

¹ David H. Autor. Why Are There Still So Many Jobs? The History and Future of Workplace Automation // Journal of Economic Perspectives. Volume 29. Number 3. Summer 2015. P. 3–30 (p. 20).

² Источник: Unemployment UK [Электронный ресурс] // FRED. URL: <https://fred.stlouisfed.org/series/UNRTUKA#0>; Unemployment US [Электронный ресурс] // FRED. URL: <https://fred.stlouisfed.org/series/UNRATE>

Кризис «стагфляции» и деиндустриализация вывели рынок рабочей силы западных стран из равновесия, что заставило экономику искать ответ на эти вызовы. Выход был найден в формировании таких рабочих мест, цель которых заключается в первую очередь в обеспечении занятости населения, а уже затем — в решении производственных задач.

Американский антрополог Д. Грэбер отмечает, что в последние десятилетия в экономиках Европы и Америки обозначились тревожные тенденции в сфере занятости населения. Он связывает это с появлением множества новых профессий, польза которых для общественного развития представляется сомнительной. Грэбер пишет, что за последнее столетие количество производительных рабочих уменьшилось. Однако это не привело к резкому сокращению рабочего времени. «В то же время количество работников в сферах менеджмента, делопроизводства, продаж и обслуживания возросло в три раза, с одной четверти до трех четвертей всех занятых. Но вместо значительного сокращения рабочих часов, чтобы население мира смогло иметь больше свободного времени на свои собственные проекты, развлечения и идеи, мы видим раздувание не столько сферы „услуг“, сколько административной сферы, вплоть до и включая создание целых новых отраслей, таких как финансовые услуги и телемаркетинг, а также беспрецедентное расширение таких сфер, как корпоративная юриспруденция, администрирование науки и здравоохранения, человеческие ресурсы и PR. И эти цифры не включают в себя всех тех людей, чья работа заключается в оказании административной и технической поддержки этих отраслей или обеспечении их безопасности. Не включают они и весь тот сонм вспомогательных профессий и отраслей, типа мойщиков собак или круглосуточной доставки пиццы, которые существуют исключительно потому, что люди работают слишком много, чтобы позволить себе тратить на это время»¹. Американский ученый ввел в оборот понятие «бессмысленных

---

¹ Graeber D. On «bullshit jobs» [Электронный ресурс] // The Economist. 21.04.2013. URL: <https://www.economist.com/blogs/freeexchange/2013/08/labour-markets-0> (дата обращения: 14.03.2018).

профессий» (bullshit jobs). Он называет так те формы занятости, которые несут в себе мало общественной пользы и являются искусственно введенными в экономику. К одной из причин появления таких профессий можно отнести и угрозу безработицы, которая стоит перед западными странами.

В ходе исследований, проведенных в Великобритании в 2013 г., половина работников из 12 000 опрошенных заявили, что не видят смысла и пользы от своей деятельности. А другой опрос, проводившийся уже среди 230 тыс. человек в 142 странах мира, показал, что только 13 % людей получают удовольствие от своей работы. При этом 37 % признались в том, что считают свою работу совершенно бесполезной¹.

Д. Грэбер относит к причинам появления бессмысленных профессий лишь политические и социальные факторы, а не экономические. Он утверждает, что правящий класс США считает опасным для собственного благополучия существование «счастливых людей и производительных работников, имеющих свободное время»². Однако такое объяснение не является достаточно убедительным, особенно учитывая тот факт, что параллельно с появлением все большего количества бессмысленных профессий компании нередко прибегают к сокращениям персонала, повышая интенсивность труда на оставшихся рабочих местах. Это признает и сам автор: «согласно экономической теории, последнее, что будет делать компания, стремящаяся к прибыли, — это тратить деньги на работников, которых на самом деле нет необходимости нанимать. Тем не менее, так или иначе, это происходит. В то время как корпорации могут участвовать в безжалостном сокращении рабочих мест, на увольнения приходятся те категории работников, которые на самом деле создают, перемещают, ремонтируют и обслуживают вещи; при этом благодаря какой-то странной алхимии, которую

---

¹ A growing number of people think their job is useless. Time to rethink the meaning of work [Электронный ресурс] // World economic forum. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2017/04/why-its-time-to-rethink-the-meaning-of-work/>

² Graeber D. On the Phenomenon of Bullshit Jobs: A Work Rant [Электронный ресурс] // Strike.coop. URL: <https://www.strike.coop/bullshit-jobs/>

никто не может объяснить, количество наемных бумагомарателей в конечном итоге увеличивается, и все больше и больше сотрудников обнаруживают, что, в отличие от советских рабочих, фактически работают 40 или даже 50 часов в неделю на бумаге, но эффективно работают 15 часов, как и предсказывал Кейнс, поскольку остальное время они тратят на организацию или посещение мотивационных семинаров, обновление своих профилей на Facebook или запуск телевизионных приставок»¹.

Хотя проблема рынка труда США не является предметом настоящего исследования, можно предположить, что такие процессы также в некоторой степени связаны с процессами глобализации. На первом этапе возросшая международная конкуренция заставляет компании сокращать расходы на рабочую силу, переносить производства в регионы с низкой оплатой труда, привлекать трудовых мигрантов. Это приводит к удешевлению рабочей силы на национальном рынке. На втором этапе благодаря конкуренции в экономике появляются крупные игроки, чувствующие себя устойчиво благодаря контролю большой доли рынка, тесными связями с государством и подорванным влиянием профсоюзов. Под воздействием растущих угроз, связанных с усложнением корпоративной структуры, компании начинают расширять административный аппарат в целях повышения эффективности управления. Расширение менеджмента компании создает спрос на инфраструктуру, окружающую руководителей разного уровня, и создает спрос на секретарей, водителей, охранников, швейцаров и т. п. Отметим, что это утверждение является лишь гипотезой и требует проверки в рамках отдельного исследования.

Исследователи Р. Дур и М. Лент² среди наиболее значимых причин, заставляющих наемных работников считать свой труд общественно бесполезным, называют следующие. Во-первых, наличие компаний, которые

---

¹ Там же.

² *Dur R., Lent M. (2018). Socially Useless Jobs. Industrial Relations: A Journal of Economy and Society. doi: 10.1111/irel.12227. P. 10–12.*

в своей деятельности эксплуатируют человеческие слабости. К ним относятся азартные игры, производство табака, а также консультации финансистов и страховых агентов, которые могут сознательно вводить клиентов в заблуждение. Среди профессий, входящих в топ-20 рейтинга наименее полезных с точки зрения работника, — агенты по продажам и закупкам, маркетингу и связям с общественностью, брокеры, финансовые менеджеры. Рост представительства последних двух профессий связан с финансиализацией экономики, то есть гипертрофированным ростом секторов, занимающихся перераспределением стоимости, а не ее созданием. Во-вторых, проблема отчуждения в марксистском толковании, т. е. отчуждение содержания труда по отношению к самому рабочему; отчуждение условий труда от самого труда; отчуждение результатов труда от работника; отчужденность социальных институтов и норм от трудящихся. Отчуждение порождает и усиливается в связи с разделением труда, которое может формировать видимость отсутствия смысла у той или иной трудовой деятельности. Это относится к операторам машинной техники, монтажникам, рабочим горнодобывающей промышленности, строительства, транспорта и других отраслей, требующих от человека монотонного, рутинного труда. В-третьих, избыточное накопление рабочей силы на предприятиях, которое возникает в период кризисов, когда компании, в том числе под воздействием стимулирующих мер государственной экономической политики, пытаются сохранять работников, избегая массовых увольнений, что приводит к неполной занятости на рабочем месте и непроизводительному задействованию рабочей силы. Последнее обстоятельство усугубляет проблему замедления роста производительности труда

Неравенство

Еще одним последствием тенденций глобализации 1970–2000-х гг. стало углубление социального неравенства во всем мире. Массовые инвестиции, направляемые в бедные, густонаселенные экономики Азии, масштабная

индустриализация этого региона, способствовали высоким темпам его экономического роста. Это позволило снизить имущественный разрыв между центром и периферией. В целом за период с 1981 по 2017 г. Всемирный банк отмечает снижение количества людей, живущих в условиях абсолютной нищеты (менее чем на 1,9 доллара в день), с 42,5 % до 9,2 %¹. В 1980 г. на страны Азии приходилось 27 % мирового богатства, а с 2016 г. — уже 37 %. Одновременно доля Европы сократилась с 37 % до 24 % (см. табл. 3.5).

Таблица 3.5. Динамика распределения мирового дохода между регионами мира²

	Национальный доход (% от мирового)		Доход на душу населения (тыс. долл. по ППС)	
	1980	2016	1980	2016
Мир	100	100	10,5	16,1
Европа	37	20	20	27,1
Азия	27	49	5	12,7
Африка	5	5	5,5	6,6
Америка	30	25	21,7	29,5
Океания	1	1	21,3	31,7

Однако в то же время стремительно росло межклассовое расслоение внутри стран. Причем такие тенденции наблюдались как в странах периферии, так и в центре мирового капитализма. В период с 2000 по 2017 г. количество миллионеров в странах с высоким уровнем дохода увеличилось на 3,6 млн чел, в бедных странах — на 2,8 млн чел. При этом численность сверхбогатых людей (активы которых превышают 50 млн долл.) в развитых странах выросла на 11 тыс. чел., а в бедных — на 25 000³. Однако при этом общий экономический рост в последние десятилетия обходил стороной большие группы населения. По данным McKinsey, реальный доход двух третей домохозяйств в 25 развитых странах мира в 2005–2014 гг. не рос или даже

¹ Poverty headcount ratio at \$1.90 a day (2011 PPP) (% of population) [Электронный ресурс] // Worldbank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.DDAY>

² *Alvaredo F.* World inequality report / F. Alvaredo, T. Piketty, L. Chancel [Электронный ресурс] // World Inequality lab. URL: <http://wir2018.wid.world/files/download/wir2018-full-report-english.pdf>. — P. 62–63.

³ Ibid. P. 18

падал¹. Особенно четко эта тенденция проявляется в американском обществе, где активы 10 % самых богатых членов общества превышают совокупное богатство остальных 90 %. В период с 1980 по 2019 г. доля 50 % наименее богатого населения сократилась с 24,4 % до 22 % национального дохода Франции, при том что в 1946 г. этот показатель равнялся 19,6 %². В США за тот же период произошло падение с 20,1 % до 13,5 %³, в Китае — с 26,7 % в 1980 г. до 14,8 % в 2015 г.⁴.

В целом снижение межстранового и рост внутристранового неравенства в условиях положительных темпов роста ВВП в последние десятилетия говорит о том, что выгодоприобретателями глобализации стали лишь собственники капитала. Несмотря на то, что Китаю удалось существенно снизить долю граждан, проживающих в условиях абсолютной нищеты, рост ВВП дался простым китайцам слишком большой ценой. На многих китайских заводах рабочий день может превышать 11 часов в сутки при шестидневной рабочей неделе. Государство проводит очень слабую социальную политику, а значительная часть производств сопряжена с применением отсталых, вредных технологий, наносящих ущерб здоровью работника и окружающей среде⁵.

Важно отметить, что кроме прочих причин источником долгового кризиса стала такая модель международного движения капитала, в которой доходы от внешней торговли экспортоориентированных экономик периферии инвестировались в экономики развитых⁶. В этом процессе участвовали в том числе государства периферии, активно наращивавшие валютные резервы для

---

¹ An open and shut case [Электронный ресурс] // Economist. 2016. Oct 1. URL: economist.com/news/special-report/21707833-consensus-favour-open-economies-cracking-says-johnosullivan (дата обращения: 14.04.2018).

² Income inequality, France, 1900–2019 [Электронный ресурс] // World inequality database. URL: <https://wid.world/country/france/>

³ Income inequality, USA, 1913–2019 [Электронный ресурс] // World inequality database. URL: <https://wid.world/country/usa/>

⁴ Income inequality, China, 1978–2019 [Электронный ресурс] // World inequality database. URL: <https://wid.world/country/china/>

⁵ The grim truth of Chinese factories producing the West's Christmas toys [Электронный ресурс] // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/business/2016/dec/04/the-grim-truth-of-chinese-factories-producing-the-west-s-christmas-toys> (дата обращения: 14.07.2020).

⁶ См. подробнее: *Komolov O.* Capital outflow and the place of Russia in core-periphery relationships // World review of political economy. V. 10. № 3. 2019. P. 328–341.

поддержания заниженных курсов национальных валют. Это позволяло сохранять конкурентоспособность экспортных отраслей, однако лишало развивающиеся экономики значительных источников роста и перераспределяло национальные доходы в пользу собственников предприятий, работающих на экспорт. Такая модель привела к тому, что страны периферии превратились в нетто-экспортеров капитала, который принимали развитые страны. Во многом это стало причиной и проблемы финансиализации, вызвавшей мировой финансовый кризис: капитал периферии создавал спрос на ценные бумаги стран центра, искусственно завышая их курсовую стоимость и все больше отрывая финансовый рынок от динамики реального производства.

Американский философ Н. Хомский, рассуждая о глобализации, заметил, что, по сути, она является результатом действий влиятельных государств, особенно США, «которые вбивают торговые и прочие соглашения в глотку народам мира, чтобы корпорациям и богачам было легче господствовать в экономике самых разных стран, не имея перед их населением никаких обязательств»¹. Как показала практика последних десятилетий, паразитический характер развития экономической системы не только создает угрозы для долгосрочного развития общества, но и в конечном счете обостряет противоречия даже у бенефициара этой модели. Столкнувшись с глубоким кризисом 1970-х гг., капитализм центра смог найти новые источники для максимизации прибыли. Однако методы, обеспечившие этот прогресс, привели к негативным долгосрочным последствиям. Импульс роста, полученный благодаря поглощению оставшейся части некапиталистического мира, оказался исчерпан. Увеличение неравенства, торможение научно-технического прогресса, долговой кризис и финансиализация стали последствием экстенсивного расширения капитализма и причиной затянувшегося кризиса. Капиталистическая экономика уткнулась в границы

---

¹ Chomsky N. Profit Over People: Neoliberalism and the Global Order. New York: Seven Stories Press, 2011. P. 8.

своей экспансии на текущем этапе глобализации. Это заставляет крупный капитал вступать в новую схватку за передел мира, используя национальные государства в качестве оружия в этой борьбе. Пока противостояние нарастает преимущественно в экономическом поле, однако именно с таких мер началось усиление международной напряженности в 1920–1930-х гг., приведшее ко Второй мировой войне в условиях терминального кризиса британского цикла накопления капитала. Первым шагом на пути к ней тогда стал Закон Смута — Хоули о тарифе, поднявший ввозные пошлины в США на более чем 20 тысяч импортируемых товаров. Ответом на этот шаг стал рост изоляционистских настроений в Европе и особенно в Германии, Италии и Испании, что способствовало приходу к власти в этих странах представителей наиболее радикальных правых сил. Итогом Второй мировой войны стало становление окончательной гегемонии США как центра нового СЦНК. Некоторым аспектам, противоречиям его развития и упадка будет посвящен следующий параграф.

3.3. Навстречу новому экономическому миропорядку: Китай — новый лидер?

Кризис неолиберальной модели капиталистической глобализации усилился в эпоху финансовой экспансии американского системного цикла накопления капитала. И. Валлерстайн выделяет три этапа в доминировании США: 1945–1970, 1970–2001, с 2001 г. по настоящее время. Первый этап — период могущества США, второй — время медленного упадка, а третий — ускорение разрушения американского господства¹.

Первый этап — период могущества США

На первом этапе США имели несравнимо более мощную экономику, чем ослабленные войной европейские страны или Япония. Производимые в США

---

¹ Валлерстайн И. Ускоренное падение. Наступление эпохи многополярности // Закат империи США: Кризисы и конфликты. Институт глобализации и социальных движений. М.: МАКС Пресс, 2013. С. 20

товары быстро находили спрос во всем мире, укрепляя американское доминирование. Однако обострение противостояния с СССР заставило США поддерживать индустриальное развитие союзников для усиления собственной обороноспособности¹. Так началась череда «экономических чудес», теоретическое объяснение которых через призму концепции ассоциативно-зависимого развития мы приводили в третьем параграфе первой главы настоящей работы.

Первыми странами после Второй мировой войны, показавшими пример «экономического чуда», были ФРГ и Япония, находившиеся в тесных экономических и политических связях с США. Ассоциативно-зависимая стратегия развития этих стран удовлетворяла интересам как национальных элит, так и американского капитала. Так, правительство Германии по рекомендации американской администрации с 1948 г. начало бороться с черными рынками, усиливать давление на профсоюзы и проводить политику индустриализации, направленную прежде всего на развитие экспортоориентированных отраслей. В результате именно экспорт на американский рынок стал движущей силой экономического роста Германии². Особенно быстро рос экспорт из Германии и Японии в период Корейской войны в 1950–1953 гг. Американцы нуждались в дешевых и качественных индустриальных товарах, а дисциплинированные и квалифицированные немцы и японцы могли их произвести и продать.

Следует отметить, что Германия не придерживалась кейнсианских подходов в экономической политике. Правительство всячески сдерживало внутренний спрос с помощью жесткой денежно-кредитной политики, больших бюджетных профицитов и низких уровней зарплат. Тем не менее нельзя такую политику назвать либеральной и рыночной, так как государство всячески поддерживало экспортные отрасли прямыми субсидиями, дешевыми

---

¹ Примером является план Маршалла — американская помощь странам, пострадавшим от войны. Одним из условий плана было ограничение или полный запрет деятельности коммунистов во власти.

² *Vonyó T. The Economic Consequences of the War. West Germany's Growth Miracle after 1945. Cambridge, United Kingdom; New York, NY: Cambridge University Press, 2018. P. 159–161.*

займами, налоговыми льготами и т. д. К тому же с 1949 по 1960 г. курс немецкой марки был существенно занижен, что также стимулировало экспорт¹.

Японская модернизация происходила медленнее германской, но также благодаря ориентации на рынок США. Стартовые позиции были хуже немецких. Производительность труда составляла 11 % от США и 35 % от показателя Германии. Заработные платы были еще ниже — около 6–7 % от американской и 33 % от германской². Однако это же было преимуществом, так как позволяло минимизировать издержки при производстве товаров, поставляемых на мировой рынок. Так же как и в Германии, японские рабочие были квалифицированными, так как многие из них имели опыт работы на сложных производствах, связанных с военной промышленностью.

Оккупационное командование подошло к индустриализации Японии схожими с Германией мерами. В стране сразу же принялись повсеместно подавлять попытки рабочего сопротивления, разгонять митинги и забастовки, наносить удары по профсоюзам и уничтожать коммунистических лидеров среди рабочих. План Доджа — стабилизационная программа в Японии в 1949 г. — включал резкое ограничение бюджетных расходов с целью борьбы с дефицитом, фиксацию курса иены. Рост безработицы до 4 млн человек должен был снизить цену рабочей силы и подорвать эффективность организованной рабочей борьбы³. Окончательно подавить рабочее движение в Японии удалось только ко второй половине 1950-х гг. После чего начался поиск компромисса между трудом и капиталом, в том числе в виде известных японских пожизненных корпоративных контрактов с рабочими.

Пример модернизации Японии также показывает, что она осуществлялась при активном участии государства, которое направляло бизнес в капиталоемкие отрасли, а позже и в наукоемкие. Сначала развивались

---

¹ Ibid. P.139

² Бреннер Р. Экономика глобальной турбулентности: развитие капиталистической экономики в период от долгого бума до долгого спада, 1945–2005. М.: Изд. Дом ВШЭ, 2014. С. 136.

³ Там же.

пищевая и текстильная отрасли, спустя непродолжительное время власти стали форсировать капиталоемкие производства, такие как металлургия, сталелитейная промышленность, нефтехимия, затем тяжелая промышленность и другие химические отрасли. Так правительство вводило существенные налоговые льготы и прямые дотации приоритетным отраслям экономики. В 1950-е гг. к ним относили отрасли по производству базовых товаров, например сталелитейную, угольную, нефтехимическую, энергетическую, транспортную, строительных материалов и т. д. Одновременно закладывался фундамент под быстрый рост машиностроения, электроники, автомобилестроения и других перерабатывающих производств, ориентированных на экспорт, которые особенно опекались государством, в том числе жесткими протекционистскими мерами по защите внутреннего рынка. Успех передовых производств основывался в том числе на крепкой материальной базе промышленности из предыдущих технологических укладов. Такая база, вместе с низкими зарплатами, способствовала еще большему снижению издержек на передовых производствах уже 4-го ТУ. Япония постепенно сокращала технологический разрыв с развитыми капиталистическими странами и последовательно проводила импортозамещение.

Второй этап — время медленного упадка

Каждый этап вовлечения новых стран в мир-систему усиливал конкуренцию между товаропроизводителями. Уже к середине 1960-х гг. экспорт Западной Европы и Японии достиг практически паритета с США. Это стало одной из причин кризиса «стагфляции» 1970-х, который происходил на фоне обострения конкуренции как европейских, так и азиатских производителей. Американские компании теряли конкурентоспособность, им становилось сложнее конкурировать даже на собственном рынке. Такая ситуация оборачивалась дефицитом платежного баланса США и стала угрозой доминированию доллара. Продолжительная стагнация американской

экономики и рост инфляции заставили США пойти в направлении жесткой денежно-кредитной политики. Однако высокие процентные ставки и дорогие доллары еще больше подрывали положение американских компаний в мире. Власти Соединенных Штатов решили навязать несколько соглашений Германии и Японии с целью ревальвировать их валюты и сократить экспорт из этих стран. Эти переговоры вошли в историю как «соглашения в Плазе» в 1985 г. Результаты этих договоренностей больно ударили по японской и германской экономике, так как возросшая иена и немецкая марка не позволяли поддерживать темпы экспорта в прежних объемах. Более того, американцы стали вводить санкции против продукции некоторых отраслей экономики Японии, например, на автомобили¹. Япония попала в ловушку модернизационного развития, так как зависела от экспорта и не могла снижать издержки, а значит, теряла конкурентоспособность. Реакцией на эти события стал рост ПИИ из Японии в другие азиатские страны для перемещения туда малорентабельных производств и закрепления за собой только высокотехнологичных и наукоемких секторов. Однако эти процессы все равно не позволили японской экономике расти прежними темпами, хотя послужили возможностью для ассоциативно-зависимого развития группы других стран в Юго-Восточной Азии.

Напомним, что все послевоенное время азиатский регион продолжал оставаться местом столкновения советских и американских интересов. Здесь произошли ожесточенные военные конфликты с народно-освободительными и коммунистическими движениями после окончания Второй мировой войны: революция в Китае, Корейская война, война во Вьетнаме. Повстанческие войны в Малайзии, силовые претензии «левых» на власть в Сингапуре, разгорающиеся войны в Индокитае заставляли власти США заимствовать собственный опыт из Европы. Речь идет о создании военных блоков по типу НАТО, например СЕАТО (Организация Договора Юго-Восточной Азии), с

---

¹ Manufacturing Competitiveness in Asia. Edited by Jomo K. S. 2003. P. 120, 130.

участием новых восточноазиатских государств для силового сдерживания и прямой борьбы со странами социалистической ориентации¹.

Ряд военных неудач США и рост популярности левых идей вынудили их коренным образом переустроить дипломатическую политику в регионе. Именно в это время, к 1970-м гг., противоречия между КНР и СССР достигли своего пика, и США сделали на них ставку, желая получить себе влиятельного союзника для подрыва влияния СССР в Азии. Так, известный американский государственный деятель Г. Киссинджер в своей книге «О Китае» пишет: «Почти ровно 40 лет назад президент Ричард Никсон оказал мне честь, послав в Пекин для восстановления отношений со страной, расположенной в самом сердце азиатской истории. У Америки же на то время контакты с Китаем на высоком уровне отсутствовали в течение более чем 20 лет. Такое положение дел следовало изменить, ведь наши граждане заслужили передышку после кошмаров вьетнамской войны и вереницы зловещих событий времен холодной войны. Китай, формально являясь союзником Советского Союза, находился в поисках пространства для маневра, стремясь противостоять угрозе нападения со стороны Москвы»². КНР со времен Мао сохраняла курс на независимость, не желая попадать под советскую сферу влияния, а официальной идеологией Китая стал социализм с китайской спецификой. Противоречия усилились после смерти Сталина. Несмотря на то, что Мао не признал борьбу с культом личности, Китаю было выгодно примирение с США. Это позволило бы утвердить статус КНР для развития дипломатических отношений со всем миром, а также урегулировать вопрос с Тайванем.

Одновременно США стали готовить и другие плацдармы для продвижения в Азии. Ими должны были стать страны успешного, «витринного» капитализма, которые выступали бы привлекательным примером для других стран, подталкивая их к союзническим отношениям с Америкой. Появление таких экономик стало следствием расширения

---

¹ Киссинджер Г. О Китае. М.: изд-во АСТ. 2020. С. 196.

² Там же. С. 3.

капиталистических отношений на новые аграрные страны. Одним из ключевых их проводников в Азии стала Япония. Масштабная модернизация ее экономики упиралась в ограниченность внутренних ресурсов. Ограниченность инвестиционных возможностей заставляла государство стимулировать производителей согласно занимаемой ими доле на мировом рынке. Инвестиции были возможны только при ее увеличении, что побуждало к слияниям и поглощениям, объединению в картели и образованию мощных японских транснациональных компаний¹. Быстрый экономический рост, ориентированный на экспорт, вынуждал взвешенно подходить к приоритетам в инвестициях. Традиционные отрасли предыдущих ТУ приносили все меньшую отдачу от капиталовложений, их было выгодно вынести в другие страны, чтобы сконцентрироваться на более рентабельных отраслях. Так, с конца 1960-х гг. японцы начали создавать собственную периферию в Восточной Азии², перемещая туда трудоемкие производства. Этот процесс был выгоден японцам, так как позволял снижать издержки, эксплуатируя дешевый труд бедных стран и импортируя оттуда базовые промышленные товары по низким ценам. Одновременно это позволило ряду стран встать на путь индустриализации и получить исторический шанс войти в когорту развитых стран. Как показала история, гигантскую роль в модернизации сыграло государство, способное подчинить интересы национального капитала целям ускоренной модернизации страны. Например, «азиатские тигры» (Южная Корея, Тайвань, Гонконг, Сингапур) копировали опыт «японского чуда», включая поведение основных государственных институтов. Показателен пример Южной Кореи, где правительство могло выдавать корпорациям беспроцентные ссуды, предоставлять в пользование инфраструктуру и т. д. при условии расширения доли на мировом рынке. Если это условие не выполнялись, то следовали жесткие санкции, включая

---

¹ Бреннер Р. Экономика глобальной турбулентности: развитие капиталистические экономики в период от долгого бума до долгого спада, 1945–2005. М.: Изд. Дом ВШЭ, 2014. С. 164–170.

² См. модель «летающих гусей» в п. 3 гл. 1 настоящей работы.

репрессии по отношению к руководству компании, вплоть до тюремного заключения. Одновременно США активно поддерживали развитие промышленности развивающихся стран Азии, направляя туда значительные инвестиции и открывая свои рынки сбыта для их продукции. Так, за период с 1966 по 2017 г. объем накопленных прямых иностранных инвестиций США в экономике Сингапура увеличился с 30 млн до 274,2 млрд долл. США¹.

Третий этап — усиление вызовов американскому господству

Китай позже других азиатских стран включился в так называемое ассоциативно-зависимое развитие, отчасти выступая периферией как Японии, так и «азиатских тигров». КНР прошла похожий путь модернизации, начав с освоения трудоемких отраслей производства, таких как сельское хозяйство, легкая промышленность, торговля, и постепенно осваивая капиталоемкие производства благодаря наличию уникального преимущества перед соседями — огромной армии дешевой и в то же время дисциплинированной рабочей силы.

В 1980-х гг. Китай активно начал привлекать иностранный капитал для создания совместных с мировыми ТНК высокотехнологичных производств, таких как фармацевтика, машиностроение, электроника и т. д. Следует отметить, что ТНК не спешили делиться с КНР технологиями, а разделяли производство товаров на несколько этапов, создавая глобальные цепочки стоимости. Высокодоходные и выгодные звенья этих цепочек закреплялись за капиталами ведущих стран, тогда как низкодоходные перемещались в Китай. Власти США всячески приветствовали и поддерживали рыночные реформы в Китае, так как это позволяло все больше отделять его от СССР. Рыночные преобразования проходили в несколько этапов с 1978 г., сначала охватывая деревню и экспериментальное расширение хозяйственной деятельности предприятий в городе. Каждый следующий этап ускорял рыночные реформы.

---

¹ Direct Investment by Country and Industry [Электронный ресурс] // BEA. URL: <https://www.bea.gov/data/intl-trade-investment/direct-investment-country-and-industry>

В 1992 г. стартовал очередной этап, который назывался «Социалистическая рыночная экономика». Далее с 2003 г. — «Совершенствование социалистической рыночной экономики». Наконец, с 2014 г. — «переход к решающей роли рынка в распределении ресурсов»¹. После вступления в ВТО в 2001 г. Китай получил неформальный статус мировой фабрики. Как и другие страны «гусиного клина», прошедшие путь быстрой модернизации, Китай все время наращивал экспорт. Новая роль Китая в мир-системе была выгодна странам центра, так как позволяла концентрироваться на финансовой и высокотехнологичной сфере, не обращая внимания на промышленность, утекающую в Азиатско-тихоокеанский регион.

Этот момент можно назвать началом третьего этапа упадка гегемонии США, который И. Валлерстайн связывает с ее угасанием, когда американские производители стали терять лидирующее положение во многих отраслях экономики, а финансовая сфера, выбравшись из оков регулирования, привела к нескольким экономическим кризисам и стагнации всей капиталистической системы, угрожая всему миропорядку, основанному на гегемонии США. О развитии экономики КНР, сумевшей за относительно короткий промежуток времени достичь значительных успехов в развитии промышленности и в XXI веке заявить о себе как об одном из главных оппонентов США в борьбе за роль нового мирового гегемона, речь пойдет ниже.

Индустриальное развитие КНР

Предположения о возможном будущем мировом лидерстве Китая небезосновательны, так как КНР несколько десятилетий подряд показывает высокие темпы экономического роста. Например, Дж. Арриги в своем фундаментальном труде «Адам Смит в Пекине» показал закат американского цикла накопления и выдвинул предположение о смещении центра мир-

---

¹ Островский А. В. Китай становится экономической сверхдержавой. М.: Институт Дальнего Востока РАН: ООО «Издательство МБА», 2020. С. 22.

системы в Азию¹. Он также ссылался на других известных экономистов, указывающих на перспективы азиатских стран, например, М. Вольфа, который отмечал, что если Азия будет развиваться такими темпами еще несколько десятилетий, то она покончит с господством Запада, доминирующего последние столетия². Также Т. Озава писал, что взрывной рост Китая будет одним из значительных вкладов в мировое развитие³.

По размеру ВВП по паритету покупательной способности Китай вырвался на первое место в мире, опередив США в 2017 г.⁴ Доля ВВП Китая в мировой экономике увеличилась с 3,8 % в 1990 г. до 17,2 % в 2019 г. на фоне снижения доли США за тот же период с 20,3 % до 15,7 %, а Германии с 5,2 % до 3,4 %⁵. В китайском обществе в связи с ростом промышленности происходят ускоренные процессы урбанизации. Если в 1990 г. в городах проживало лишь 20 % населения, то к 2018 г. их доля составила уже к 59 %⁶. Как следствие, в стране высокими темпами падает уровень бедности: «...свыше 60 млн человек были „вырваны“ из бедности, и доля „бедных“, имеющих годовой доход ниже 2300 юаней на человека в год, сократилась с 10,2 до 4 % населения, и общее число бедных сократилось с 82,5 млн человек в 2013 г. до 30,4 млн в 2017 г.»⁷. Власти Китая не собираются останавливаться на достигнутых результатах и заявляют о строительстве общества «сяокан» (малого благоденствия) и к 2049 г. (100-летию образования КНР) создать

---

¹ См. подробнее: *Арриги Дж.* Адам Смит в Пекине. Что получил в наследство XXI век. М.: Институт общественного проектирования. 2009. С. 12

² Там же. С. 12

³ *Ozawa T.* Pax Americana-Led Macro-Clustering and Flying-Geese-Style Catch-Up in East Asia: Mechanism of Regionalized Endogenous // *Journal of Asian Economics* 13: 700. (699–713).

⁴ GDP, PPP (current international \$) — China [Электронный ресурс] // World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.PP.CD?end=2019&locations=CN&start=1960&view=chart> (дата обращения: 15.11.2020).

⁵ GDP based on PPP, share of world [Электронный ресурс] // IMF data mapper. URL: <https://www.imf.org/external/datamapper/PPPSH@WEO/OEMDC/ADVEC/WEOWORLD> (дата обращения: 12.11.2020).

⁶ *Островский А. В.* (2019). Экономика Китая после XIX съезда КПК: движение вверх (по материалам XIX съезда КПК и 1-й сессии ВСНП 13-го созыва) // *Экономика КНР в свете решений XIX съезда КПК* / отв. ред. А. В. Островский. М.: ИДВ РАН. С. 9.

⁷ Указ соч. С. 10.

«...богатую демократическую цивилизацию и гармоничную прекрасную социалистическую мощную державу»¹.

В наши дни Китай находится на первом месте в мире по производству угля, стали и прокатов, цемента, химических удобрений, электроэнергии, хлопчатобумажных тканей, лидирует в производстве фруктов, мяса, рыбы, зерновых, сырой нефти и т. д.² В структуре товарного экспорта Китая большую долю занимает продукция обрабатывающей промышленности, в том числе машины и оборудование — 47,8 % (см. рис. 3.14).

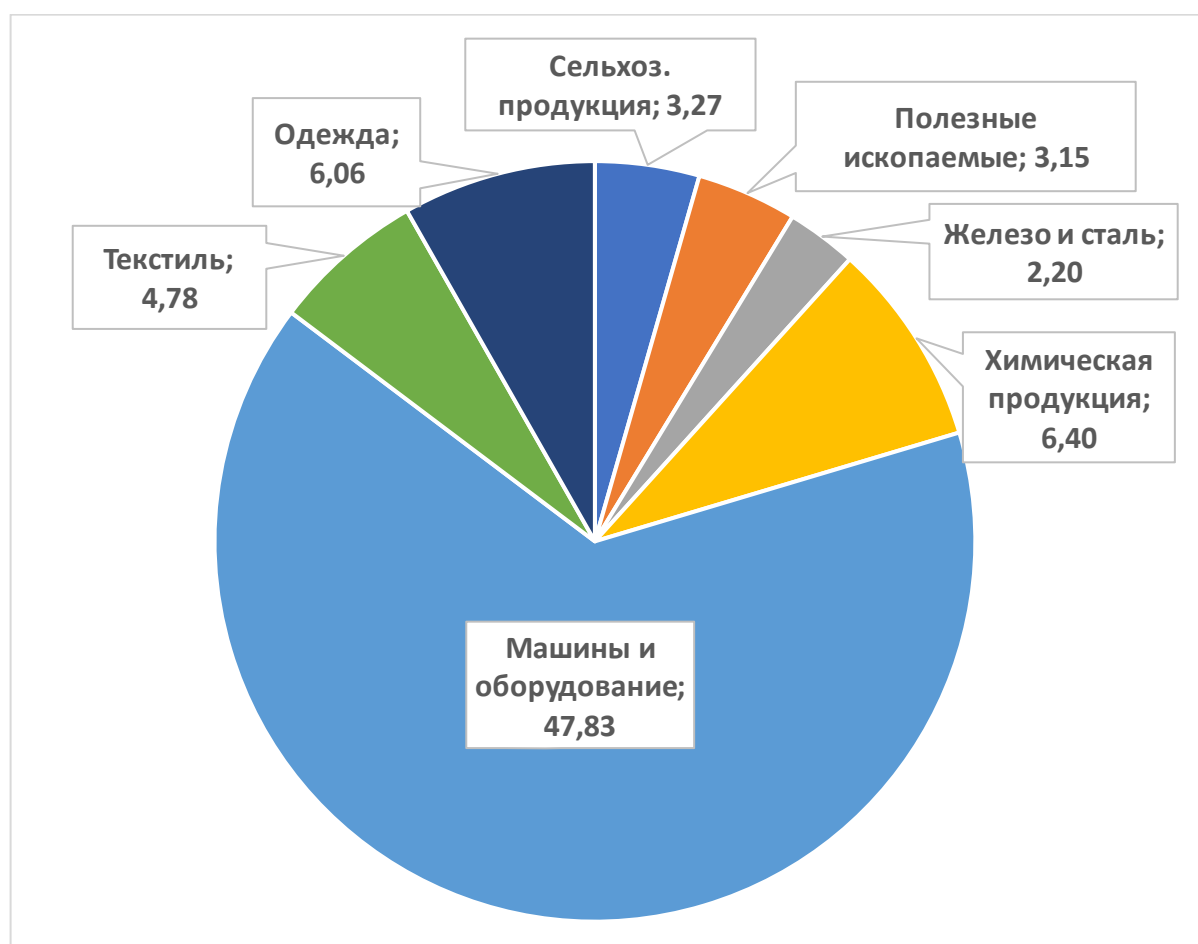

Рис. 3.14. Структура товарного экспорта Китая в 2019 г. (%)³

Промышленная экспансия КНР. Черная металлургия

¹ Указ соч. С. 12.

² Островский А. В. (2020). Китай становится экономической сверхдержавой. М.: Институт Дальнего Востока РАН: ООО «Издательство МБА». С. 22.

³ Источник: составлено авторами на основании данных Manufacturing [Электронный ресурс] // WTO Database. URL: <https://data.wto.org/>

Таким образом, экономика КНР имеет достаточный потенциал, чтобы бросить вызов наиболее развитым странам мира для расширения своей сферы влияния в мировой экономике. Ярким примером внешней экспансии промышленности Китая является черная металлургия, продукция которой играет роль фундамента таких отраслей, как машиностроение, автомобилестроение, станкостроение, строительство и др. Китай является лидером в производстве стали: в 2019 г. выпуск составил 996 млн т — 53 % мирового производства¹. Доля КНР в мировом экспорте железа и стали составляет 13,2 % (1-е место в мире)².

Следует отметить, что черная металлургия является главным «полем» экономических войн в мире. Она занимает лидирующее место по количеству вводимых странами протекционистских мер (включая субсидии, в том числе экспортные, тарифные ограничения, квотирование, точечное лицензирование, госзакупки, антидемпинговые меры и т. д.). Так, в период с 2009 по 2020 гг. на рынке продукции из железа и стали государствами было принято 1649 ограничительных мер³. Наибольшую активность тут проявляют Соединенные Штаты (642 меры), второе место занимает Китай: им было принято 205 мер, направленных на защиту национального производителя⁴. В целом против черной металлургии КНР принято 1316 ограничительных мер (3-е место после Южной Кореи и Японии)⁵, что составляет 18 % от всех действий, направленных другими странами против китайской экономики (всего 7308)⁶.

---

¹ Global crude steel output increases by 3.4 % in 2019 [Электронный ресурс] // World Steel Association AISBL, 2019. URL: <https://www.worldsteel.org/media-centre/press-releases/2020/Global-crude-steel-output-increases-by-3.4--in-2019.html> (дата обращения: 20.11.2020).

² Merchandise exports by product group — annual (Million US dollar) [Электронный ресурс] // WTO. URL: data.wto.org (дата обращения: 20.11.2020).

³ Sectors affected most often [Электронный ресурс] // Global trade alert. URL: https://www.globaltradealert.org/global_dynamics/area_all (дата обращения: 25.11.2020).

⁴ Implementing Countries [Электронный ресурс] // Global trade alert. URL: https://www.globaltradealert.org/sector/412/period-from_20090101/period-to_20210116 (дата обращения: 25.11.2020).

⁵ Affected Countries [Электронный ресурс] // Global trade alert. URL: https://www.globaltradealert.org/sector/412/period-from_20090101/period-to_20210116 (дата обращения: 25.11.2020).

⁶ Country exposure to interventions [Электронный ресурс] // Global trade alert. URL: https://www.globaltradealert.org/global_dynamics/area_all (дата обращения: 20.11.2020).

В сфере производства черной металлургии в мире разворачивается жесткая конкурентная борьба. Еще в 2013 г. владелец «Северстали» А. Мордашов утверждал, что избыток мощностей — это проблема всей мировой металлургии, без разрешения которой отрасли грозит кризис, подобный началу 2000-х гг., когда обанкротилась четверть металлургических компаний США. Далее он предлагал договориться о сокращении предложения и внедрении механизмов, позволяющих балансировать спрос и предложение на этих рынках¹. Однако профицит в отрасли сохранялся, и страны ЕС, США, Турция и некоторые другие для сохранения прибыльности своих металлургических компаний начали инициировать антидемпинговые расследования и внедрять разного рода нетарифные ограничения против экспортеров металла из Китая, России, Южной Кореи и Бразилии. Так, антидемпинговые пошлины, инициированной Еврокомиссией, для стали из России в 2015 г. составили от 18,7 до 36 % и из Китая — 19 %². Ограничения также коснулись продукции из холоднокатаной и горячекатаной стали, труб, трансформаторной стали и т. д. В 2018 г. Еврокомиссией были введены квоты на импорт стали, при превышении которых поставки облагаются пошлиной в 25 %. Все эти ограничения будут только ужесточаться, как и в США. В Соединенных Штатах в 2018 г. пошлины составили 25 % на ввоз стали и 10 % на алюминий³. Показателен также пример Китая, отказавшегося от покупки коксующегося угля из Австралии, необходимого для производства стали, в начале 2021 г. Причиной стала жесткая антикитайская политика, начавшаяся с введением санкций против КНР с 2018 г., когда Австралия вслед за США официально запретила использование в стране информационных решений и оборудования Huawei и ZTE, затем в 2020 г. обвинила КНР в распространении

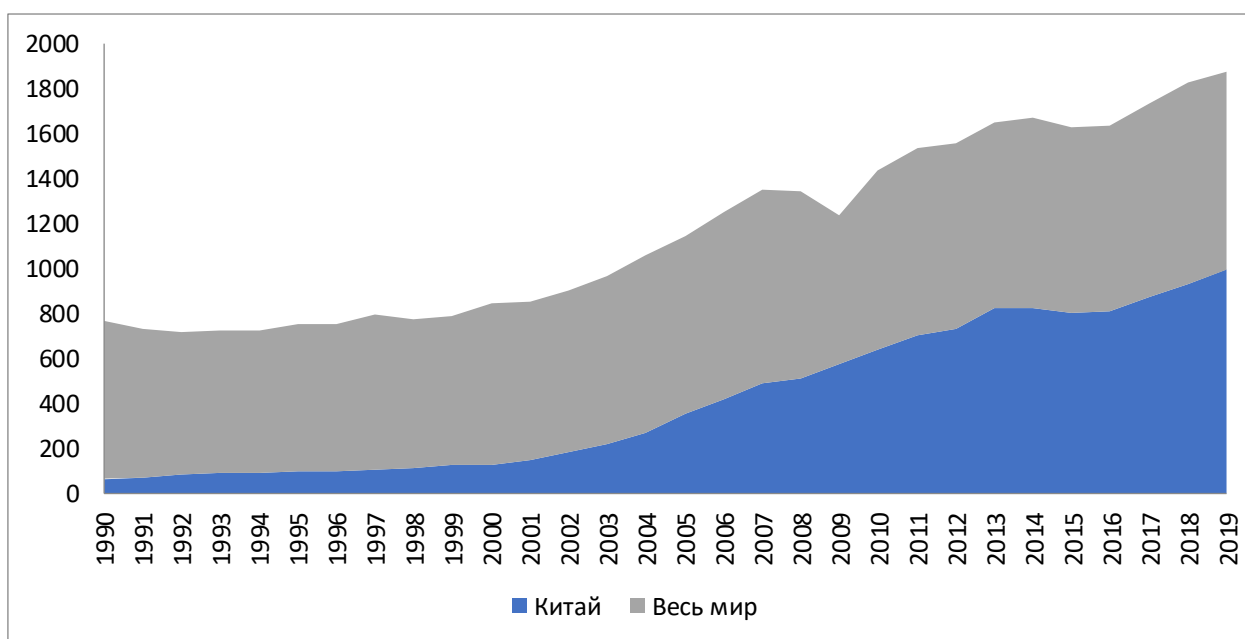
¹ Петлев В., Трифонова П. Пошлины не напугали металлургов. Почему протекционизм может сыграть на руку российским производителям металлов [Электронный ресурс] // Ведомости. 24.05.2018 URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2018/05/24/770538-poshlini-metallurov> (дата обращения: 20.11.2020).

² Там же.

³ Едовина Т. ЕС не до стали. Европа закрывает свой рынок от избытка импорта, от которого отказались США [Электронный ресурс] // Коммерсант. № 19 от 04.02.2019. С. 2. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/387338> (дата обращения: 20.11.2020).

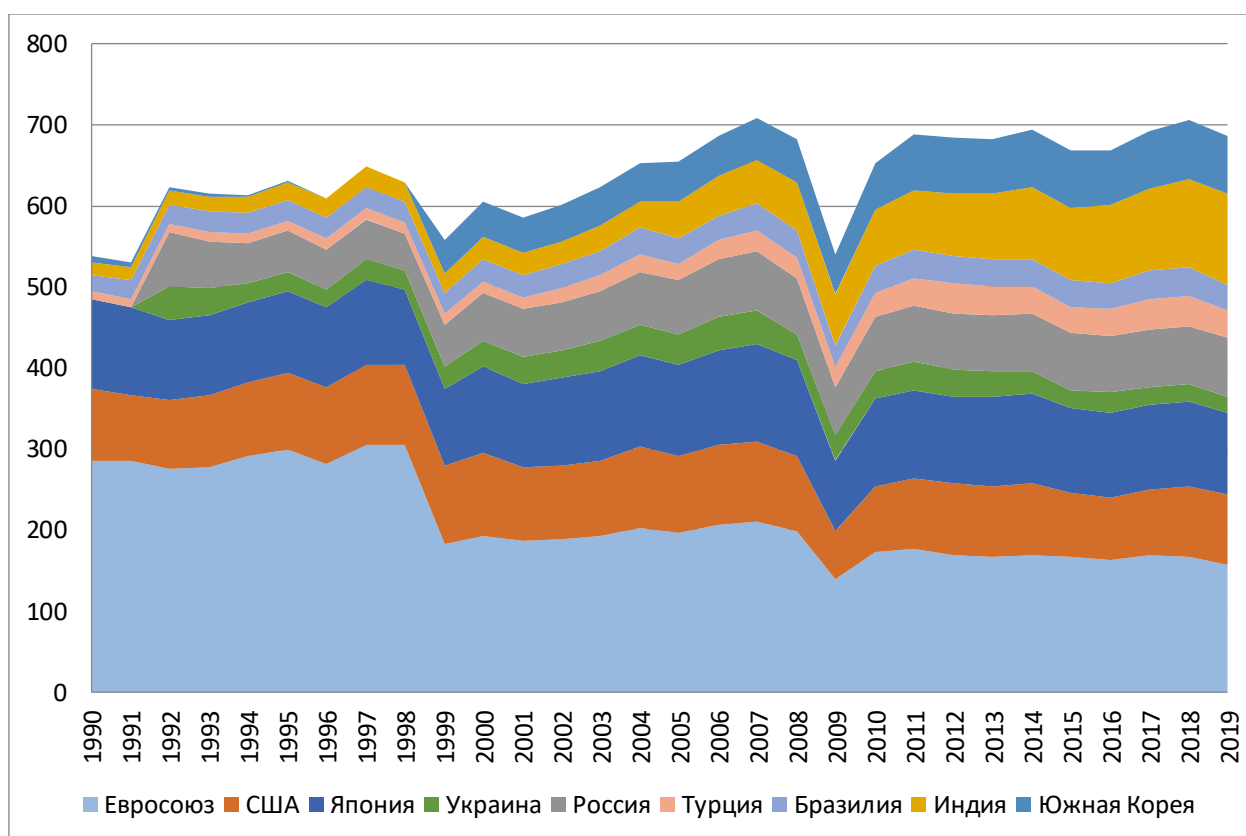
коронавирусной инфекции и т. д. Политическая напряженность между странами заставила власти КНР также пойти по пути ограничений. Отказ от покупки австралийского угля — это первый шаг, который может больно ударить по экономике Австралии, так как Китай потреблял четверть австралийского экспорта угля, более 76 млн т¹.

Несмотря на санкции и ограничения, производство стали в мире стабильно растет. С 1990 по 2019 гг. производство выросло более чем в 2 раза. Этот прирост был обеспечен в основном за счет Китая, в котором производство стали за это же время выросло более чем в 15 раз (см. рис. 3.15 а и б).

(а)

¹ Кудияров С. Опала коалы: шанс для русского коула // Эксперт. № 7. 8–14 февраля 2021. С. 22–26.

(б)

Рис. 3.15. Динамика объемов производства сырой стали в крупных странах и регионах-производителях, млн тонн¹

В этот же период происходит значительное сокращение производства стали в ЕС. Исходя из этих диаграмм можно сделать вывод, что Китай и Южная Корея замещают ЕС как производителя черных металлов. Деграция металлургии на Украине также связана с бурным ростом этих отраслей в Азии. Так, традиционные покупатели черного металла Украины, например Турция, переключаются на потребление более дешевого металла из КНР, несмотря на гигантское транспортное плечо. Китай за 2000-е гг. превратился из импортера стали в экспортера. Однако с 2015 г. экспорт стал заметно снижаться (см. рис. 3.16).

¹ Global crude steel output increases by 3.4 % in 2019 [Электронный ресурс] // World Steel Association AISBL. URL: <https://www.worldsteel.org/media-centre/press-releases/2020/Global-crude-steel-output-increases-by-3.4--in-2019.html> (дата обращения: 22.11.2020).

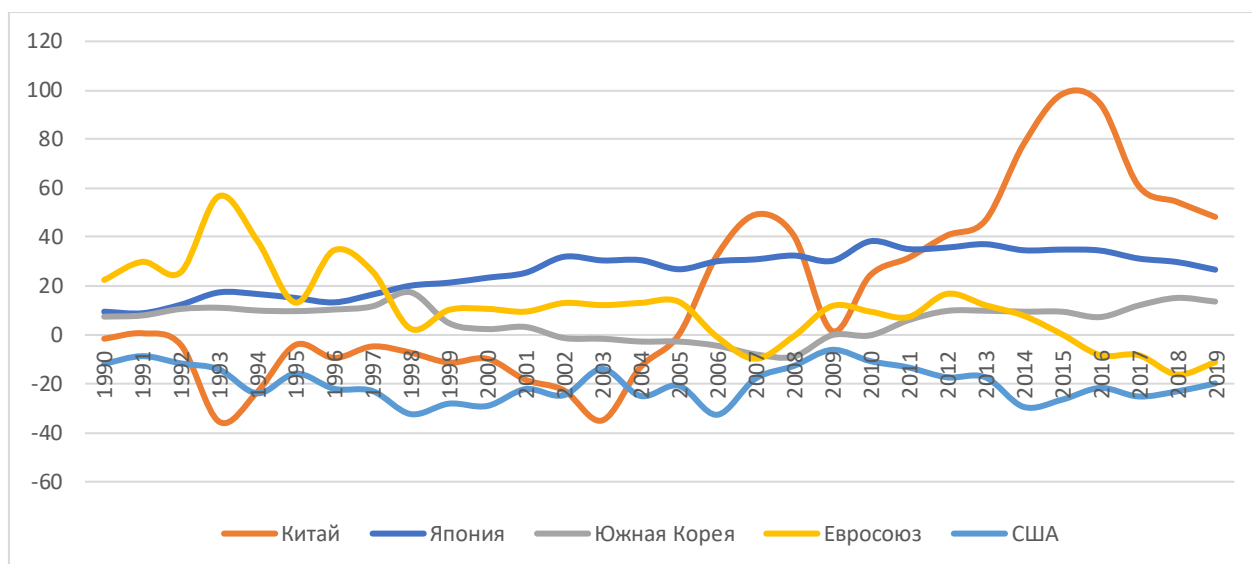
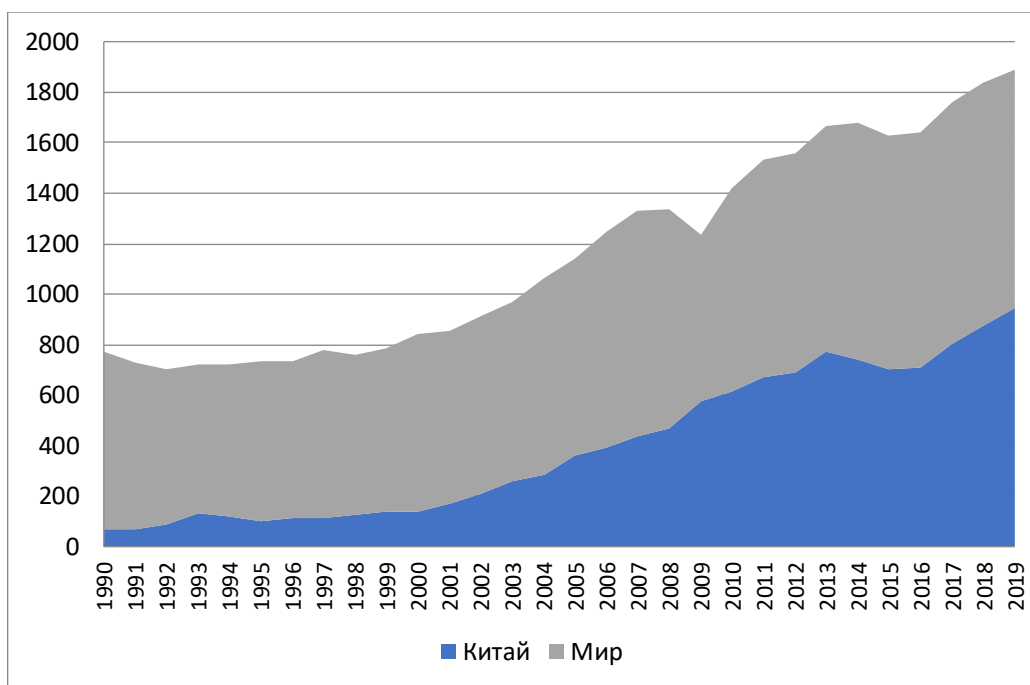

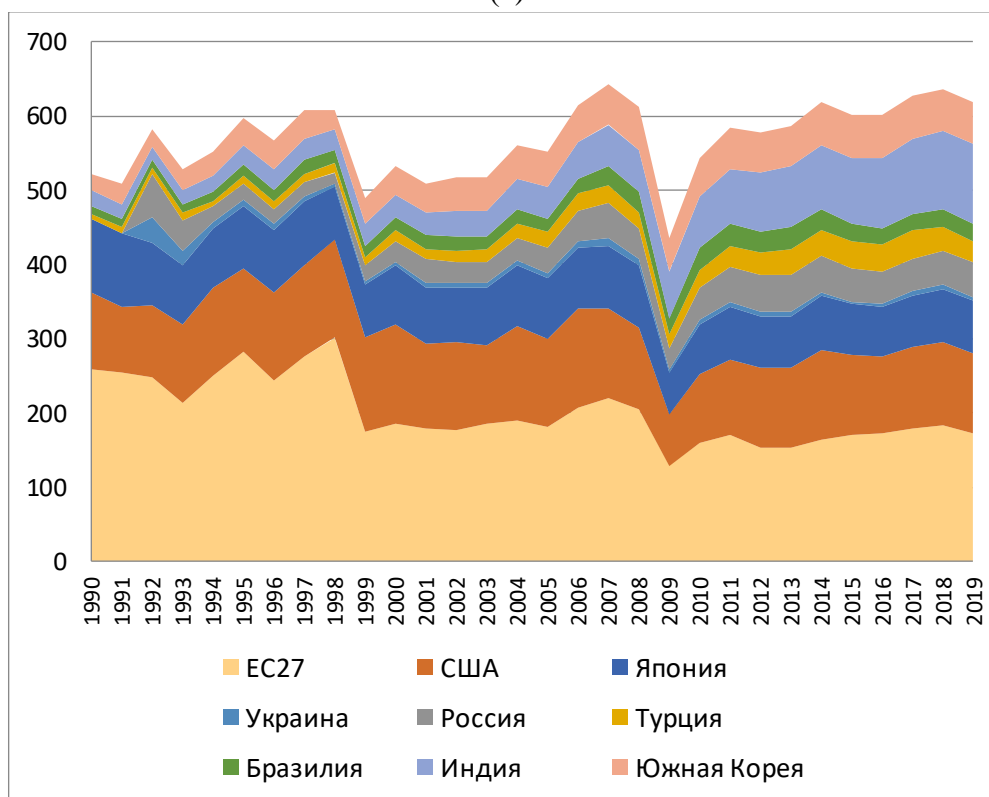
Рис. 3.16. Экспортно-импортный баланс стали (сальдо в млн т):
Китай, Япония, Южная Корея, ЕС, США¹

Данное падение связано с ростом оказываемого на Китай давления, в том числе с усилением санкций на металлургические и обрабатывающие производства, введением антидемпинговых пошлин и других запретительных и протекционистских мер, а также с общим замедлением роста мировой экономики. Данные обстоятельства заставляют страну наращивать внутреннее потребление стали и конкурировать в других отраслях. Производственное применение металлов предполагает наличие металлоемких секторов экономики, то есть освоение их на более высоких переделах, таких как машиностроение, судостроение, автомобилестроение, станкостроение и др. Именно в производстве этих групп инвестиционных товаров сегодня доминирует Китай, подрывая положение европейских стран (см. рис. 3.17 а и б).

¹ Источник: составлено авторами на основании данных Steel Statistic Yearbook 1995. Committee on Economic Studies. International Iron and Steel Association — Brussels, 1996;
Steel Statistic Yearbook 2000. Committee on Economic Studies. International Iron and Steel Association — Brussels, 2000;
Steel Statistic Yearbook 2010. World steel Committee on Economic Studies — Brussels, 2010;
Steel Statistic Yearbook 2015. World steel Committee on Economic Studies — Brussels, 2015;
Steel Statistical Yearbook 2020 concise version [Электронный ресурс] // World Steel Association — Brussels. URL: https://www.worldsteel.org/en/dam/jcr:5001dac8-0083-46f3-aadd-35aa357acbcc/SSY%25202020_concise%2520version.pdf (дата обращения: 20.11.20).

(a)

(б)

Рис. 3.17. Динамика объемов потребления сырой стали в крупных странах и регионах-производителях, млн тонн¹

¹ Источник: составлено авторами на основании данных Steel Statistic Yearbook 1995. Committee on Economic Studies. International Iron and Steel Association — Brussels, 1996;
Steel Statistic Yearbook 2000. Committee on Economic Studies. International Iron and Steel Association — Brussels, 2000;
Steel Statistic Yearbook 2010. World steel Committee on Economic Studies — Brussels, 2010;
Steel Statistic Yearbook 2015. World steel Committee on Economic Studies — Brussels, 2015;

Из этих диаграмм следует, что потребление Китая растет такими же темпами, как и производство черных металлов, тогда как в других регионах мира потребление стали либо стагнирует, либо сокращается, например в ЕС и на Украине. Особенно значительно падение потребления стали в мире заметно в удельных объемах, то есть при измерении его в кг на душу населения. При таком подходе стагнация заметна уже во всем мире, кроме Китая, Южной Кореи и Индии. Например, в США с 1990 по 2019 г. снижение составило 25 %, в Японии — более 30 %, в ЕС — 56 %, а в Украине с 1992 по 2019 г. — более 80 %¹. Такое снижение связано с тем, что конкурировать с азиатскими странами становится все сложнее. К примеру, удельное потребление металла в Китае возросло на 932 %, в Южной Корее — на 115 %. Следует отметить, что потребление металла в КНР составляет 610 кг на человека, что примерно на 11 % больше, чем в Японии (550 кг на человека), и на 85 % больше, чем в США, ЕС или России (в среднем потребление в этих регионах составляет 330 кг стали на человека). В Южной Корее удельное потребление самое высокое в мире — 1082 кг стали на человека².

Примером металлоемкой отрасли, выступающей крупнейшим потребителем стали, является судостроение. Практически во всем мире этот сектор экономики является стагнирующим, так как практически никто не может конкурировать с Китаем, Южной Кореей и Японией. В 2019 г. 86 % суммарной мировой валовой вместимости судов строились в этих трех

Steel Statistical Yearbook 2020 concise version [Электронный ресурс] // World Steel Association — Brussels. URL: https://www.worldsteel.org/en/dam/jcr:5001dac8-0083-46f3-aadd-35aa357acbcc/SSY%25202020_concise%2520version.pdf (дата обращения: 20.11.20).

¹ Поданным Steel Statistic Yearbook 1995. Committee on Economic Studies. International Iron and Steel Association — Brussels, 1996; Steel Statistical Yearbook 2020 concise version [Электронный ресурс] // World Steel Association — Brussels. URL: https://www.worldsteel.org/en/dam/jcr:5001dac8-0083-46f3-aadd-35aa357acbcc/SSY%25202020_concise%2520version.pdf (дата обращения: 20.11.20).

² Там же.

странах. Если в середине XX в. на Европу приходилось 38 % всех производимых судов, то в 2019 г. этот показатель составил 4,5 %¹.

Следует отметить, что мировое судостроение также подтверждает модель «гусиного клина» Т. Озавы. Она показывает, как страна-лидер («ведущий гусь») избавляется от трудоинтенсивных и малоприбыльных производств, как правило, относящихся к предыдущим технологическим укладам. Подбирает эти производства страна (следующий, «ведомый гусь»), стоящая в очереди на модернизацию. Так, в странах старого индустриального центра (Германия, Дания, Голландия) расположены производства небольших, но высокотехнологичных судов. В Японии и Южной Корее серийно производятся технически сложные суда. В этом смысле выделяется Южная Корея, производящая более 50 % танкеров для перевозки нефти и сжиженного газа. Судостроение Китая развивается так же бурно, но ориентировано прежде всего на перевозку насыпных грузов (железной руды, угля). Производство таких судов отстает от технологического уровня Южной Кореи. Однако современный Китай занимает более 40 % мирового производства балкеров, рудовозов и подобных судов, то есть менее технологичных, в том числе обслуживающих производства предыдущих технологических укладов². Для закрепления в этой нише, пусть даже менее рентабельной, чем та, которую занимает Южная Корея, необходимо опираться на собственную инфраструктуру. Ввиду этого Китай инвестирует в постройку мощных грузовых портов-хабов по всему миру, а также планировал реализовать такой уникальный проект как постройка нового Никарагуанского канала. Предполагалось, что по нему смогут легко проходить китайские суда класса Постпанамакс, связывая Китай и богатые разными ископаемыми страны

---

¹ Shipbuilding Statistics [Электронный ресурс] // The Shipbuilder's Association of Japan, 2020. URL: https://www.sajn.or.jp/files/view/articles_doc/src/fcd3f818ebf3318cfd89e293f5bbac1b.pdfP.3 (дата обращения: 20.11.2020).

² Peer Review of the Korean Shipbuilding and Related Government Policies [Электронный ресурс] // OECD, Council Working Party on Shipbuilding, 2015. URL: [http://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=c/wp6\(2014\)10/final&doclanguage=en](http://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=c/wp6(2014)10/final&doclanguage=en)P. 37 (дата обращения: 20.11.2020).

Латинской Америки. Однако с 2017 г. данный проект заморожен, что было вызвано стагнацией мировой торговли.

Таким образом, в «стальных войнах» Китай, несмотря на оказываемое на него давление, выигрывает. Внешние ограничения компенсируются ростом внутреннего потребления стали, что позволяет Китаю не только сохранять лидирующие позиции в черной металлургии, но создавать условия для дальнейшей экспансии в металлоемких отраслях промышленности.

Инвестиционная экспансия Китая

Борьба за лидерство в капиталистической мир-системе заставляет капитал КНР бороться за превращение ряда менее развитых стран в собственную периферию. В соответствии с упомянутой моделью «гусиного клина» Т. Озавы Китай, таким образом, переносит отдельные производства в страны с более дешевой рабочей силой. Потенциал новой периферии весьма велик: на роль нового поставщика дешевой рабочей силы, часто сопровождаемого выгодным географическим положением и высокой степенью открытости для иностранных инвестиций, претендуют 16 стран Латинской Америки, Африки, Азии, совокупной численностью населения около 1 млрд человек¹.

Из последних речей председателя КНР Си Цзиньпина² можно сделать вывод, что Китай желает и дальше пойти по пути глобализации, поэтому готов развивать и расширять свой экспортный потенциал. КНР усиливает не только морские и трансокеанские торговые пути, но также расширяет сухопутные коридоры, диверсифицируя все экспортные каналы сбыта. Гигантские инвестиции в инфраструктуру говорят о том, что китайские власти пытаются поддерживать свой бизнес по всему миру, то есть создавать для него наиболее

---

¹ The Post-China 16: Ascendant Manufacturing Countries [Электронный ресурс] // Stratfor, 2013. URL: <https://worldview.stratfor.com/article/post-china-16-ascendant-manufacturing-countries> (дата обращения: 20.11.2020)

² Калюков Е. Си Цзиньпин призвал «не запереться в темной комнате протекционизма» [Электронный ресурс] // РБК, 17.10.2017. URL: <https://www.rbc.ru/economics/17/01/2017/587e04829a79476f6224e9dd> (дата обращения: 20.11.2020).

благоприятные условия ведения дел. В терминологии Д. Харви, китайцы создают свою «пространственно-временную фиксацию» для глобального накопления капитала¹. Этот термин означает инфраструктуру, позволяющую доминировать в торговле, прямых инвестициях, эффективно эксплуатировать дешевую рабочую силу в других странах, то есть создавать выгодные и комфортные условия для своего крупного капитала. Данные тенденции косвенно подтверждаются такими громкими проектами, как «Один пояс и один путь», направленный на подчинение европейского рынка. Он объединил проекты «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути XXI века». Такую же цель ставит перед собой программа «Помощь в обмен на ресурсы», действующая в отношениях со многими странами Африки, где китайцы вкладываются в инфраструктуру для облегчения импорта ресурсов из этого региона. Подобные инфраструктурные проекты, как правило, закрепляют за китайским капиталом привилегированное положение, в том числе за счет закрепления определенных условий по стандартам, нормативам, техническим требованиям, способам финансирования и т. д. То есть принимающие экономики вынуждены следовать данным стандартам. Например, при строительстве инфраструктурных проектов, типа морского порта, оговариваются основные поставщики оборудования, строительных материалов, а также какие суда будут обсуживаться и в каком приоритете и т. д. Страны-реципиенты уже не смогут быстро переключиться на других поставщиков оборудования, так как возрастут издержки по их интеграции, переучиванию рабочих, внедрению новых стандартов и т. д.

Примером экспансии Китая могут выступать их отношения с Африканским континентом. Еще в 2009 г. КНР стал крупнейшим торговым партнером Африки, обогнав США. К 2018 г. объемы торговли превысили 204

---

¹ *Harvey D.* (2003). *The new imperialism*. NY: Oxford university press; *Li M.* (2008). *The rise of China and the demise of the capitalist world economy*. London: Pluto Press. P. 99.

млрд долл.¹ Китайские прямые иностранные инвестиции в страны Африки показывают также тенденцию к росту (см. рис. 3.18).

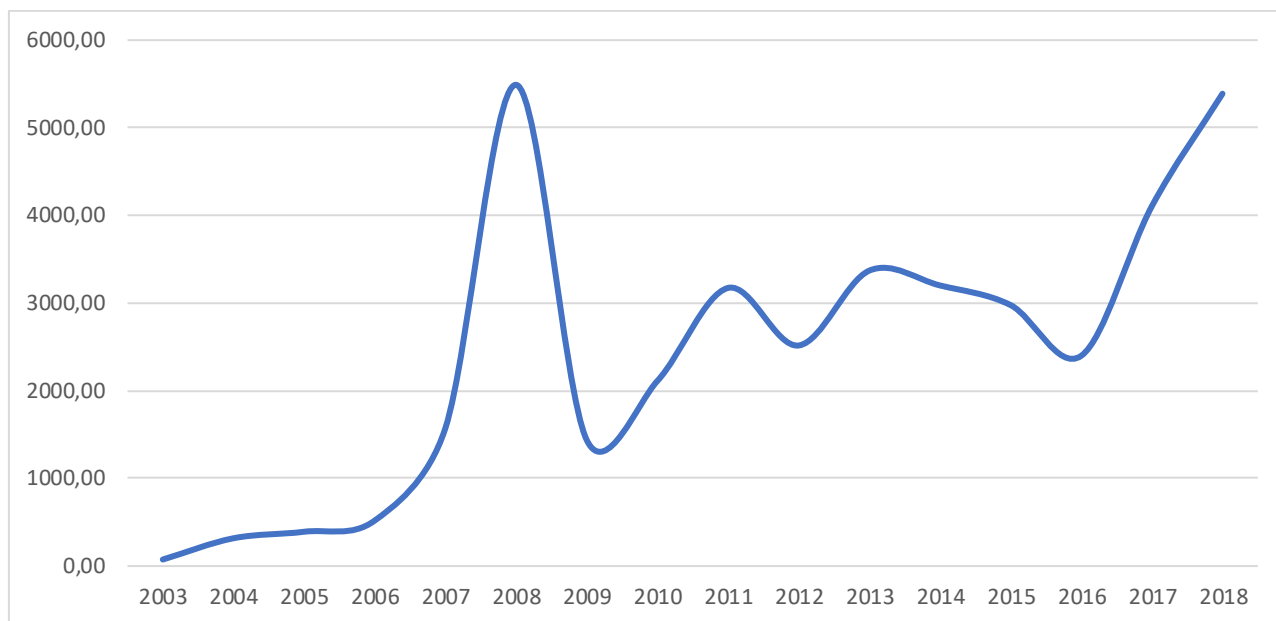

Рис. 3.18. Китайские ПИИ в африканские страны, млн долларов США²

Больше всего из Африки китайскими компаниями вывозится нефть — около 50 % всего импорта (основные поставщики: Ангола, Судан, Алжир). Также импортируется железная руда, золото, платина из ЮАР, кобальт и медь из Демократической Республики Конго и Замбии, 46 % габонского леса, 60 % леса Экваториальной Гвинеи³.

Власти Китая активно помогают Африке в строительстве инфраструктуры, но прежде всего для облегчения вывоза оттуда природных богатств. Поэтому на Западе стали расценивать политику Китая по отношению к Африке как эксплуататорскую и неоколониальную. В Африке китайский бизнес часто обвиняют в несоблюдении экологических и санитарных норм, прав трудящихся, в организации коррупционных схем и т. д. В этом смысле

¹ Товарооборот Китая с Африкой поставил новый рекорд [Электронный ресурс] // ИА REGNUM 07.07.2019. URL: <https://regnum.ru/news/economy/2661235.html> (дата обращения: 20.11.2020).

² Там же; Chinese investment in Africa [Электронный ресурс] // China-Africa Research Initiative. URL: <http://www.sais-cari.org/chinese-investment-in-africa#:~:text=Chinese%20FDI%20annual%20flows%20to,US%245.4%20billion%20in%202018>

³ Захаров А. Н., Русак Н. А. Внешняя торговля Китая со странами Африки // Российский внешнеэкономический вестник. 2018. № 4. С. 71.

политику Китая часто называют «новой формой империализма»¹, так как она направлена на вывоз сырьевых товаров, тогда как опыт и технологии передаются. Однако это гибкая политика, и нельзя не отметить реальной помощи африканским странам, которую оказывает Китай в строительстве школ, малярийных центров, медицинских, сельскохозяйственных проектах и т. д.²

Похожую политику и соответствующую статистику можно наблюдать в направлении стран Латинской Америки (см. рис. 3.19).

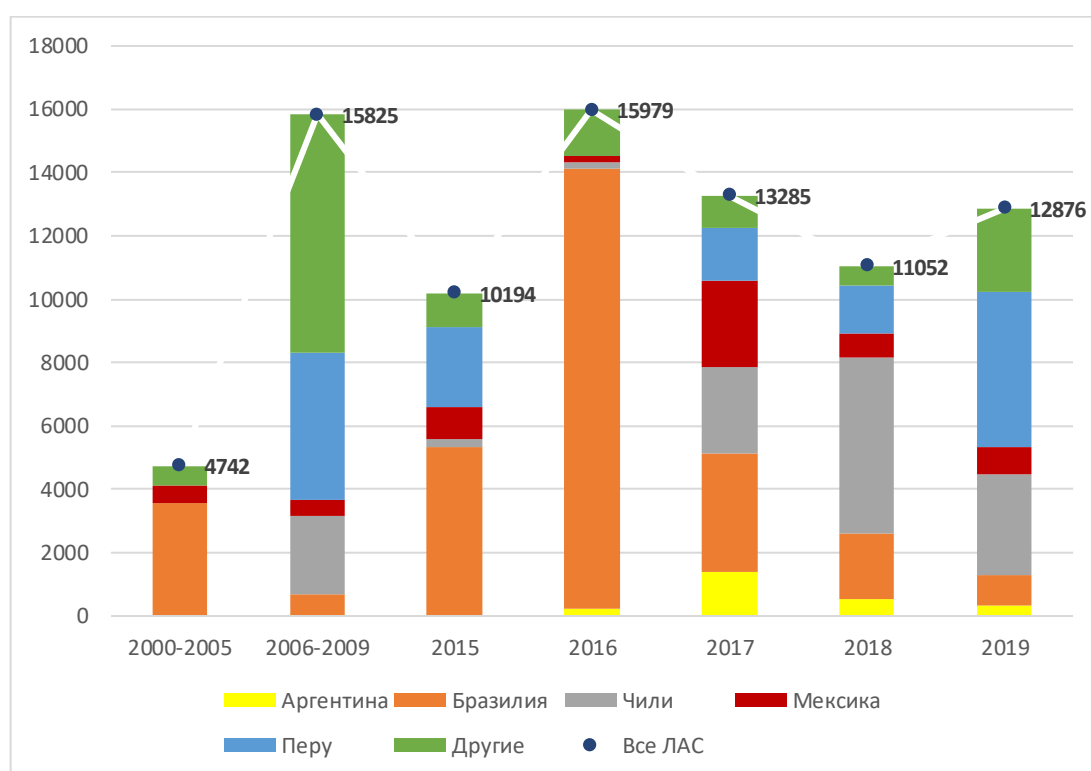

Рис. 3.19. Китайские ПИИ в латиноамериканские страны, млн долларов США³

Экспорт из Латинской Америки представлен в основном товарами биржевой торговли: нефть, железная руда, медь, соевые бобы и т. д. Также

¹ Ирисова О. Гуманный империализм: как Китай завоевывает Африку [Электронный ресурс] // Forbes 27.03.2015. <https://www.forbes.ru/mneniya-column/mir/283713-gumannyi-imperializm-kak-kitai-zavoevyvaet-afriku> (дата обращения: 20.11.2020).

² Там же.

³ Источник: составлено авторами на основании данных Enrique Dussel Peters. Monitor of Chinese OFDI in Latin America and the Caribbean 2020. March 23, 2020 [Электронный ресурс] // URL: https://www.redalyc.org/monitor/images/pdfs/menuprincipal/DusselPeters_MonitorOFDI_2020_Eng.pdf. С. 7.

Китай реализует несколько инфраструктурных проектов: строительство трансконтинентальной железной дороги в Южной Америке совместно с Бразилией и Перу и, как отмечалось выше, трансокеанский канал в Никарагуа.

Следует отметить, что ПИИ из Китая направлены не только в развивающиеся страны, но и в развитые. Например, в США за период 1990–2017 гг. объем ПИИ из Китая составил 139,81 млрд долл. Тогда как из США в Китай — 256,49 млрд долл. При этом инвестиции из США были в основном направлены на строительство новых заводов — 71 % от всех инвестиций. Китайские ПИИ в основном были направлены на сделки слияний и поглощений — 93 % от всех инвестиций¹. С 2018 г. китайские инвестиции стали снижаться, так как со стороны США усилилась протекционистская политика и возникли ограничения инвестиций в сектор ИТ и коммуникационные технологии. Например, в 2020 г. власти США внесли в черный список акции китайских компаний Alibaba, Tencent и Baidu, капитализация которых составляла около 1,4 трлн долл. С 2021 г. планируется процедура делистинга ряда китайских компаний на Нью-Йоркской фондовой бирже (NYSE), в том числе остановка торгов трех китайских телекоммуникационных компаний — China Telecom, China Mobile и China Unicom. Далее планируется рассмотреть процедуру делистинга акций других крупных китайских компаний PetroChina, China Petroleum и Sinopec².

Почти половина вывоза ПИИ из Китая в развитые страны обусловлена технологическими НИОКР, а производство, переработка и эксплуатация ресурсов составляют лишь небольшую часть. Тогда как в развивающиеся страны более половины вывоза ПИИ обусловлено производством, переработкой и эксплуатацией ресурсов (см. табл. 3.6).

---

¹ Harris J. China–US Tensions: Is Globalisation Dead? // International Critical Thought. 2020.

² Какими китайскими компаниями запретило торговать правительство США [Электронный ресурс] // БКС Экспресс. URL: <https://bcs-express.ru/novosti-i-analitika/kakimi-kitaiskimi-kompaniiami-zapreshchaet-torgovat-pravitel-stvo-ssha> (дата обращения: 14.01.2021).

**Таблица 3.6. Кол-во китайских предприятий, осуществляющих ПИИ
в странах центра и периферии¹**

	Деловые и торговые услуги	Производство и переработка	Технологические исследования и разработки	Использование ресурсов
Центр	4705	258	5034	664
Периферия	2039	2489	1919	1300

Ограниченность китайской модели экономического роста

Несмотря на описанные выше достижения экономики КНР, модель ее развития не лишена значительных противоречий. Вместе с началом мирового экономического кризиса прирост ВВП Китая показывает отрицательную динамику, снизившись с 14,2 % до 6,1 % к 2019 г.² Такая связь не случайна, так как последние годы мировой рынок находится в стагнации, а экономика Китая в значительной степени зависит от экспорта. Однако темпы роста не позволяют качественно рассмотреть экономику страны. Для этого обратимся к обзору динамики ВВП Китая по элементам за период с 1978 по 2018 г. Она показывает преобладающую роль инвестиций в экономике, доля которых постоянно растет и в 2019 г. достигла 44 % (см рис. 3.20).

---

¹ Chen H., Pan J., & Xiao W. (2020). Chinese Outward Foreign Direct Investment and Industrial Upgrading from the Perspective of Differences among Countries. China & World Economy, 28 (3), 1–28. doi:10.1111/cwe.12330.

² Рассчитано по данным Всемирного Банка // URL:
<https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?end=2019&locations=CN&start=1960&view=chart> (дата обращения: 20.11.20)/

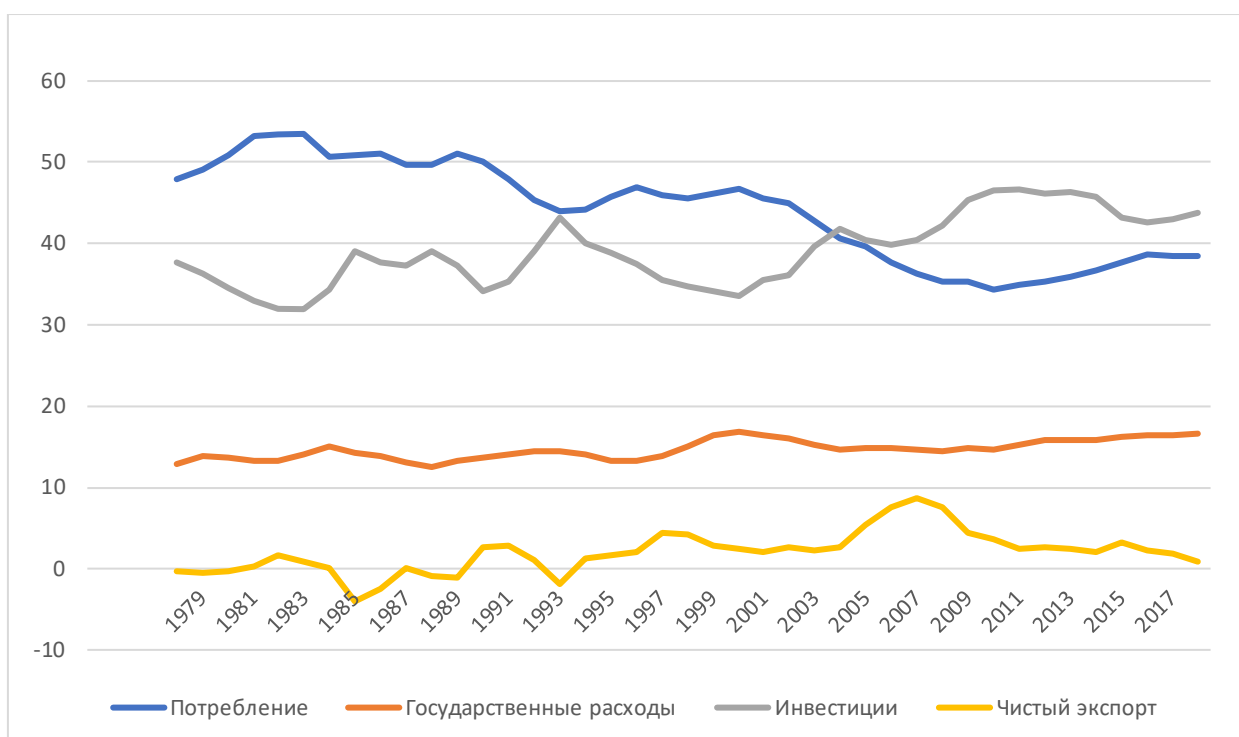

Рис. 3.20. Динамика ВВП Китая по элементам в % (1978–2018 гг.)¹

Инвестиции, направленные в основном на расширение производства, говорят об очень высоких темпах накопления, что при недостаточном внутреннем спросе и сокращающемся экспорте товаров будет означать перепроизводство и относительное перенакопление в реальном секторе. Потребление в структуре ВВП показывает тенденцию к снижению и в 2019 г. составило лишь 38,5 %, что свидетельствует о консервации модели дешевого труда в КНР. Для сравнения, в США этот показатель составляет 68 %, в ЕС — 53 %². Кривая, отражающая государственные расходы, показывает более или менее стабильный уровень около 15 %. То есть государство не стало брать на себя роль основного двигателя экономики. Наконец, чистый экспорт (разница между всем экспортом и импортом), важная составляющая доля ВВП, определяющая приток валюты в страну и являющаяся главным драйвером экономики Китая, стабильно росла до кризиса 2007–2008 гг., а затем начала снижаться вместе с замедлением мировой экономики. Причем заметный рост

¹ Источник: составлено авторами на основании данных OECD // URL: <https://stats.oecd.org/#>

² Рассчитано по данным OECD // URL: <https://stats.oecd.org/#> (дата обращения: 23.11.2020).

доли инвестиций в ВВП с 2009 г. не смог способствовать росту доли чистого экспорта, а вызвал, напротив, снижение. Власти Китая со времен экономического кризиса 2008 г. всячески пытаются стимулировать экспорт. Для этого поддерживают дальнейший рост инвестиций, проводят политику стимулирования, то есть снижения ставки процента, расширения кредита и т. д. С этого времени начинается расширение и обновление инфраструктурных проектов, например, строительства сети высокоскоростных железных дорог, крупных аэропортов и других элементов. Поддерживать темпы экономического роста за счет кредитов и стимулирования инвестиций при недостаточном мировом спросе невозможно продолжительное время. Это уже приводит к сокращению отдачи от капитала в ряде отраслей¹ и может привести к образованию рыночных «пузырей». В 2019 г. объем загрузки производственных мощностей в КНР составлял 76,5 %², в то время как в 2007 г. этот показатель был равен 87,8 %³.

Правительство КНР периодически анонсирует планы обеспечить рост внутреннего потребления для компенсации выпадающих доходов от экспорта⁴. Однако значительных результатов в этом направлении достичь пока не удалось. Существуют ограничения институционального характера, не позволяющие так просто трансформировать экономику, ослабив влияние на нее мировых рынков и перенаправив производства на внутренний рынок. Рост потребления предполагает повышение заработных плат. Если предположить такой сценарий, то это будет означать рост издержек производства и

---

¹ Fan R. (2015). China's Excess Capacity: Drivers and Implications [Электронный ресурс] // Law Offices of Stewart and Stewart. URL: <http://www.stewartlaw.com/Content/Documents/China's%20Excess%20Capacity%20-%20Drivers%20and%20Implications.pdf>

² China Industrial Capacity Utilization 2013–2020 Data [Электронный ресурс] // Trading Data. URL: <https://tradingeconomics.com/china/capacity-utilization#:~:text=Capacity%20Utilization%20in%20China%20averaged,the%20first%20quarter%20of%202020> (дата обращения: 12.12.2020).

³ Business Tendency Surveys for Manufacturing: Capacity Utilization: Rate of Capacity Utilization: European Commission and National Indicators for China [Электронный ресурс] // FRED. URL: <https://fred.stlouisfed.org/series/BSCURT02CNQ160S> (дата обращения: 13.12.2020).

⁴ Leng S. China's big plan to boost domestic consumption in midst of US trade war [Электронный ресурс] // South China Morning Post, 27.08.2019. URL: <https://www.scmp.com/economy/china-economy/article/3024587/chinas-big-plan-boost-domestic-consumption-midst-us-trade-war> (дата обращения: 20.11.2020).

стремительное падение экспорта — то, что в экономической теории называется «модернизационной ловушкой».

Данные проблемы широко обсуждаются и в академических кругах. Следует отметить движение китайских «новых левых», одним из ярких представителей которого является Ли Минци. Их критика касается несбалансированной экономики КНР, ее излишней ориентации на экспорт и накопление капитала. А также нарушения прав трудящихся, особенно так называемого «плавающего населения». Это люди, привлекаемые из деревень для временной работы на фабриках. Численность такого населения составляет около 250 млн человек, которые могут в любой момент быть быстро сокращены и выброшены на улицу. Выход из сложившейся ситуации может быть только за счет сокращения накопления до доли приблизительно в 30 % ВВП и роста доли потребления примерно до 40 % или выше. Это означает массовое перераспределение доходов от капитала к труду, а также повышение социальных расходов государства, сумма которых должна составлять не менее 20 % ВВП¹.

Экономика Китая и шестой технологический уклад

Преодоление «модернизационной ловушки», а также борьба за место гегемона капиталистической мир-системы для Китая могут стать возможны в случае достижения лидерства в шестом технологическом укладе. Периодизация укладов исходит из структуры производства в наиболее развитых странах, задающих направление движения мировой экономики в целом. Страна, сумевшая занять доминирующее положение на стадии широкого распространения ТУ, получает максимальную отдачу от авансированного капитала, что закрепляет за ней место гегемона мир-системы. Голландия на рубеже XVII–XVIII вв. одновременно с развитым

---

¹ Li M. (2008). The rise of China and the demise of the capitalist world economy. London: Pluto Press. P. 87.

флотом обладала наиболее сильной в Европе текстильной промышленностью, что составляло основу 1-го ТУ. Лидером 2-го и 3-го ТУ, ядром которых были паровой и электродвигатель, являлась Великобритания. Соединенные Штаты господствовали в области автомобилестроения и нефтехимии на 4-м ТУ. Успешное освоение технологий этого поколения (космические технологии, мирный атом, самолетостроение) позволяло СССР на равных соперничать с лидерами капиталистического мира. США сохранили свое лидерство в границах 5-го ТУ, основанного на развитии электроники. Появление более совершенных средств коммуникации позволило США обрести дополнительные источники роста за счет создания глобальных цепочек добавленной стоимости, а также гипертрофированного развития финансового сектора. События 2007–2009 гг. стали выражением терминального кризиса американского СЦНК. Страна, претендующая на место нового гегемона мир-системы, должна играть роль технологического лидера, раньше и шире остальных внедрившего технологии 6-го ТУ. Предполагается, что они будут основаны на развитии НБИКС-конвергенции — то есть на взаимосвязанном развитии нано-, био-, инфо-, когно-, а также социогуманитарных технологий¹.

Власти Китая в стратегических планах подчеркивают важность ускоренного движения страны по пути научно-технического прогресса. В ноябре 1986 г. Государственный совет КНР принял «Государственный план по развитию исследований высоких технологий», именуемый «Программой 863». В основу этого плана была положена идея догоняющего развития. Существовало убеждение, что при планировании научно-технического развития невозможно ставить Китай вровень с лидерами капиталистического мира. В 2006 г. в КНР была разработана новая комплексная программа «Государственная среднесрочная и долгосрочная программа развития науки и технологий (2006–2020)». Данный документ ставил задачи повысить долю

---

¹ *Spohrer J.* (2004). NBICS (Nano-Bio-Info-Cogno-Socio) Convergence to Improve Human Performance: Opportunities and Challenges // *Roco M., Bainbridge W.* (eds). *Converging Technologies for Improving Human Performance: Nanotechnology, Biotechnology, Information Technology and Cognitive Science*. Arlington. P. 102.

расходов на НИОКР с 1,34 % ВВП в 2005 г. до 2,5 % ВВП в 2020 г.; создание научно-технических центров мирового уровня; снижение импорта технологий до 30 %.

Экономика КНР действительно сумела совершить серьезный прорыв в области научно-технического прогресса. Однако успехи, достигнутые к 2020-м, нельзя назвать достаточными для того, чтобы считать Китай основным претендентом на лидерство в шестом технологическом укладе. Во-первых, стоит отметить, что высокие темпы роста экономики КНР — во многом результат эффекта низкой базы. При этом производительность труда в КНР остается низкой (см. рис. 3.30).

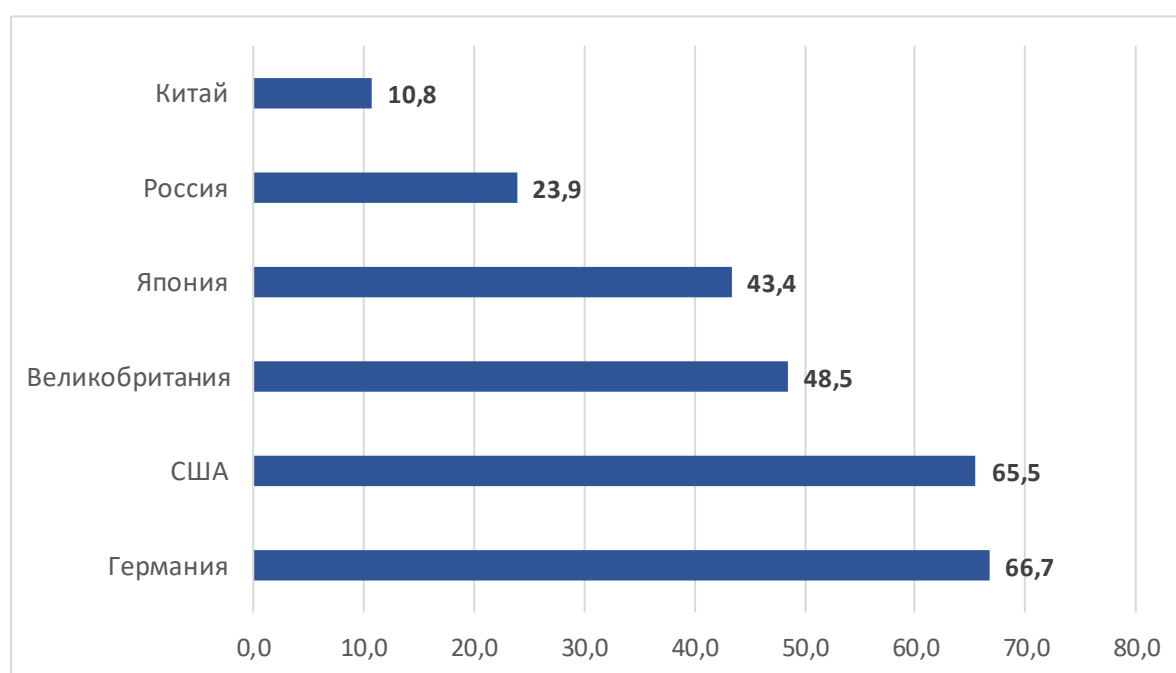

Рис. 3.30. Производительность труда (долл. по ППС в час, 2017 г.)¹

Несмотря на то, что с 1970 по 2017 г. производительность труда в КНР выросла в 6,5 раз — с 1,7 до 10,8 долл. в час, отставание от стран центра остается значительным. Так, производительность труда в Германии более чем

¹ Источник: составлено авторами на основании данных Productivity per hour worked, 2017 [Электронный ресурс] // Our world in data. URL: <https://ourworldindata.org/grapher/labor-productivity-per-hour-pennworldtable?tab=chart&time=2017..latest&country=CHN~FRA~DEU~IND~JPN~RUS~GBR~USA~MEX&region=World>

в 6 раз выше. По данному показателю Китай уступает даже России. Одна из основных причин низкой производительности — высокая трудоемкость производства. В частности, оно выражается в количестве часов трудовой деятельности, приходящейся на одного человека в год. В 2017 г. в Китае продолжительность рабочего времени составила 2174 часа. Для сравнения, в Мексике — 2255 ч, в России — 1974 ч, в США — 1757 ч, во Франции — 1514 ч, в Германии — 1354 ч¹.

Преимущество дешевой рабочей силы, которое позволило КНР привлечь значительные иностранные инвестиции, создает проблемы в попытке заместить ручной труд машинным. Так, по показателю роботизации экономики Китай отстает от среднемировых значений, несмотря на то что в этом направлении были сделаны значительные подвижки. В 2019 г. на 10 000 работников в промышленности КНР приходилось 187 роботов. Для сравнения, в Южной Корее — 855 роботов, в Сингапуре — 918, в Германии — 346, в Японии — 364, в Швеции — 277².

Движение по пути догоняющего развития обрекает страну на роль «инновационной губки», способной лишь впитывать и усваивать существующие знания и технологии. Для того чтобы выйти за границы этой модели, необходимо обеспечить условия опережающего развития, которые выражаются в первую очередь в достаточном финансировании НИОКР. В экономике Китая наблюдается значительный рост расходов на науку и исследования: с 0,5 % ВВП в 1996 г. до 2,2 % ВВП в 2018 г.

Однако темпы роста таких расходов в КНР снижаются. Если в 2007 г. прирост инвестиций в НИОКР составил 15 %, то в последующие годы вместе с замедлением экономического роста прирост инвестиций также стал сокращаться (см рис. 3.31).

---

¹ Giattino C., Ortiz-Ospina E/, Roser M. Working Hours // Our World In Data URL: <https://ourworldindata.org/working-hours>

² Müller C. IFR Press Conference 24th September 2020 Frankfurt [Электронный ресурс] // International Federation of Robotics, 2020. URL: <https://ifr.org/news/robot> (дата обращения: 15.12.2020).

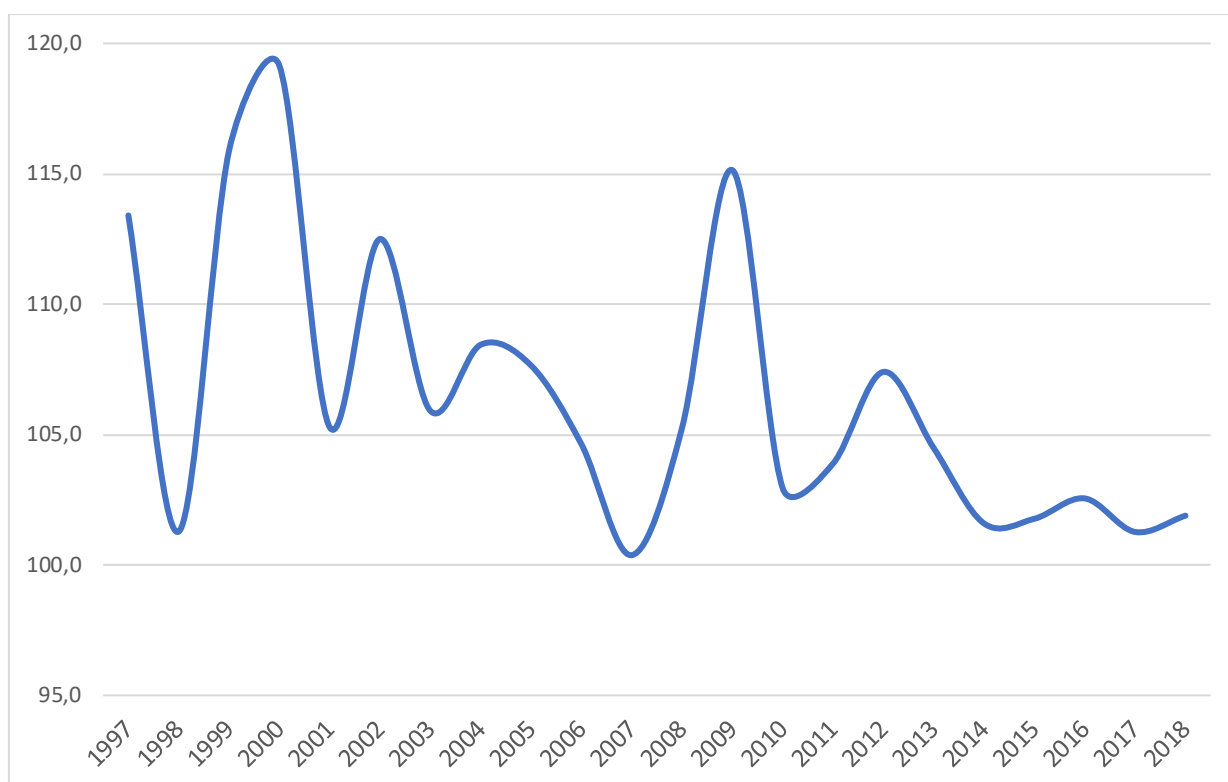

Рис. 3.31. Темп роста инвестиций в НИОКР в экономике КНР (%)¹

При этом даже высокие темпы роста расходов на научно-исследовательскую работу 1990-х и 2000-х гг. не позволили Китаю превзойти уровень лидеров западного мира. В 2018 г. КНР тратил 2,2 % ВВП на НИОКР, США — 2,8 %, Германия — 3,1 %, Япония — 3,3 %. Среднемировой показатель в 2018 г. равнялся 2,3 % ВВП.

Промышленность КНР является одним из крупнейших производителей высокотехнологичной продукции в мире. С 2005 по 2018 г. сальдо торговли высокотехнологичной продукцией является положительным и исчисляется десятками миллиардов долларов. При этом у стран центра мировой экономики — США, ЕС, Японии — этот показатель находится в зоне отрицательных значений (см. рис. 3.32).

¹ Источник: составлено авторами на основании данных Research and development expenditure (% of GDP) [Электронный ресурс] // World Bank, Database. URL: <https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=2&series=GB.XPD.RSDV.GD.ZS&country=>

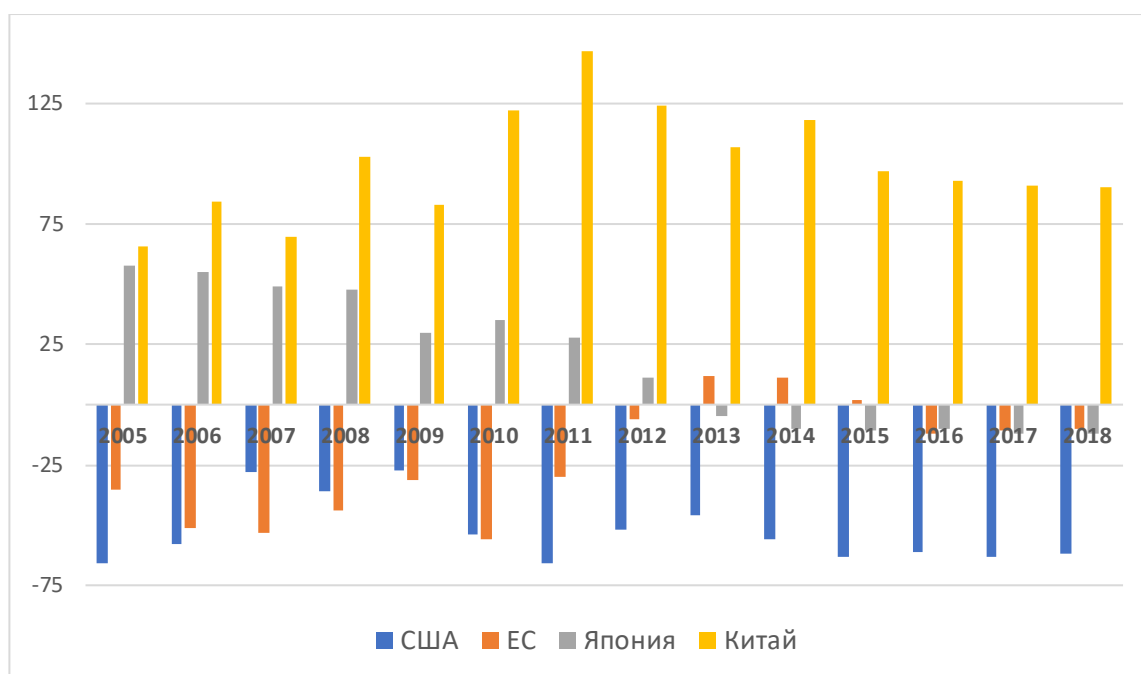

Рис. 3.32. Сальдо торговли высокотехнологичной* продукцией (млрд долл.)¹

*Включает торговлю такими товарами, как: самолеты, космические корабли; телекоммуникационное оборудование, компьютеры, фармацевтические препараты, контрольно-измерительные приборы.

Однако данная статистика не учитывает роль Китая в глобальных цепочках добавленной стоимости, где за КНР сохраняется роль конечного звена, осуществляющего сборку изделий из комплектующих, произведенных в странах, стоящих на более высоких ступенях мир-системы, а также на основе созданных там же технологий. Так, на примере производства смартфона компании Apple видно, как на китайскую промышленность приходится лишь около 1 % добавленной стоимости. В то же время владельцу бренда в США достается около 45 %, остальное приходится на производителей комплектующих и посредников². Однако таможенная статистика засчитывает экспорт готового изделия, которое затем направляется в страны центра, Китаю.

При этом в торговле высокотехнологичными услугами, где данный эффект проявляет себя в значительно меньшей степени, страны ЕС и США

¹ Источник: Merchandise imports by product group — annual (Million US dollar) [Электронный ресурс] // WTO data. URL: <https://data.wto.org/>

² Brennan L. (2015) Rakhmatullin R. Global Value Chains and Smart Specialization Strategy. Thematic Work on the Understanding of Global Value Chains and their Analysis within the Context of Smart Specialization; EUR 27649 EN; 2015, doi: 10.2791/44840. P. 8.

имеют значительно более высокое торговое сальдо, чем Китай, который до начала 2010-х и вовсе имел отрицательный баланс торговли такими услугами (см. рис. 3.33).

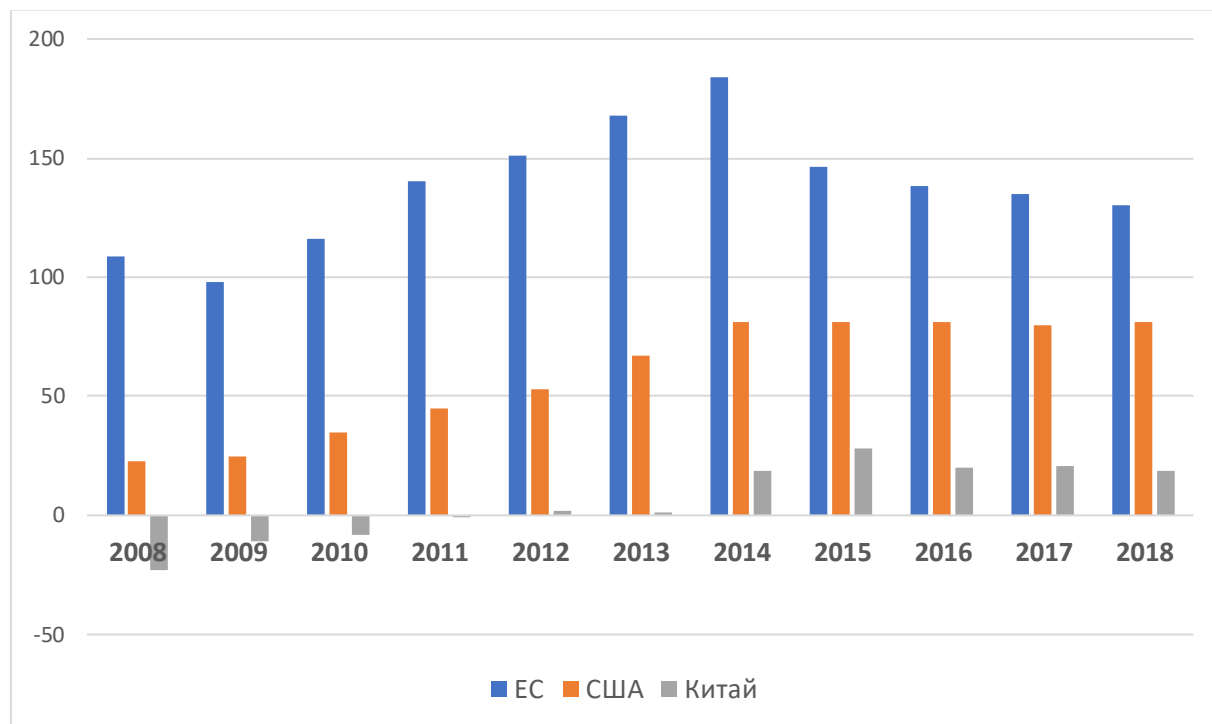

Рис. 3.33. Сальдо торговли высокотехнологичными* услугами (млрд долл.)¹

*Высокотехнологичные услуги включают в себя связь, бизнес-услуги, финансовые услуги, телекоммуникации, информационные услуги.

Сохранение за Китаем роли «сборочного цеха» для мировой промышленности определяется тем, что рабочая сила в этой стране, несмотря на некоторый рост уровня жизни и сокращение бедности, остается значительно более дешевой, чем в странах центра мир-системы. Несмотря на то, что цена рабочей силы в Китае выросла по сравнению с другими странами периферии и полупериферии, она остается намного ниже уровня стран центра.

По соотношению цены рабочей силы и производительности труда промышленность КНР остается более привлекательной в сравнении как со странами центра, так и с многими представителями периферии. См. табл. 3.7.

¹ Источник: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/statis_e.htm, по состоянию на 15 сентября 2017 г.

**Таблица 3.7. Отношение индексов цен рабочей силы и производительности труда
в промышленности в странах центра и периферии относительно Китая¹**

	Индия	Вьетнам	Китай	США	Германия	Южная Корея
Цена рабочей силы*	0,6	0,6	1,0	8,6	10,4	5
Производительность труда**	0,4	0,4	1,0	6,4	4,1	4,8

* 2019 г.

** 2014 г.

Роботизация экономики в таких условиях становится менее выгодной, чем в странах центра. Замещение ручного труда машинным становится необходимым при высоких издержках на наем работников. Данное обстоятельство создает значительные стимулы для инвесторов создавать на территории КНР трудоемкие производства с низкой добавленной стоимостью, что будет препятствовать дальнейшему внедрению промышленных роботов в КНР.

Итак, как было показано, экономика Китая, несмотря на успехи в области развития обрабатывающей промышленности и импорта технологий, все еще значительно отстает от стран центра мировой экономики. В ряде высокотехнологичных отраслей китайские компании играют заметную роль в мировой экономике. Например, в производстве железнодорожного оборудования и солнечных панелей доля доходов китайских компаний более чем в три раза превышает долю КНР в мировом ВВП. В бытовой технике и воспроизведенных фармацевтических препаратах (дженериках) — более чем в 2,5 раза. Выше доли в мировом ВВП достигает выручка КНР на рынке программного обеспечения для интернета, в производстве стали, текстильной продукции, строительных материалов, электрооборудования и др. Однако в таких значимых для развития 6-го ТУ областях, как биотехнологии, разработка полупроводников, производство химических веществ тонкого

---

¹ Источник: *Woetzel J., Chen Y., Manyika J., et al. The China effect on global innovation// McKinsey Global Institute, 2015. P. 63.*

органического синтеза, создание патентованных медикаментов, разработка системного и прикладного программного обеспечения, производство судов гражданской авиации и медицинского оборудования, доля КНР в мировой экономике остается крайне низкой¹. Все это не позволяет разделить оптимизма ряда исследователей относительно скорого технологического лидерства Китая в мире.

Пути развития КНР

Выбор экономического пути и направления очередных реформ в борьбе за место в центре капиталистической мир-системы остро стоит перед властями КНР. Эти вопросы уже вышли в политическую плоскость и вызвали раскол в китайской элите. Российский специалист по Китаю Н. Вавилов показывает, что борьба кланов во власти Китая начала усиливаться настолько, что события последних лет в китайской прессе стали называть Китайской революцией 2.0. Если до 2012 г. число исключенных из партии и последовавших после этого заведенных уголовных дел составляло 10–20 тыс. в год, то в последние годы число таких дел увеличилось примерно до 200 тыс. в год².

Действующие власти Китая не собираются сворачивать рыночные реформы. Напротив, они ориентируются на программу продолжения и углубления реформ, заложенных Дэн Сяопином, которая сегодня происходит под лозунгом «определяющей роли рынка». В КНР продолжается сокращение государственного участия в экономике: если в 2000 г. доля активов в собственности госкомпаний в промышленности составляла 66 %³, то в 2018 г. — лишь 38 %⁴. При этом доля расходов правительства в ВВП, несмотря на значительный рост с 16,2 % в 2000 г. до 33,6 % в 2019 г., приблизились к

---

¹ Woetzel J. et al. (2015). The China effect on global innovation // McKinsey Global Institute. P. 5.

² Вавилов Н. (2019). Некоронованные короли красного Китая. Клань и политические группировки КНР. М.: Концептуал. С.36.

³ China Statistical Yearbook 2001 [Электронный ресурс] // National Bureau of Statistics. URL: <http://www.stats.gov.cn/english/statisticaldata/yearlydata/YB2001e/ml/indexE.htm> (дата обращения: 21.11.2020).

⁴ China Statistical Yearbook 2018 [Электронный ресурс] // National Bureau of Statistics. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2019/indexeh.htm> (дата обращения: 21.11.2020).

уровню США (35,1 %) и все еще значительно отстает от европейских стран, таких как Франция (56 %) и Германия (44,5 %)¹.

На этом фоне все чаще звучат призывы провести в КНР массовую приватизацию. Если таким планам суждено сбыться, это приведет к легальному перераспределению собственности госкорпораций между кланами региональных элит.. Тенденции федерализации и даже феодализации отчетливо проявляются в современном Китае. Этому способствует усиление и без того серьезного расслоения между богатыми и бедными (коэффициент Джини приближается к значению 50²), а также значительная неравномерность благосостояния в разных провинциях, которая может отличаться в разы. Например, ВВП на душу населения Шанхая в пять раз превышает этот показатель в Ганьсу³. Богатые восточные провинции выступают против дотационной поддержки бедных западных регионов, настолько, что готовы выступить за децентрализацию и федерализацию страны. Также растут противоречия с Гонконгом, одним из важных звеньев, связывающих экономику КНР, мировую торговлю и финансы.

Обостряется полемика вокруг выбора дальнейшей идеологии развития КНР. Разные кланы в государстве и крупном бизнесе являются сторонниками противоречащих друг другу экономических программ. Близкие Си Цзиньпину структуры из силового блока и армии, в основном выходцы из северо-западной провинции Шэньси, образуют «шэньсийскую группу», придерживающуюся взглядов, похожих на конституционную монархию с опорой на китайский национализм. Они являются проводниками новой идеологии, опирающейся на «традиционные китайские ценности», присущие дореволюционному Китаю. Главной экономической инициативой этой группы является строительство пояса Шелкового пути с центром в столице Шэньси

---

¹ World Economic Outlook Database, World economic outlook, China [Электронный ресурс] // URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2020/October/weo-report> (дата обращения: 15.11.2020).

² От желтых морей до пустынного края. Как Компартия Китая удерживает вместе 33 региона [Электронный ресурс] // Коммерсант. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3629907> (дата обращения: 20.11.2020).

³ Там же.

провинции Сиань, который позволит выйти на рынки ЕС через Среднюю Азию, Турцию, Иран, а также Россию. Данный путь особенно необходим в случае обострения ситуации в Южно-Китайском море с Вьетнамом и Филиппинами, за которыми стоят США и Япония. Таким образом, данная группа стремится диверсифицировать торговые пути Китая и продолжить экспансию на внешние рынки, отстаивая идеи глобализации и особую роль Китая в ней. Для реализации данной политики создается соответствующая инфраструктура, в частности форум в Боао (провинция Хайнань) — аналог экономического форума в Давосе, Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии — аналог ОБСЕ, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций — аналог МВФ¹.

Следует выделить еще одну конкурентную силу во власти — «комсомольскую группу» во главе с бывшим генсеком Ху Цзиньтао и нынешним премьер-министром Ли Кэцяном, придерживающуюся политики экономической либерализации и финансовой глобализации. Действующему премьеру Ли Кэцяну вместе с еще одной группой, «шанхайскими» финансистами, принадлежит авторство проводимой политики «кредитной накачки» экономики и либерализации в области финансовых рынков, что привело к образованию пузыря на Шанхайской фондовой бирже в 2015 г. Власти Китая позже прекратили практику кредитной накачки, чтобы справиться с возникшими спекулятивными пузырями. Хотя процессы финансиализации, происходящие в странах центра и сулящие гигантские прибыли, до сих пор импонируют группам, придерживающимся либеральных подходов.

Таким образом, если «шэньсийская группа» во главе с Си Цзиньпином и другими представителями потомственных элит придерживается изоляционистских взглядов и опирается на национальные силы для

---

¹ Вавилов Н. Некоронованные короли красного Китая. Клановые политические группировки КНР. М.: Концептуал, 2019. С.15

дальнейшей экспансии Китая, то группа «комсомольцев» и «шанхайские» финансисты обращаются к США в надежде на поддержку курса дальнейшей неолиберальной глобализации, углубления рыночных отношений в Китае и масштабной приватизации, считая такой путь спасительным.

Однако такой путь опасен для Китая. Как отмечал С. Амин, США требуют подчинения и если добьются своего, то вынудят Китай предоставить доступ для иностранных банков, которые смогут конкурировать с китайскими государственными и частными банками. Далее последуют требования по снятию фиксированной ставки обмена юаня, созданию гибкой, колеблющейся ставки¹. Сейчас КНР сохраняет независимость в проведении денежно-кредитной политики. ЦБ Китая контролируется государством и имеет широкие права в проведении независимой монетарной политики, как и ФРС США. КНР может лишиться финансовой независимости и будет вынуждена интегрироваться в глобальную финансовую систему рынка. «Китай, переходящий к системе гибких „рыночных“ ставок, покажет точно такие же результаты, как и в других странах Юга: уничтожение миллионов конкурентоспособных китайских производителей; и это приведет к концу мечты о благосостоянии китайского народа. Это как раз и является целью западного монополистического финансового капитала»². Амин считает, что дальнейшее возвышение Китая в рамках существующей, неолиберальной модели глобализации невозможно.

Итак, успех КНР в борьбе за место гегемона мир-системы возможен лишь в случае обретения ею лидирующих позиций в шестом технологическом укладе. Несмотря на значительные экономические успехи, Китай остается частью мировой периферии, с закрепленной за ним ролью источника дешевой рабочей силы. Данное обстоятельство, во-первых, препятствует ускоренному движению страны по пути научно-технического прогресса, а во-вторых,

---

¹ Амин С. (2019). Финансовая глобализация: войдет ли в нее Китай? // Вопросы политической экономики. №. 1. С. 30

² Указ. соч., с.31

формирует противоречия, подрывающие традиционные для КНР источники роста. В условиях деглобализации мировой экономики, ограниченного доступа на внешние рынки источником выхода из модернизационной ловушки должно стать расширение потребительского спроса и создание достаточной глубины внутреннего рынка для продукции национального производства. Для достижения таких целей от государства требуется значительное расширение социальной политики, борьба с социальным неравенством, обеспечение роста зарплат, что невозможно без усиления вмешательства правительства в экономику страны в роли как регулятора, так и собственника производственных мощностей. В этой связи Китаю необходимо отказаться от идей полной интеграции в капиталистическую мир-систему и борьбы за место ее гегемона. Вместо этого необходимо осуществить «отделение», развиваясь по альтернативному пути совместно с другими странами периферии. Многие из этих тезисов находят отражение в программе китайских «новых левых», однако противоречат интересам крупного капитала КНР. Таким образом, экономическое будущее Китая в значительной степени зависит от результатов политической борьбы и организованности многочисленного китайского рабочего класса, способного оказать решающее влияние на определение вектора социально-экономического развития КНР.

Заключение

Предметом настоящего исследования является проблема деглобализации современной мировой экономики. Санкции, протекционизм, кризис региональной интеграции и углубление политических противоречий между крупнейшими игроками сильно контрастируют на фоне идеологии неолиберального глобализма, которая господствовала в мире на протяжении трех десятков лет. Современный этап деглобализации стал отражением кризиса неолиберализма как доминирующей политической парадигмы, направленной на повышение нормы прибыли транснационального капитала в условиях финансовой экспансии американского системного цикла накопления капитала.

Как и большинство общественно-экономических процессов, глобализация также не носит линейного характера. История капитализма показывает нам периоды либерализации и открытости экономик, которые сменяются этапами деглобализации и ограничением рыночных свобод. Исторически развитие экономической мысли по вопросам международной торговли, глобализации во многом отражало эволюцию экономической реальности. На этапе первоначального накопления капитала государства боролись за освоение новых рынков. В этих условиях представители меркантилизма концентрировали внимание на сфере обращения и, в частности, обосновании протекционистских мер в политике международной торговли.

По мере формирования национальных рынков и экономического освоения зарубежных территорий происходил все больший отход от приверженности протекционизму. Позднее, в преддверии становления классической политической экономии основной предмет изучения был перенесен из сферы обращения на сферу производства. При этом, хотя вопросы международной торговли уже не находились в центре внимания исследователей, они были вписаны в систему экономико-теоретического

знания. На торговые отношения с другими странами, в частности, распространился принцип *laissez-faire*, или позже сформулированное понятие «невидимой руки» рынка. Смитом и Рикардо были разработаны теории абсолютных и относительных преимуществ соответственно, в которых лежало обоснование принципа невмешательства в международную торговлю. Впоследствии, когда многие фундаментальные положения английской классической политэкономии были унаследованы неоклассикой, установки на свободу международной торговли без принципиальных корректировок были приняты на многие десятилетия вперед.

Заложенное классической политэкономией понимание разделения труда как сущности рынка и источника большей производительности стало широко признанным. Впоследствии оно было перенесено и в неоклассические направления. Однако такой подход можно назвать очень ограниченным. В нем игнорируется принцип историзма, национальная специфика, потенциал долгосрочного экономического развития стран, что позволяет объяснить современное состояние экономической турбулентности лишь действием случайных факторов.

Институциональные направления отчасти решают проблему ограниченности предмета неоклассики. Однако их объект изучения также остается достаточно узким, так как затрагивает лишь малую часть аспектов проблемы глобализации. Многие выводы исследователей-институционалистов можно назвать далеко идущими, если не сказать претенциозными. Выдвигаемые суждения об основах требуют построения длинной цепочки взаимосвязанных факторов, лежащих на разных предметных уровнях. Однако авторы делают масштабные выводы, опираясь на замкнутую в себе, ограниченную методологию, оставляют за пределами внимания многие важнейшие явления и процессы. В итоге, например, объяснение современных явлений деглобализации популистским стилем отдельных политиков выглядит неубедительным.

Последователи кейнсианской традиции большее внимание уделяли макроэкономическим аспектам национальных экономик отдельных стран, что далеко не всегда требует погружения в аспекты международной торговли. Тем не менее по мере развития глобализации, усиления ее противоречий кейнсианский посыл о периодическом нарастании рыночных дисбалансов стал больше проникать и на наднациональный уровень. Впрочем, это не привело к появлению крупных целостных концепций. Исследователи обращаются к отдельным аспектам глобализации, причем зачастую отходя от методологии, несущей кейнсианские корни, в сторону традиционного институционализма и политической экономии.

Классики марксизма подвергли критике ряд основных положений классической политэкономии, применяя новый исследовательский инструментарий. Историко-материалистический подход позволил осветить явления в динамике их развития, тесной взаимосвязи друг с другом и преемственности. Ключевая движущая сила трансформаций — стремление капитала к максимизации прибавочной стоимости, что связано с усилением эксплуатации труда. В этом контексте глобализация рассматривалась Марксом как прогрессивное явление, которое усиливает внутренние противоречия капитализма, распространяя его отношения на весь мир.

Последний аспект подвел марксистов к исследованию нового феномена империализма на рубеже XIX–XX вв. Перед капиталистической системой встала проблема перенакопления, для преодоления которой капиталы крупнейших стран вступили в борьбу за передел мира с активной поддержкой со стороны национальных государств. Полемика о природе и будущем империализма вылилась в развитие отдельного теоретического направления, сильно увязанного с марксизмом, — мир-системного анализа. Преодолевая предметные ограничения классического марксизма, которые стали появляться вместе с усложнением международных экономических связей, он концентрируется на рассмотрении мировой экономики как единого целого, объясняя природу непаритетных отношений между ее участниками.

Глобализация, таким образом, понимается как неотъемлемая черта капиталистического способа производства, который на протяжении своей истории развивался как единая мир-система, разделенная на центр, периферию и полупериферию. Отношения между «этажами» системы основаны на извлечении империалистической ренты.

Процессы глобализации подвержены цикличности, в которой можно выделить долго- и среднесрочные колебания. Первые связаны с фазами системных циклов накопления капитала: на этапе их финансовой экспансии глобализация ускоряется, замедляясь в условиях материального расширения. Усиление глобализационных тенденций выражает ужесточение экономической зависимости периферии от центра, который таким образом пытается компенсировать потери, связанные с перенакоплением капитала и падением средней нормы прибыли. Деглобализация возникает на фоне кризиса мир-системы и связана с обострением политической и экономической борьбы сильнейших участников мировой экономики за передел сфер влияния. Кризис мир-системы одновременно выражает упадок существующего гегемона, который выражается в подрыве его роли промышленного, научного, военного и финансового центра, и возрождение наиболее сильных представителей периферии. Их подъем становится следствием инвестиций, получаемых их центра в предшествующие десятилетия. Такая ситуация открывает окно возможностей для отдельных представителей периферии, готовых вступить в противостояние с центром за выход из экономической зависимости.

Среднесрочные циклы глобализации подвержены сильному влиянию технико-экономических факторов. На этапе начала очередного технологического уклада мировой экономике свойственно ограничение экономической интеграции. Данное обстоятельство отражает стремление лидирующих государств оградить национальный рынок от внешней конкуренции. Это позволяет капиталу сконцентрировать усилия на поиске и освоении новой революционной технологии. Стимулом, подталкивающим

капитал на путь инвестиций в новые технологии, выступает динамика нормы прибыли, которая имеет тенденцию к снижению и стагнации на указанном этапе. После того как новая технология освоена национальными производителями, а концентрация капитала создала национальных лидеров, обладающих достаточной конкурентоспособностью, внешнеэкономические связи между странами активизируются, что выражает конкуренцию за освоение новых рынков.

Растущая норма прибыли толкает инвесторов к ее капитализации в форме дальнейших инвестиций в те отрасли, где новая технология позволяет увеличить отдачу от капитала. Одновременно это создает предпосылки перенакопления — это результат диспропорций в распределении инвестиций и ограниченности спроса, возникающей в результате эксплуатации труда. Перенакопление ведет к снижению предельной рентабельности в производстве, что направляет капитал в финансовый сектор. Происходит финансиализация экономики и образование биржевых пузырей. После их схлопывания экономика переходит в стадию падения средней нормы прибыли, что вновь запускает процесс поиска новой революционной технологии, способной обеспечить рост производительности труда. Таким образом, динамика нормы прибыли в центре капиталистической мир-системы играет роль движущей силы и регулятора экономики и выступает значимым фактором, определяющим движение мировой экономики по пути расширения и сужения глобализации.

Мировой экономический кризис 2007–2009 гг. произошел в особенную историческую эпоху. В ней совпали фазы долго- и среднесрочных циклов. Американский системный цикл накопления капитала переживал свой сигнальный кризис, который стал завершением финансовой эскалации капитализма с 1970-х. Этот период пришелся на этап широкого распространения пятого технологического уклада, ядром которого стали информационно-коммуникационные технологии. Их применение ускорило создание глобальных цепочек добавленной стоимости, а также

способствовало гипертрофированному росту финансового сектора мировой экономики. Страны центра использовали эти каналы для усиления эксплуатации труда как на периферии мировой экономики, так и в центре, что позволило повысить отдачу от капитала и преодолеть кризис «стагфляции» 1970-х. По мере исчерпания потенциала пятого ТУ рост нормы прибыли вновь замедлился, а противоречия глобального перенакопления капитала обернулись мировым финансовым кризисом. Таким образом, в мировой экономике созрели достаточные условия для того, чтобы эпоха неолиберального глобализма сменилась периодом деглобализации, который продолжается с момента преодоления острой фазы кризиса. Этот период является отражением борьбы крупнейших стран за роль нового гегемона мир-системы. Важнейшим фактором победы в этом противостоянии станет успешное освоение технологий шестого ТУ. Оно обеспечит лидирующим странам рост нормы прибыли и закрепит их доминирование в мировой экономике. Геополитическая напряженность, торговые войны и санкции главным образом могут быть объяснены усилением конкуренции за будущее технологическое лидерство.

В этих условиях происходит трансформация производственных отношений капитализма, значительное воздействие на которые оказывают технико-экономические факторы. Еще в середине прошлого века, после Второй мировой войны, была выделена специфика новой технологической основы производства: автоматизация и синтетическое воздействие на материалы (новые элементы появляются путем соединения, а не разъединения старых элементов)¹. Однако в те времена развитие соответствующей техники, по сути, находилось в зачаточной стадии, в то время как на этапе шестого технологического уклада она должна себя реализовать в полной мере. А. Л. Гринин и Л. Е. Гринин также определили начало последней, кибернетической производственной революции в середине XX в. с ее

---

¹ Бернал Дж. Д. Наука в истории общества. М.: Изд-во иностранной литературы, 1956.

максимальным развитием в ближайшие десятилетия¹. Мощным трансформациям подвергнутся все элементы процесса труда (средства труда, предметы труда, организационно-управленческие аспекты труда).

Автоматизация, наиболее ярко развивающаяся как результат достижений в областях ИКТ, снимет с человека часть производственных функций. Теперь машины в значительной степени смогут не только воздействовать на материалы, но и контролировать это воздействие, управлять им. Кроме «инженерной» задачи создания продукта кардинальным образом растут расчетно-прогностические возможности выявления спроса, других ключевых для производителя данных. Одновременно усиливается вероятность усиления противоречий между интересами различных социальных групп в связи с неравномерным доступом к прорывным технологиям. В этой связи возникает дополнительная потребность в координирующей роли внешних по отношению к рынку институтов, в первую очередь государства.

Перед государством становится задача активного участия в управлении экономикой, в том числе через инструменты экономического планирования. Этому также способствует само содержание новой технологической волны, связанной с рывком в расчетных и прогностических возможностях². Специфика взаимосвязи технологий и высокие ставки в глобальной конкурентной борьбе ставят перед государством задачу обеспечить тесную интеграцию между такими сферами, как подготовка кадров, фундаментальная и прикладная наука, производство. Потенциал частного капитала при решении подобной задачи на уровне всего хозяйства ограничен. Таким образом, вместе с постепенным переходом мировой экономики к шестому ТУ будет снижаться значимость традиционных рыночных институтов.

---

¹ Гринин А. Л., Гринин Л. Е. Кибернетическая революция и исторический процесс (технологии будущего в свете теории производственных революций) // *Философия и общество*. 2015. № 1–2. С. 17–47.

² Более подробно о предпосылках роста обращения к проблеме планирования см. в Маслов Г. А. Трансформации корпоративного планирования: предпосылки актуализации в экономической теории // *Вопросы политической экономии*. 2020. № 2. С. 147–158.

Будущее глобализации

Господствующая ныне модель накопления, очевидно, находится в состоянии кризиса. Обострение экономического и политического противостояния между её наиболее влиятельными участниками свидетельствует о скором приближении развязки, точки бифуркации системы. В категориях диалектического материализма это означает перерыв постепенности, совершение системой скачка от одного качественного состояния к другому. При этом повышается неустойчивость системы, порождая неопределённость: перейдет ли она на новый уровень упорядоченности или же окажется в состоянии хаоса. Это состояние характеризуется высокой степенью неопределенности и, как следствие, значительным влиянием случайных факторов на направление движения всей системы.

Данное обстоятельство, с одной стороны, открывает для исследователей множество сценариев развития мир-системы, позволяющих взглянуть на социально-экономические и политические процессы с разных сторон, а с другой — затрудняет прогнозирование, усиливая действие факторов неопределённости. На сегодняшний день многими исследователями были сформулированы сценарии, по которым будет развиваться мировая экономика в границах ближайших десятилетий. Так, Р. Десаи ожидает движение мира по пути возникновения альянсов или блоков государств, т. е. многополярности¹. Подъем «догоняющих» стран (прежде всего Китая) вкупе с ограниченным потенциалом дальнейшей экспансии прежних лидеров (прежде всего США) увеличат плотность на «верхних слоях» мировой экономической иерархии. На фоне снижения значения американского доллара будет повышаться влияние региональных валют, а их эмитенты станут инициаторами региональной интеграции, которая придет на смену глобализации. Таким образом, мы можем стать свидетелями нового цикла накопления капитала без определенного

---

¹ Desai R. Geopolitical Economy: After Hegemony, Globalization and Empire. London, Pluto Press, 2013.

гегемона. На этапе формирования новых центров и их окружения в мировой экономике в целом будет сохраняться общий тренд на дезинтеграцию, а глобализация сменится регионализацией. Эта позиция в некоторой степени пересекается с идеей И. Валлерстайна о том, что эпоха американской гегемонии сменится долгим периодом турбулентности, который будет сопровождаться социальным регрессом, становлением неофеодальных отношений и глобальной раздробленностью¹.

Данные гипотезы, безусловно, заслуживают внимания, однако их оценка выходит за рамки настоящего исследования. При этом полученные результаты позволяют авторам сформулировать собственные прогнозы развития капиталистической мир-системы.

1. Идея о перемещении центра мир-системы в Азию была и остается популярной в среде представителей мир-системного анализа. Так, Дж. Арриги возвышение восточноазиатского региона ассоциировал с лидирующим положением Японии. Однако кризис «потерянного десятилетия» 1990-х и последовавшая за ним долгая стагнация японской экономики заставили его уточнить свой прогноз, ставя Китай на роль гегемона нового азиатского СЦНК. Как было показано в третьей главе, КНР действительно имеет притязания на то, чтобы вытеснить американский и европейский капитал с рынков Латинской Америки, Африки, Азии, а также активно проникая в сами экономики центра. У Китая сохраняется преимущество дешевой и дисциплинированной рабочей силы, ядерное оружие и относительная независимость финансовой системы.

Если КНР в недалеком будущем присоединится к развитым странам центра в рамках существующей модели неолиберальной глобализации, то кто-то будет вынужден покинуть ядро мир-системы, освободив место для Поднебесной. Таким кандидатом на вылет мог бы стать Европейский Союз,

---

¹ См. подробнее: *Валлерстайн И.* Типология кризисов в миросистеме // Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / пер. с англ. П. М. Кудюкина. Под общей редакцией канд. полит. наук Б. Ю. Кагарлицкого. СПб.: Издательство «Университетская книга», 2001. С 109–130.

который испытывает серьезное конкурентное давление со стороны Китая и в настоящее время переживает кризис экономической и политической интеграции. Разумеется, такой сценарий может быть осуществлен после серьезных военно-политических конфликтов, к которым Китай, очевидно, готовится, активно наращивая военную мощь, модернизируя армию и флот.

В случае успеха КНР может последовать пути соседей по региону и начать перенос производств в менее развитые страны Азии, Африки и Латинской Америки. Их окончательное раскрестьянивание даст капиталистической мир-системе еще около 1 млрд рабочих рук, на которые можно переложить часть трудоемких производств, с одновременным развитием в Китае технологий шестого ТУ. Однако эффект от экстенсивного роста капиталистической мир-системы будет значительно меньшим, чем в 1970–1980-е гг., когда вставший на путь индустриализации Китай предложил иностранным инвесторам не только большую массу рабочей силы, но и ее высокую концентрацию, которой невозможно достичь через вовлечение в мировую промышленность небольших стран, расположенных на разных континентах. Кроме того, переход КНР в группу стран центра и соответствующая деформация китайского социума в сторону общества потребления усугубит проблемы экологии, которые и сейчас являются значительным вызовом развитию Китая. Таким образом, мировая экономика перейдет в азиатский цикл накопления с центром в КНР. На первой фазе — материальной экспансии — международные экономические отношения будут развиваться менее интенсивно, чем в предшествующие десятилетия, а крупнейшие производители будут в большей степени сконцентрированы на внутреннем потреблении.

В этой связи встает актуальный вопрос: как долго капитализм может идти по пути глобализации, существуют ли исторические границы движения маятника глобализации? Как уже неоднократно было отмечено в рамках настоящей работы, глобализация позволяет центру капиталистической мир-системы перенести бремя кризиса на периферию. Таким образом, ее роль в

развитии мирового капитализма становится принципиально важной. Однако в отличие от Р. Люксембург авторы не разделяют гипотезу об «автоматическом крахе капитализма», который может случиться вместе с исчерпанием периферии. Исторические реалии развития капитализма показывают, что гегемон вполне способен самостоятельно создавать себе периферию, разрушая национальные экономики вооруженным путем или подчиняя их политически. Таким образом, ключевым фактором социально-экономического прогресса, который ознаменовал бы переход к новому способу производства, становится классовая борьба, т. е., в соответствии с идеями В. И. Ленина, борьба организованного пролетариата.

2. Несмотря на большие амбиции китайского капитала на мировое господство, внутренние противоречия социально-экономического устройства создают множество препятствий на пути КНР в центр мир-системы. Учитывая отставание от США и ЕС в освоении технологий шестого ТУ, Китай не сможет выдержать растущего сопротивления со стороны западного капитала. Поскольку преимущества китайской экономики проявляют себя только в условиях высокого внешнего спроса, а также постоянного притока инвестиций, посткризисный период деглобализации, затянувшийся уже более чем на десятилетие, в среднесрочной перспективе может свести на нет потенциал промышленности КНР. В случае реализации идей реиндустриализации Европы и США Китай потеряет основные рынки сбыта. Капитал западного мира будет оказывать давление на экономику КНР через санкции и торговые пошлины, контроль над передовыми технологиями, доступ к природным ресурсам, через финансовые каналы, в информационно-коммуникационном пространстве, а также военным путем. Преодолеть эти преграды Китай сможет лишь за счет еще большего удешевления своих товаров посредством внутренней девальвации, т. е. урезания зарплат и социальной политики государства, еще большего давления на курс юаня. Это вызовет серьезные социальные потрясения в китайском обществе, которое сегодня не готово на повторение трудовых подвигов прошлых поколений.

Эскалация внутренней напряженности может привести к глубокому социально-политическому кризису в китайском обществе и экономическому упадку.

3. Избежать описанного выше развития событий Китай может в случае, если осуществит отделение от капиталистической мир-системы. КНР станет центром притяжения тех субъектов мировой экономики, которые готовы бороться за выход из отношений экономической зависимости. Союз КНР с такими странами может стать политическим и экономическим противовесом американской гегемонии и вернуть человечество в состояние двухполярного мира. Развитие событий по такому сценарию может стать реальностью в случае победы в КНР политических сил, способных реализовать программу «новых левых». Это будет означать сворачивание неолиберальных реформ, ограничение оттока капитала, ориентацию производства на внутренний рынок и обеспечение роста доходов большинства трудящегося населения страны, борьбу с социальным неравенством и расширение плановых механизмов управления экономикой государством. В более радикальном варианте отделение от мир-системы означало бы для Китая и его союзников полный отказ от капиталистических отношений, что выражалось бы в обобществлении крупных производств, отказ от товарности в экономических отношениях в пользу планомерности, учреждение общественных фондов потребления и принципов кооперации с союзными странами. Эти меры авторы ассоциируют с движением к социализму. Россия также могла бы стать союзником КНР в создании такой интеграционной группировки, однако также лишь при осуществлении значительных политических преобразований в стране, связанных с приходом к власти леворадикальных сил.

Наконец, надо задаться вопросом: как долго капитализм способен раскачиваться на этих «качелях глобализации», переходя от одного цикла накопления к другому. Есть ли финал у этого движения? В споре с В.И. Лениным Р. Люксембург настаивала на возможности автоматического краха капитализма. Он произойдет тогда, когда товарное производство охватит всю

периферию и в мире уже не останется ни одной некапитализированной страны. Идея эта звучит красиво, но авторы настоящего исследования его не разделяют. Исторические реалии развития капитализма показывают, что гегемон способен самостоятельно создавать себе периферию, разрушая национальные экономики вооружённым путём или подчиняя их политически. Так, на периферию мир-системы в результате поражения в холодной войне попали страны социалистического лагеря, давно прошедшие процесс индустриализации и имевшие развитые, диверсифицированные экономики. А примеры Ливии, Югославии и других стран, разрушенных в результате военной агрессии гегемона, красноречиво говорят: ни один народ не застрахован от того, чтобы спуститься в мир-системной иерархии на ступень вниз.

Очередной кризис капитализма может создать лишь объективные условия для перехода общества к новой, социалистической ступени развития. Период глобальной турбулентности как никогда обостряет значимость субъективного фактора истории - социально-классовой борьбы. Дело остаётся лишь за тем, чтобы массы взяли на себя смелость стать творцом собственной истории.

Список использованной литературы

1. *Амин С.* Финансовая глобализация: войдет ли в нее Китай? // Вопросы политической экономики. 2019. № 1. С. 23–33.
2. *Арриги Дж.* Адам Смит в Пекине. Что получил в наследство XXI век. М.: Институт общественного проектирования, 2009. 456 с.
3. *Арриги Дж.* Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени. М.: ИД «Территория будущего», 2006. 470 с.
4. *Архипова В. В.* Мировая финансовая система: глобализация или деглобализация? // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 5. С. 40–49.
5. *Бернал Дж. Д.* Наука в истории общества. М.: Изд-во иностранной литературы, 1956. 736 с.
6. *Бреннер Р.* Экономика глобальной турбулентности. Развитие капиталистические экономики в период от долгого бума до долгого спада, 1945–2005. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. 552 с.
7. *Бузгалин А. В., Колганов А. И.* Глобальный капитал. Т. 2. Теория: Глобальная гегемония капитала и ее пределы («Капитал» re-loaded). Изд. 3-е, испр. и суц. доп. М.: Ленанд, 2018. 912 с.
8. *Вавилов Н.* Некоронованные короли красного Китая. Клань и политические группировки КНР. М.: Концептуал, 2019. 224 с.
9. *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / пер. с англ. П. М. Кудюкина. Под общей редакцией канд. полит. наук Б. Ю. Кагарлицкого. СПб.: Университетская книга, 2001. 416 с.
10. *Валлерстайн И.* Ускоренное падение. Наступление эпохи многополярности // Закат империи США: Кризисы и конфликты. Институт глобализации и социальных движений. М.: МАКС Пресс, 2013.
11. *Ван дер Вее Г.* История мировой экономики. 1945–1990 / пер. с фр. М.: Наука, 1994. С. 279–281.

12. *Гильфердинг Р.* Финансовый капитал. Новейшая фаза в развитии капитализма. М.: ГИЗ, 1922. 480 с.

13. *Глазьев С. Ю.* Мирохозяйственные уклады в глобальном экономическом развитии // Экономика и математические методы. 2016. Т. 52. № 2. С. 3–29.

14. *Глазьев С. Ю.* Открытие закономерности смены технологических укладов в ЦЭМИ АН СССР // Экономика и математические методы. 2018. Т. 54. № 3. С. 17–30.

15. *Глазьев С. Ю., Львов Д. С.* Теоретические и прикладные аспекты управления НТП // Экономика и математические методы. 1986. № 5. С. 793–804.

16. *Глазьев С. Ю.* Современная теория длинных волн в развитии экономики // Экономическая наука современной России. 2012. № 2. С. 27–42.

17. *Глазьев С. Ю., Харитонов В. В.* Нанотехнологии как ключевой фактор нового технологического уклада в экономике. М.: Тривант, 2009. 304 с.

18. *Гобсон Дж.* Империализм. Ленинград: Рабочее издательство «Прибой», 1927. 286 с.

19. *Грамши А.* Тюремные тетради. В 3 ч. Ч. 1. Пер. с ит. М.: Политиздат, 1991. 560 с.

20. *Гринин А. Л., Гринин Л. Е.* Кибернетическая революция и исторический процесс (технологии будущего в свете теории производственных революций) // Философия и общество. 2015. № 1–2. С. 17–47.

21. *Гущин Е. С.* и др. Мониторинг актуальных событий в области международной торговли № 48 // ВАВТ. 2020. 30 апреля.

22. *Гэлбрейт Дж. К.* Новое индустриальное общество. М.: Прогресс, 1969.

23. *Дзарасов Р. С.* Современный капитализм: центр, периферия и «Великая стагнация» [Электронный ресурс] // Московский экономический

форум, 2017. URL: <https://me-forum.ru/upload/iblock/4c1/4c1a614571d5606ec7dd2ca3f0a69183.pdf>

24. *Дзарасов Р. С., Новоженев Д. В.* Крупный бизнес и накопление капитала в современной России. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. 512 с.

25. *Едовина Т.* ЕС не до стали. Европа закрывает свой рынок от избытка импорта, от которого отказались США [Электронный ресурс] // Коммерсант. 2019. № 19. 4 апреля. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3873389> (дата обращения: 20.11.2020).

26. *Жданова А. М.* Подходы к определению понятия «глобализация» // Проблемы современной экономики, 2012. № 3. С. 106–109.

27. *Захаров А. Н., Русак Н. А.* Внешняя торговля Китая со странами Африки // Российский внешнеэкономический вестник, 2018. № 4. С. 68–75.

28. *Ирисова О.* Гуманный империализм: как Китай завоевывает Африку [Электронный ресурс] // Forbes 27.03.2015. URL: <https://www.forbes.ru/mneniya-column/mir/283713-gumannyyi-imperializm-kak-kitai-zavoevyvaet-afriku> (дата обращения: 20.11.2020).

29. Какими китайскими компаниями запретило торговать правительство США [Электронный ресурс] // БКС Экспресс. URL: (<https://bcs-express.ru/novosti-i-analitika/kakimi-kitaiskimi-kompaniiami-zapreshchaet-torgovat-pravitel-stvo-ssha>) (дата обращения: 14.01.2020).

30. *Калюков Е.* Си Цзиньпин призвал «не запирайтесь в темной комнате протекционизма» [Электронный ресурс] // РБК. 17.10.2017. URL: <https://www.rbc.ru/economics/17/01/2017/587e04829a79476f6224e9dd> (дата обращения: 20.11.2020).

31. *Кардозо Ф. Э., Фалетто Э.* Зависимость и развитие Латинской Америки. Опыт социологической интерпретации. М.: ИЛА РАН, 2002. 220 с.

32. *Киссинджер Г.* О Китае. М.: АСТ, 2020. 634 с.

33. *Колганов А. И.* Эволюция денег как момент эволюции финансового капитала // Вопросы экономики, 2019. № 8. С. 67–84.

34. *Комолов О. О.* Деглобализация в контексте мировой экономической стагнации // Экономическое возрождение России. 2018. № 4. С. 50–63.
35. *Комолов О. О.* Монополизация как фактор кризисных процессов и трансформации современной рыночной экономики: монография. М.: Инфра-М, 2018. 138 с.
36. *Комолов О. О.* Норма прибыли в контексте нестабильности мировой экономики // Вестник Института экономики РАН, 2017. № 3. С. 35–52.
37. *Кришталь В. В.* Андрей Карлович Шторх — первый всемирно известный русский экономист // Экономическое возрождение России. 2010. № 1. С. 131–135.
38. *Кудияров С.* Опала коалы: шанс для русского коула / Эксперт №7. 8-14 февраля 2021. С.22-26
39. *Кузнецов А.* Эволюция политики протекционизма в Великобритании и США [Электронный ресурс] // Международная жизнь. 2010. № 12. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/368>
40. *Ленин В. И.* Грозящая катастрофа и как с ней бороться // В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, издание пятое. М.: Издательство политической литературы, 1969. Т. 34.
41. *Ленин В. И.* Грозящая катастрофа и как с ней бороться // В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, издание пятое. М.: Издательство политической литературы, 1969. Т. 27.
42. *Ленин В. И.* Империализм, как высшая стадия капитализма // В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, издание пятое. М.: Издательство политической литературы, 1969. Т. 27.
43. *Ленин В. И.* Развитие капитализма в России // В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, издание пятое. М.: Издательство политической литературы, 1969. Т. 3.
44. *Лист Ф.* Национальная система политической экономии. М.: Социум, 2017. 451 с.

45. *Лубская Е. В.* Глобальные цепочки добавленной стоимости как новый элемент международной торговли // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2017. № 2. С. 138–142.
46. *Люксембург Р.* Накопление капитала: т. 1, издание пятое. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1934. 504 с.
47. *Маркс К.* Критика политической экономии: I т. «Капитала» // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1960. Т. 23.
48. *Маркс К.* Критика политической экономии: II т. «Капитала» // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1960. Т. 24.
49. *Маркс К.* К критике политической экономии. Предисловие // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 13. М.: Политиздат, 1959.
50. *Маркс К.* Капитал. Т. III // К. Маркс, Ф. Энгельс. Полное собрание сочинений. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961.
51. *Маркс К.* Капитал. Т. III // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 25. М.: Политиздат, 1961.
52. *Маркс К.* Наброски ответа на письмо В. И. Засулич. Третий набросок // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1960. Т. 19.
53. *Маркс К.* Письмо в редакцию «Отечественных записок» // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1960. Т. 19.
54. *Маркс К.* Речь д-ра Маркса о протекционизме, свободе торговли и рабочем классе // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1960. Т. 4.
55. *Маркс К., Энгельс Ф.* Критика политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1960. Т. 23.
56. *Маршалл А.* Принципы политической экономии. Т. III / пер. с англ. М.: Прогресс, 1984. 25 л.
57. *Маслов Г. А.* Техничко-экономическое развитие и возвращение протекционизма // Проблемы современной экономики. 2019. № 1. С. 43–47.

58. *Маслов Г. А.* Трансформации корпоративного планирования: предпосылки актуализации в экономической теории // Вопросы политической экономики. 2020. № 2. С. 147–158.

59. *Мендельсон Л. А.* Теория и история экономических кризисов и циклов. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1959. 1430 с.

60. *Меньшиков С. М., Клименко Л. А.* Длинные волны в экономике. Когда общество меняет кожу. М.: ЛЕНАНД, 2016. 288 с.

61. Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков. В 5 т. // Сопред. редкол. Г. Г. Фетисов, А. Г. Худокормов. Т. 1. От зари цивилизации до капитализма / отв. ред. Г. Г. Фетисов. М.: Мысль, 2004. 718 с. С. 202.

62. *Некипелов А. Д.* Глобализация и стратегия развития экономики России [Электронный ресурс] // ИНП РАН. URL: <https://ecfor.ru/wp-content/uploads/2001/fr/4/01.pdf> (дата обращения: 10.03.2018). С. 1.

63. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. А. Н. Нестеренко. М.: Фонд экономической книги «Начала», серия «Современная институционально-эволюционная теория», 1997. 180 с.

64. *Ольсевич Ю. Я.* Современный кризис «мэйнстрима» в оценках его представителей (предварительный анализ) // Российский экономический журнал. 2013. № 5. С. 53–76.

65. *Островский А. В.* Китай становится экономической сверхдержавой. М.: Институт Дальнего Востока РАН: ООО «Издательство МБА», 2020. 496 с.

66. *Островский А. В.* Экономика Китая после XIX съезда КПК: движение вверх (по материалам XIX съезда КПК и 1-й сессии ВСНП 13-го созыва) // Экономика КНР в свете решений XIX съезда КПК // отв. ред. А. В. Островский. М.: ИДВ РАН, 2019. С. 5–20.

67. От желтых морей до пустынного края. Как Компартия Китая удерживает вместе 33 региона [Электронный ресурс] // Коммерсант. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3629907> (дата обращения: 20.11.2020).

68. *Паньков В. С.* 2020 год — глобализация или деглобализация? // *Международная жизнь*, 2010. № 5. С. 163–176.

69. *Петлев В., Трифонова П.* Пошлины не напугали металлургов. Почему протекционизм может сыграть на руку российским производителям металлов [Электронный ресурс] // *Ведомости*. 24.05.2018. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2018/05/24/770538-poshlini-metallurgov> (дата обращения: 20.11.2020).

70. *Портер М.* Международная конкуренция. Конкурентные преимущества стран. М.: Альпина Паблишер, 2016. 947 с.

71. *Портер М.* Конкурентное преимущество: Как достичь высокого результата и обеспечить его устойчивость. М.: Альпина Паблишер, 2016. 716 с.

72. *Пребиш Р.* Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива? М.: ИЛА, 1992. 337 с.; *Singer H. W.* The Distribution of Gains between Investing and Borrowing Countries // *American Economic Review*, 1950. Vol. 40. No. 2. Papers and Proceedings of the Sixty-second Annual Meeting of the American Economic Association. P. 473–485.

73. Проблемы ЕАЭС и «зеленые» перспективы Кыргызстана [Электронный ресурс] // Евразийский Банк Развития, 4 июня 2020 г. URL: <https://eabr.org/press/news/problemy-eaes-i-zelyenye-perspektivy-kyrgyzstana/> (дата обращения: 12.11.2020).

74. Развитие в современном мире. Возможен ли национально ориентированный капитализм? // *Экономика мегаполисов и регионов*, 2013. № 1 (48). С. 8–35.

75. *Рикардо Д.* Начала политической экономии и налогообложения. Избранное. М.: Эксмо, 2016. 1040 с.

76. *Сакс Д.* Цена цивилизации / пер. с англ. А. Калинина; под ред. В. Ю. Григорьевой. М.: Издательство Института Гайдара, 2012. 352 с.

77. Североамериканская зона свободной торговли в новых реалиях [Электронный ресурс] // *Евразийские стратегии*, 10.07.2020. URL:

<http://eurasian-strategies.ru/media/insights/severoamerikanskaja-zona-svobodnoj-torgovli-v-novyh-realijah/> (дата обращения: 12.11.2020).

78. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов / пер. с англ. М.: АСТ, 2019. 1072 с.

79. *Сорос Дж.* Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности. Пер. с англ. М.: Инфра-М, 1999. XXVI, 262 с.

80. *Сото Э. де.* Иной путь. Невидимая революция в третьем мире / пер. с англ. Б. Пинскера. М.: Catallaxy, 1995. 320 с.

81. *Сото Э. де.* Иной путь. Экономический ответ терроризму. М.: Социум, 2008. 384 с.

82. *Стиглиц Дж. Ю.* Глобализация: тревожные тенденции // пер. С англ. Г. Г. Пирогова. М.: Национальный общественно-научный фонд, 2003. 304 с.

83. Товарооборот Китая с Африкой поставил новый рекорд [Электронный ресурс] // ИА REGNUM, 07.07.2019. URL: <https://regnum.ru/news/2661235.html> (дата обращения: 12.11.2020).

84. *Толкачев С. А., Тепляков А. Ю.* Концепция циклической последовательности распространения базисных технологий в экономике и онтологическая обусловленность теорий индустриального общества // Экономическое возрождение России. 2019. № 4. С. 19–36.

85. *Толкачев С. А., Тепляков А. Ю.* Эволюция внешнеэкономической политики ведущих стран мира на современном этапе через призму долгосрочных технологических изменений в экономике // Новая экономическая политика для России и мира. Сборник научных трудов участников Международной научной конференции «XXVII Кондратьевские чтения» под редакцией В. М. Бондаренко. М.: Межрегиональная общественная организация содействия изучению, пропаганде научного наследия Н. Д. Кондратьева, 2019. С. 205–211.

86. *Толкачев С. А., Тепляков А. Ю.* Мировая фармация за импортозамещение и против глобализации [Электронный ресурс] // Капитал страны. URL: [https://kapital-](https://kapital-251)

rus.ru/articles/article/mirovaya_farmaciya_za_importozameschenie_i_protiv_globalizacii/ (дата обращения: 15.03.2021).

87. *Тоффлер Э.* Третья волна. М.: АСТ, 1999. 784 с.

88. *Фаляхов Р.* В Евросоюзе рассматривают стратегию развития до 2024 года [Электронный ресурс] // Сайт Газета.ru. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2019/06/11/12409141.shtml> (дата обращения: 15.11.2020).

89. *Фридман М.* Капитализм и свобода / пер. с англ. М.: Новое издательство, 2006. 240 с.

90. *Хейне П., Боутке П., Причитко Д.* Экономический образ мышления, 10-е издание / пер. с англ. М.: Издательский дом «Вильямс», 2007. 544 с.

91. *Хейфец Б. А.* Метаморфоза экономической глобализации. М.: Институт экономики РАН, 2018. 41 с.

92. *Шваб К.* Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016. 342 с.

93. *Шевченко И. В., Дробышевская Л. Н.* Инновационная основа смены технологических укладов в современной глобальной экономике // Финансы и кредит. 2005. № 35 (203). С. 16–24.

94. *Шторх А. К.* Курс политической экономии. М.: Экономическая газета, 2008.

95. *Шумпетер Й.* Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М.: Эксмо, 2007. 864 с. (Антология экономической мысли).

96. *Энгельс Ф.* Англия в 1845 и 1885 годах // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1960. Т. 21.

97. *Энгельс Ф.* Наброски к критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 1. М.: Политиздат, 1955.

98. A strong majority of Canadians think the Canada-US border should remain closed for the foreseeable future. National survey [Электронный ресурс] // Nanos Research. July, 2020. URL: <https://823.910.myftpupload.com/wp->

content/uploads/2020/07/2020-1676-Globe-June-Omni-US-Border-Populated-Report-with-Tab.pdf (дата обращения: 16.11.2020).

99. *Acemoglu D., Gleason T., Tsuda K.* Economic Inequality and Globalization // *The Brown Journal of World Affairs*. 2006. Vol. 13. No. 1. P. 19–20.

100. *Acemoglu D., Yared P.* Political limits to globalization // *American Economic Review*. 2010. Vol. 100. No. 2. P. 83–88.

101. *Acemoglu, D., Robinson J.* Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity and Poverty (1st). 1st ed. New York: Crown, 2012. 529 p.

102. Affected Countries [Электронный ресурс] // Global trade alert. URL: https://www.globaltradealert.org/sector/412/period-from_20090101/period-to_20210116 (дата обращения: 25.11.2020).

103. *Alibert J.* Euroscepticism: The root causes and how to address them [Электронный ресурс] // Heinrich Böll Foundation, October 2015. URL: https://eu.boell.org/sites/default/files/euroscepticism_the_root_causes_and_how_to_address_them.pdf (дата обращения: 25.11.2020).

104. *Alvaredo F.* World inequality report / F. Alvaredo, T. Piketty, L. Chancel [Электронный ресурс] // World Inequality lab. URL: <http://wir2018.wid.world/files/download/wir2018-full-report-english.pdf> (дата обращения: 25.11.2020).

105. *Amin S.* China 2013 [Электронный ресурс] // *Monthly Review*. 2013. 64 (10). URL: <https://monthlyreview.org/2013/03/01/china-2013/> (дата обращения: 25.11.2020).

106. *Amin S.* Delinking: towards a polycentric world. London: ZED Books, 1990. 208 p.

107. *Amin S.* The challenge of globalization // *Review of International Political Economy*, 1996. Vol. 3. No. 2. 216–259 pp.

108. *Amin S.* The Implosion of Contemporary Capitalism: The challenge for the radical left. New York: NYU Press, 2013. 144 p.

109. *Amin S.* The Surplus in Monopoly Capitalism and the Imperialist Rent [Электронный ресурс] // Monthly Review, 2012. Vol. 64. Issue 3. URL: <https://monthlyreview.org/2012/07/01/thesurplus-in-monopoly-capitalism-and-the-imperialist-rent/> (дата обращения: 25.11.2020).

110. *Amin S.* Unequal Development. An Essay on Social Formations of Peripheral Capitalism. New York: Monthly Review Press, 1976. 440 p.

111. An open and shut case [Электронный ресурс] // Economist, October 1, 2016. URL: <https://economist.com/news/special-report/21707833-consensus-favour-open-economies-cracking-says-johnosullivan> (дата обращения: 14.04.2018).

112. *Anderson K.* American University International Law Review // Foreign Affairs, 2007. Vol. 22. No 2. 277–332 pp.

113. *Arezki R., Hadri R., Loungani P., et al.* Testing the Prebisch-Singer Hypothesis since 1650: Evidence from Panel Techniques that Allow for Multiple Breaks [Электронный ресурс] // IMF Working Paper, 2013. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2013/wp13180.pdf> (дата обращения: 14.04.2018).

114. *Arnold M., Hall C.* Big Banks Losing Interest in Global Ambitions // Financial Times. 2014. October 20.

115. *Auzan A. A.* The economy under the pandemic and afterwards // Population and Economics, 2020. Vol. 4. 4–12 pp.

116. *Bair J.* (ed.). Frontiers of commodity chain research. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 2009. 296 p.

117. Balance of payments [Электронный ресурс] // IMF. URL: <http://www.imf.org/en/Data> (дата обращения: 10.09.2020).

118. *Baran P., Sweesy P.* Monopoly Capital. New York: Monthly Review Press, 1966. 416 p.

119. *Barber W. J.* A history of economic thought. Middletown, Connecticut: Wesleyan University Press, 2009. 266 p.

120. *Bello W.* Deglobalization — Ideas for a New World Economy (Global Issues). London: Zed Books, 2004. 162 p.

121. *Braudel F.* La dynamique du capitalisme. Paris: Arthaud, 1985. P. 85–86.

122. *Bregman R.* A growing number of people think their job is useless. Time to rethink the meaning of work [Электронный ресурс] // World Economic Forum, 2017. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2017/04/why-its-time-to-rethink-the-meaning-of-work/>

123. *Brennan L., Rakhmatullin R.* Global Value Chains and Smart Specialisation Strategy. Thematic Work on the Understanding of Global Value Chains and their Analysis within the Context of Smart Specialisation; (2015) EUR 27649 EN; 2015, doi: 10.2791/44840. P. 8.

124. Business Tendency Surveys for Manufacturing: Capacity Utilization: Rate of Capacity Utilization: European Commission and National Indicators for China [Электронный ресурс] // FRED. URL: <https://fred.stlouisfed.org/series/BSCURT02CNQ160S> (дата обращения: 13.12.2020).

125. *Cecchetti S., Kharroubi E.* Why does financial sector growth crowd out real economic growth? // BIS Working Papers, 2015. No. 490. 31 p.

126. *Chen H., Pan J., & Xiao W.* Chinese Outward Foreign Direct Investment and Industrial Upgrading from the Perspective of Differences among Countries // China & World Economy, 2020. 28 (3). P. 1–28.

127. China Industrial Capacity Utilization, 2013–2020 Data [Электронный ресурс] // Trading Data. URL: <https://tradingeconomics.com/china/capacity-utilization#:~:text=Capacity%20Utilization%20in%20China%20averaged,the%20first%20quarter%20of%202020> (дата обращения: 12.12.2020).

128. China Statistical Yearbook 2001 [Электронный ресурс] // National Bureau of Statistics. URL: <http://www.stats.gov.cn/english/statisticaldata/yearlydata/YB2001e/ml/indexE.htm> (дата обращения: 21.11.2020).

129. China Statistical Yearbook 2018 [Электронный ресурс] // National Bureau of Statistics. URL: (<http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2019/indexeh.htm>) (дата обращения: 21.11.2020).

130. Chinese Investment In Africa [Электронный ресурс] // Johns Hopkins Univeristy SAIS China-Africa Research Initiative. URL: <http://www.sais-cari.org/chinese-investment-in-africa#:~:text=Chinese%20FDI%20annual%20flows%20to,US%245.4%20billion%20in%202018> (дата обращения: 21.11.2020).

131. *Chomsky N.* Profit Over People: Neoliberalism and the Global Order. New York: Seven Stories Press, 2011. 177 p.

132. Closer to the Citizens, Closer to the Ballot [Электронный ресурс] // European Parliament. URL: <https://www.europarl.europa.eu/at-your-service/en/heard/eurobarometer/closer-to-the-citizens-closer-to-the-ballot> (дата обращения: 21.11.2020).

133. *Coccia M.* Asymmetry of the technological cycle of disruptive innovations // Technology Analysis & Strategic Management. 2020. Т. 32. № 12. P. 1462–1477.

134. Country exposure to interventions [Электронный ресурс] // Global trade alert. URL: https://www.globaltradealert.org/global_dynamics/area_all (дата обращения: 20.11.2020).

135. COVID-19 Temporary Trade Measures [Электронный ресурс] // ITC. URL: <https://www.mactap.org/covid19> (дата обращения: 12.09.2020).

136. *David H. Autor.* Why Are There Still So Many Jobs? The History and Future of Workplace Automation // Journal of Economic Perspectives, 2015. Vol. 29. No. 3. P. 3–30.

137. *Degras J.* The Communist International: Documents, 1919–1943. Oxford: Oxford University Press, 1965. Vol. 2. 534 p.

138. *Desai R.* Geopolitical Economy: After Hegemony, Globalization and Empire. London: Pluto Press, 2013. 328 p.

139. Direct Investment by Country and Industry [Электронный ресурс] // BEA. URL: <https://www.bea.gov/data/intl-trade-investment/direct-investment-country-and-industry> (дата обращения: 20.11.2020).
140. *Dosi G.* Technological paradigms and technological trajectories // *Research Policy*. 1982. Vol. 11. N. 3. P. 147–162.
141. *Dur R., Van Lent M.* Socially useless jobs // *Industrial Relations: A Journal of Economy and Society*. 2019. Vol. 58. No. 1. P. 3–16.
142. European Commission. Directorate General for Communication; TNS Opinion & Social [Электронный ресурс] // Standard Eurobarometer 84, Autumn 2015. Report: Public opinion in the European Union. P. 104–113. URL: <http://ec.europa.eu/COMMFrontOffice/publicopinion/index.cfm/ResultDoc/download/DocumentKy/72826> (дата обращения: 20.11.2020).
143. European Union priorities for 2019–2024 [Электронный ресурс] // EU. URL: https://europa.eu/european-union/about-eu/priorities_en (дата обращения: 15.11.2020).
144. Euroscepticism on the rise across Europe as analysis finds increasing opposition to the EU in France, Germany and Spain [Электронный ресурс] // *Independent.co*, 7 June 2016. URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/europe/euroscepticism-rise-across-europe-analysis-finds-increasing-opposition-eu-france-germany-and-spain-a7069766.html> (дата обращения: 20.11.2020).
145. Euroscepticism or Europhobia: Voice vs Exit? [Электронный ресурс] // Jacques Delors Institute, November 2014. P. 4–6. URL: <http://www.institutdelors.eu/wp-content/uploads/2018/01/euroscepticismmoreeurophobia-bertoncini-koenig-ne-jdi-nov14.pdf> (дата обращения: 20.11.2020).
146. Exchange-traded futures and options, by location of exchange [Электронный ресурс] // Bank for International Settlements. URL: <https://stats.bis.org/statx/srs/table/d1?f=pdf> (дата обращения: 20.11.2020).

147. Fan R. China's excess capacity: Drivers and implications [Электронный ресурс] // Stewart and Stewart. 2015. Vol. 12. URL: <http://www.stewartlaw.com/Content/Documents/China's%20Excess%20Capacity%20-%20Drivers%20and%20Implications.pdf> (дата обращения: 20.11.2020).

148. FDI (% of GDP) [Электронный ресурс] // IMF. URL: <https://data.imf.org/?sk=9D6028D4-F14A-464C-A2F2-59B2CD424B85> (дата обращения: 10.09.2020).

149. FDI (% of GDP) [Электронный ресурс] // World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/BX.KLT.DINV.WD.GD.ZS> (дата обращения: 10.09.2020).

150. Financial Statements [Электронный ресурс] // General Electric. URL: https://www.ge.com/sites/default/files/GE_AR_2015_Statements_of_Earnings.pdf (дата обращения: 20.11.2020).

151. *Fine B., Milonakis D.* From political economy to economics: Method, the social and the historical in the evolution of economic theory. Routledge, 2009. 368 p.

152. *FitzGibbon J., Leruth B., Startin N.* (editors). Euroscepticism as a Transnational and Pan-European Phenomenon. Taylor & Francis, 2016. 198 p.

153. *Fligstein N.* The architecture of markets: An economic sociology of twenty-first-century capitalist societies. Princeton: Princeton University Press, 2002. 288 p.

154. *Freeman R.* The new global labor market // Focus, University of Wisconsin — Madison Institute for Research on Poverty, 2008. Vol. 26. № 1. P. 2.

155. *Fukuyama F.* The End of History? // The National Interest, 1989 (16). P. 3–18.

156. Further Tightening of Germany's Foreign Investment Control Regime [Электронный ресурс] // M&A Review. May 18, 2020. URL: <https://ma-review.com/further-tightening-of-germanys-foreign-investment-control-regime/> (дата обращения: 10.09.2020).

157. *Garsten E.* USMCA Trade Deal Is Now In Force — And Mandating Higher Wages, More Paperwork [Электронный ресурс] // Forbes, July 1, 2020. URL: <https://www.forbes.com/sites/edgarsten/2020/07/01/usmca-is-now-in-force-mandating-higher-wages-more-paperwork/?sh=d4a19b82d7cf> (дата обращения: 10.09.2020).

158. *Gereffi G.* The Organization of Buyer-Driven Global Commodity Chains and Global Capitalism. L.: Praeger, 1994.

159. GDP (current US\$), Slovenia [Электронный ресурс] // World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.МКТР.CD?locations=SI> (дата обращения: 10.09.2020).

160. GDP based on PPP, share of world [Электронный ресурс] // IMF data mapper. URL: <https://www.imf.org/external/datamapper/PPPSH@WEO/OEMDC/ADVEC/WEO WORLD> (дата обращения: 12.11.2020).

161. GDP growth (annual %) [Электронный ресурс] // European Union. World Bank national accounts data, and OECD National Accounts data files. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.МКТР.KD.ZG?locations=EU> (дата обращения: 15.11.2020).

162. GDP, PPP (current international \$) — China [Электронный ресурс] // World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.МКТР.PP.CD?end=2019&locations=CN&start=1960&view=chart> (дата обращения: 15.11.2020).

163. Germany to Tighten National Foreign Direct Investment Screening Regime in Light of COVID-19 [Электронный ресурс] // Morgan Lewis. May 22, 2020. URL: <https://www.morganlewis.com/pubs/2020/05/germany-to-tighten-national-foreign-direct-investment-screening-regime-in-light-of-covid-19-cv19-lf#:~:text=Germany%20is%20taking%20several%20legislative,to%20the%20government's%20FDI%20ordinance> (дата обращения: 10.09.2020).

164. *Giattino C., Ortiz-Ospina E., Roser M.* Working Hours // Our World In Data URL: <https://ourworldindata.org/working-hours> (дата обращения: 10.02.2021).

165. Global 500 [Электронный ресурс] // Fortune. URL: <https://fortune.com/global500/2019/search/?assets=desc> (дата обращения: 08.04.2020).

166. Global crude steel output increases by 3.4 % in 2019 [Электронный ресурс] // World Steel Association AISBL, 2019. URL: <https://www.worldsteel.org/media-centre/press-releases/2020/Global-crude-steel-output-increases-by-3.4--in-2019.html> (дата обращения: 20.11.2020).

167. Global Dynamics [Электронный ресурс] // Global trade alert. URL: http://www.globaltradealert.org/global_dynamics/day-to_1231 (дата обращения: 18.03.2018).

168. Global Value Chain Development Report 2019: Technological Innovation, Supply Chain Trade, and Workers in a Globalized World [Электронный ресурс] // World Bank, April 15, 2019. URL: <https://documents.worldbank.org/publication/documents-reports/downloadstats?docid=384161555079173489> (дата обращения: 20.11.2020).

169. Globalization set back // The Economist. May 16, 2020. P. 57.

170. Globalization: A Brief Overview [Электронный ресурс] // IMF. URL: <https://www.imf.org/external/np/exr/ib/2008/053008.htm> (дата обращения: 10.03.2018).

171. Goodbye globalization // The Economist. May 16, 2020. P. 7.

172. Graeber D. On «bullshit jobs» // The Economist, 21.04.2013. URL: <https://www.economist.com/blogs/freeexchange/2013/08/labour-markets-0> (дата обращения: 14.03.2018).

173. Graeber D. On the Phenomenon of Bullshit Jobs: A Work Rant // Strike.coop. URL: <https://www.strike.coop/bullshit-jobs/> (дата обращения: 20.11.2020).

174. Gygli S. et al. The KOF Globalisation Index — Revisited // Review of International Organizations, 2019. 14 (3). P. 543–574.

175. *Harris J.* China–US Tensions: Is Globalization Dead? // *International Critical Thought*, 2020. Vol. 10. No. 2. P. 263–281.

176. *Harvey D.* Globalization in question // *Rethinking marxism*. 1995. Vol. 8. No. 4. P. 1–17. 7–16 pp.

177. *Harvey D.* The new imperialism. NY: Oxford university press, 2003. 253 p.

178. *Harvey D.* The Right to the City // Richard Scholar (ed.), *Divided Cities: The Oxford Amnesty Lectures 2003*. Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 83–103.

179. Implementing Countries [Электронный ресурс] // *Global trade alert*. URL: https://www.globaltradealert.org/sector/412/period-from_20090101/period-to_20210116 (дата обращения: 25.11.2020).

180. Imports of goods, services and primary income (BoP, current US\$) [Электронный ресурс] // World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/BM.GSR.TOTL.CD> (дата обращения: 25.11.2020).

181. Inbound Investment Survey [Электронный ресурс] // Global Business Alliance. URL: https://globalbusiness.org//dmfile/GlobalBusinessAlliance_InboundInvestmentSurveyFindings_May2020.pdf (дата обращения: 25.11.2020).

182. Increased corporate concentration and the influence of market power [Электронный ресурс] // Barclays, 2019, 05. URL: https://www.investmentbank.barclays.com/content/dam/barclaysmicrosites/ibpublic/documents/our-insights/MarketPower/Barclays-ImpactSeries5-MarketPower_final_2.4MB.pdf (дата обращения: 25.11.2020).

183. *Jomo K. S.* Manufacturing competitiveness in Asia // Taylor & Francis, 2003. 240 p.

184. *Kaufman T.* Why DOJ Deemed Bank Execs Too Big To Jail [Электронный ресурс] // Forbes, 29.07.2013. URL:

<http://www.forbes.com/sites/tedkaufman/2013/07/29/why-doj-deemed-bankexecs-too-big-to-jail/> (дата обращения: 25.10.2015).

185. *Kautsky K. Ultra-imperialism* [Электронный ресурс] // Adam Matthew Digital, 1970. URL: <https://www.marxists.org/archive/kautsky/1914/09/ultra-imp.htm>.

186. *Keynes J. M. Activities 1940–1944: shaping the post-war world, the Clearing Union*. Edited by D. Moggridge. 1980. 522 p.

187. *Keynes J. M. Proposals for an International Currency (or Clearing) Union: Fourth Draft of the “Keynes Plan”*. In Horsefield J. K. (ed.). In Moggridge D. (ed.) *The Collected Writings of John Maynard Keynes*. London: Macmillan.

188. *Keynes J. M. The General Theory of Employment, Interest and Money*. London: Macmillan, 1936.

189. *Komolov O. Capital outflow and the place of Russia in core-periphery relationships* // *World review of political economy*, 2019. Vol. 10. No. 3. P. 328–341.

190. *Kotz D. M. Globalization and neoliberalism* // *Rethinking Marxism*. 2002. Vol. 14. No. 2. P. 64–79.

191. *Kotz D. M. The Rise and Fall of Neoliberal Capitalism* — Cambridge, Massachusetts & London, England, 2015. 270 p.

192. *Kotz D. Globalization and Neoliberalism* // *Rethinking Marxism*. 2002. Vol. 14. No. 2. *Rethinking Marxism*. Vol. 12. No. 2. Summer 2002. P. 64–79.

193. *Krugman P. Increasing returns, monopolistic competition, and international trade*. 1979. Vol. 9 (4), P. 469–479.

194. *Krugman P. The ‘new’ economic geography: Where are we?* // *Regional Integration in East Asia*. London: Palgrave Macmillan, 2007. P. 23–34.

195. *Krugman P. Venables A. J. Globalization and the Inequality of Nations* // *The quarterly journal of economics*. 1995. Vol. 110. No. 4. P. 25–27.

196. *Laeven L., Valencia F. Resolution of Banking Crises: The Good, the Bad, and the Ugly* [Электронный ресурс] // IMF, Washington, August 2012. URL:

<http://www.imf.org/external/np/seminars/eng/2012/fincrisis/pdf/ch13.pdf> (дата обращения: 25.11.2020).

197. *Lang V., Mendes Tavares M.* The distribution of gains from globalization. IMF Working Paper WP/18/54. Washington, DC: International Monetary Fund, 2018. 66 p.

198. Lawrence M. Causes of Wage Stagnation [Электронный ресурс] // Economic Policy Institute, January 6, 2015. URL: <https://www.epi.org/publication/causes-of-wage-stagnation/> (дата обращения: 25.11.2020).

199. *Lazonick W., O'Sullivan M.* Maximizing shareholder value: a new ideology for corporate governance // *Economy and society*, 2000. Vol. 29. No. 1. P. 13–35.

200. *Leng S.* China's big plan to boost domestic consumption in midst of US trade war [Электронный ресурс] // *South China Morning Post*, 27.08.2019. URL: <https://www.scmp.com/economy/china-economy/article/3024587/chinas-big-plan-boost-domestic-consumption-midst-us-trade-war> (дата обращения: 25.11.2020).

201. *Li M.* The Rise of China and the Demise of the Capitalist World-Economy. London: Pluto Press, 2008. 208 p.

202. *Li M., Xiao F., Zhu A.* Long Waves, Institutional Changes, And Historical Trends: A Study Of The Long-Term Movement Of The Profit Rate In The Capitalist World-Economy // *Journal of World-Systems Research*. 2007. Vol. 13. N. 1. P. 33–54.

203. *Malthus T.* Principles of Political Economy: Considered with a View to Their Practical Applications. New York: Reprints of Economic Classics, Augustus M. Kelley, 1964. 446 p.

204. *Manyika J. et al.* Digital globalization: The new era of global flows. San Francisco, CA: McKinsey Global Institute, 2016. Vol. 4. P. 3, 27.

205. *Marshall A.* Industry and Trade. Cosimo, Inc., 2006. 424 p.

206. *Mensch G.* Theory of Innovation. Chapel Hill: Lexington Books, 1984.

207. Merchandise exports by product group — annual (Million US dollar) [Электронный ресурс] // WTO. URL: data.wto.org (дата обращения: 20.11.2020).
208. *Müller C.* IFR Press Conference 24th September 2020 Frankfurt// International Federation of Robotics, 2020, URL: <https://ifr.org/news/robot> (дата обращения: 15.12.2020)
209. *Nakizenovic N., Grubler A.* Long Waves, Technology Diffusion and Substitution. Laxenburg: IIASA, 1991. P. 313–343.
210. *North D. C. et al.* Violence and social orders: A conceptual framework for interpreting recorded human history. Cambridge University Press, 2009.
211. *North D. C.* The economic growth of the United States 1790–1860. W. W. Norton & Company, 1966. 324 p.
212. *Ozawa T.* Foreign Direct Investment and Structural Transformation: Japan as a Recycler of Market and Industry // *Business & the Contemporary World*, 1993. Vol. 5 (2). 129–150 pp.
213. *Ozawa T.* Pax Americana-Led Macro-Clustering and Flying-Geese-Style Catch-Up in East Asia: Mechanism of Regionalized Endogenous // *Journal of Asian Economics*, 2011. 699–713 pp.
214. Peer Review of the Korean Shipbuilding and Related Government Policies [Электронный ресурс] // OECD, Council Working Party on Shipbuilding, 2015. URL: [http://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=c/wp6\(2014\)10/final&doclanguage=en](http://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=c/wp6(2014)10/final&doclanguage=en) (дата обращения: 25.11.2020).
215. *Perez C.* Technological revolutions and financial capital. Edward Elgar Publishing, 2003. 224 p.
216. *Perez C.* Technological revolutions and techno-economic paradigms // Working Papers in Technology Governance and Economic Dynamics no. 20. Tallinn: Tallinn University of Technology, 2009.
217. Poverty headcount ratio at \$1.90 a day (2011 PPP) (% of population) [Электронный ресурс] // World Bank. URL:

<https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.DDAY> (дата обращения: 25.11.2020).

218. *Ramo J. C.* Globalism goes backward // *Fortune*. 2012. November 20.

219. *Reinert E. S. et al.* 80 economic bestsellers before 1850: a fresh look at the history of economic thought // The Other Canon Foundation and Tallinn University of Technology Working Papers in Technology Governance and Economic Dynamics. 2017. № 74. 105 p.

220. Research and development expenditure (% of GDP) [Электронный ресурс] // World Bank. URL: <https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=2&series=GB.XPD.RSDV.GD.ZS&country> (дата обращения: 25.11.2020).

221. *Roberts M.* The US rate of profit revisited [Электронный ресурс] // Michael Roberts blog. URL: <https://thenextrecession.wordpress.com/2015/12/20/the-us-rate-of-profit-revisited/> (дата обращения: 25.11.2020).

222. *Robinson W. I.* Globalization and the sociology of Immanuel Wallerstein: A critical appraisal // *International Sociology*, 2011. Vol. 26. No. 6. P. 723–745.

223. Robot density rises globally [Электронный ресурс] // International Federation of Robotics, 2016. URL: <https://ifr.org/news/robot-density-rises-globally/> (дата обращения: 15.12.2020).

224. *Rodrik D.* Populism and the economics of globalization // *Journal of international business policy*, 2018. Vol. 1. No. 1. P. 12–33.

225. *Rothfeder J.* The great unraveling of globalization // *Washington Post*, April 24, 2015.

226. *Sanders B.* Billions for Bailouts! Who Pays? [Электронный ресурс] // The Huffington Post, 25.05.2011. URL: http://www.huffingtonpost.com/rep-bernie-sanders/billions-for-bailouts-who_b_127882.html (дата обращения: 29.10.2020).

227. Sectors affected most often [Электронный ресурс] // Global trade alert. URL: https://www.globaltradealert.org/global_dynamics/area_all (дата обращения: 25.11.2020).
228. *Sen A.* Ten Theses on Globalization // *New Perspectives Quarterly*. 2001. Vol. 18 (4). P. 9–15.
229. *Shalmali G.* Globalisation // *Development in Practice*, 2007. Vol. 17. No. 4/5. P. 523–531.
230. *Shiller R. J.* Irrational exuberance: Revised and expanded third edition. Princeton university press, 2015. 392 p.
231. Shipbuilding Statistics [Электронный ресурс] // The Shipbuilder's Association of Japan, 2020. URL: https://www.sajn.or.jp/files/view/articles_doc/src/fcd3f818ebf3318cfd89e293f5bbac1b.pdf (дата обращения: 20.11.2020).
232. *Spence M.* Globalization and unemployment // N.Y.: Foreign affairs, 2011. Vol. 90. No. 4.
233. *Spohrer J.* NBICS (Nano-Bio-Info-Cogno-Socio) Convergence to Improve Human Performance: Opportunities and Challenges // Roco M., Bainbridge W. (eds). *Converging Technologies for Improving Human Performance: Nanotechnology, Biotechnology, Information Technology and Cognitive Science*. Arlington, 2004. 482 p.
234. Steel Statistic Yearbook // Brussels: Committee on Economic Studies. International Iron and Steel Association, 1996, 2000, 2010, 2015, 2020.
235. *Stiglitz J. E.* Making globalization work. W. W. Norton & Company, 2007. 374 p.
236. *Stiglitz J. E.* The overselling of globalization // *Business Economics*. 2017. Vol. 52. No. 3. P. 129–137.
237. *Stiglitz J.* Inequality Is Holding Back the Recovery [Электронный ресурс] // The New York Times, 19.01.2013. URL: <https://opinionator.blogs.nytimes.com/2013/01/19/inequality-is-holding-back-the-recovery/> (дата обращения: 29.10.2020).

238. Stocks traded, total value (current US\$) [Электронный ресурс] // World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/CM.MKT.TRAD.CD> (дата обращения: 29.10.2020).

239. *Stuart O.* How Will the Shift from NAFTA to USMCA Affect the Auto Industry? [Электронный ресурс] // Industry Week. Oct. 12, 2018. URL: <https://www.industryweek.com/the-economy/article/22026500/how-will-the-shift-from-nafta-to-usmca-affect-the-auto-industry> (дата обращения: 29.10.2020).

240. Survey Findings Underscore the Importance of Global Connections for America's Economic Recovery [Электронный ресурс] // Global Business Alliance. URL: <https://globalbusiness.org/pressrelease/survey-findings-underscore-the-importance-of-global-connections-for-america-s-economic-recovery> (дата обращения: 14.09.2020).

241. The grim truth of Chinese factories producing the West's Christmas toys [Электронный ресурс] // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/business/2016/dec/04/the-grim-truth-of-chinese-factoriesproducing-the-wests-christmas-toys> (дата обращения: 14.07.2020).

242. The Post-China 16: Ascendant Manufacturing Countries [Электронный ресурс] // Stratfor, 2013. URL: <https://worldview.stratfor.com/article/post-china-16-ascendant-manufacturing-countries> (дата обращения: 20.11.2020).

243. *Tomaskovic-Devey D., Lin K. H., Meyers N.* Did financialization reduce economic growth? // Socio-Economic Review, 2015. Vol. 13. No. 3. P. 525–548.

244. Total number of implemented interventions [Электронный ресурс] // Global trade alert. URL: https://www.globaltradealert.org/global_dynamics (дата обращения: 12.12.2020).

245. Trade and tariff data [Электронный ресурс] // WTO. URL: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/statis_e.htm (дата обращения: 10.09.2020).

246. Trade falls steeply in first half of 2020 [Электронный ресурс] // WTO. URL: https://www.wto.org/english/news_e/pres20_e/pr858_e.htm (дата обращения: 09.11.2020).

247. Trade indicators [Электронный ресурс] // UNCTADstat. URL: https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx?sCS_ChosenLanguage=en (дата обращения: 10.09.2020).

248. Trade set to plunge as COVID-19 pandemic upends global economy [Электронный ресурс] // WTO. URL: https://www.wto.org/english/news_e/pres20_e/pr855_e.htm (дата обращения: 09.11.2020).

249. Trade shows signs of rebound from COVID-19, recovery still uncertain [Электронный ресурс] // WTO. URL: https://www.wto.org/english/news_e/pres20_e/pr862_e.htm#:~:text=World%20merchandise%20trade%20volume%20is,below%20the%20pre%2Dcrisis%20trend (дата обращения: 09.11.2020).

250. Transnational Corporations: Investment and Development [Электронный ресурс] // UNCTAD. Volume 27, 2020, No. 2. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/diaeia2020d2_en.pdf (дата обращения: 14.09.2020).

251. *Vonyó T.* The Economic Consequences of the War. West Germany's Growth Miracle after 1945. Cambridge, United Kingdom; New York, NY: Cambridge University Press, 2018. 288 p.

252. *Wallerstein I.* After developmentalism and globalization, what? // *Social Forces*. 2005. Vol. 83. No. 3. P. 1263–1278.

253. *Wallerstein I.* Globalization or the age of transition? A long-term view of the trajectory of the world-system // *International Sociology*, 2000. Vol. 15 (2). P. 251–267.

254. *Wallerstein I.* *Utopistics: Or, Historical Choices of the Twenty-First Century*. New York: The New Press, 1998. 93 p. P. 89–90.

255. *Wallerstein I.* *Historical Capitalism with Capitalist Civilization*. London; 1995, New York: Verso. pp.142–147

256. *Webster S.* Opportunities Exist to Strengthen Policies and Processes for Managing Emergency Assistance [Электронный ресурс] // United States

Government Accountability Office. URL:
http://ru.scribd.com/doc/60553686/GAO-Fed-Investigation#outer_page_144 (дата обращения: 14.09.2020).

257. *Werts H., Lubbers M., Scheepers P.* Euro-scepticism and radical right-wing voting in Europe, 2002–2008: Social cleavages, socio-political attitudes and contextual characteristics determining voting for the radical right // *European Union Politics*, 2013. Vol. 14. No. 2. P. 183–205.

258. *Woetzel J. et al.* The China effect on global innovation // *McKinsey Global Institute*, 2015. 136 p.

259. World Economic Outlook Database, World economic outlook, China [Электронный ресурс] // IMF. URL:
<https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2020/October/weo-report> (дата обращения: 15.11.2020).

Авторы доклада:

Комолов Олег Олегович,

Кандидат экономических наук, старший научный сотрудник
Института экономики Российской академии наук

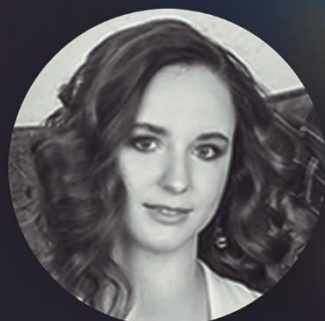
Джабборов Далер Бахтиёрович,

Кандидат экономических наук, научный сотрудник
Института экономики Российской академии наук

Абдулов Рафаэль Энварович,

Кандидат экономических наук, доцент, автор
Youtube-канала «Простые числа»

Степанова Тамара Дмитриевна,

Аспирантка экономического факультета МГУ
им. М.В. Ломоносова

Маслов Глеб Андреевич,

Кандидат экономических наук, научный сотрудник Центра
современных марксистских исследований философского
факультета МГУ имени М.В.Ломоносова